Для генералов, адмиралов и офицеров
Вооруженных Сил Российской Федерации

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

Военная мысль 2021 № 8 август

8

2021

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!
ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

1 АВГУСТА 2021 года в армии и на флоте отмечается День Тыла Вооруженных Сил. В этот день исполняется 80 лет Штабу материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации.

Первые органы снабжения войск в России созданы непосредственно в ходе строительства регулярной армии. За прошедшие столетия органы тыла многократно изменялись, развиваясь по мере совершенствования способов и средств ведения вооруженной борьбы, и играли важнейшую роль в достижении военных побед.

В Великой Отечественной войне состояние материального, технического и других видов обеспечения армии и флота стало одним из главных условий сокрушения мощного и коварного врага.

Уже в первые месяцы войны, с формированием Штаба Тыла Красной Армии в короткие сроки была создана устойчивая система всестороннего снабжения войск. Она способствовала успешному проведению десятков стратегических, сотен фронтовых и более тысячи армейских операций.

В настоящее время в системе материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации специалисты тыловых служб надежно обеспечивают повседневную и боевую жизнедеятельность войск и сил флота, достойно продолжают военно-профессиональные традиции.

Сегодня Штаб материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации является главным координатором задач, стоящих перед интегрированной системой материально-технического обеспечения войск (сил).

В последние годы Штабом МТО ВС РФ успешно организованы и скоординированы меры по развитию инфраструктуры российской группировки в Сирийской Арабской Республике, бесперебойному ее обеспечению вооружением, военной техникой и другими материальными средствами. В короткие сроки созданы условия для надежного материально-технического обеспечения миротворческого контингента в Нагорном Карабахе.

В борьбе с пандемией коронавирусной инфекции, при создании группировок сил и средств в оказании помощи населению по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций управления и отделы Штаба МТО ВС РФ, подчиненные ему воинские части оперативно и высокопрофессионально выполняют поставленные перед ними задачи в различных регионах страны.

Особо следует отметить возрастающую роль Штаба МТО ВС РФ в организации подготовительных мероприятий по реконструкции участка Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Уверен, от организованной работы всех структурных подразделений Штаба МТО ВС РФ, умения его специалистов координировать деятельность центральных органов военного управления МТО зависит главный результат в материально-техническом обеспечении войск (сил).

Поздравляю военнослужащих, гражданский персонал и ветеранов с Днем Тыла Вооруженных Сил, с 80-летием Штаба материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации! Желаю всем крепкого здоровья, благополучия, высоких достижений в военной службе и труде на благо нашей Родины!

Заместитель Министра обороны
Российской Федерации, Герой России
генерал армии

Д. Булгаков

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

№ 8 · август · 2021

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38.
Редакция журнала «Военная Мысль».
Телефоны: (495) 940-22-04, 940-12-93; факс: (495) 940-09-25.

Все публикации в журнале осуществляются бесплатно.
Журнал включен в «Перечень научных изданий Высшей аттестационной комиссии».

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ (СИЛАМИ)

ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК (СИЛ)

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

ТЕХНИКА И ВООРУЖЕНИЕ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В ИНОСТРАННЫХ АРМИЯХ

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СООБЩЕНИЯ

MCIS

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Материалы IX Московской конференции по международной безопасности

От редакции

Уважаемые читатели! Президент России В.В. Путин своим Указом от 2 июля 2021 года № 400 утвердил новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации (РФ), которая является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Она основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности РФ и социально-экономического развития страны.

В данном документе отмечается, что современный мир переживает период трансформации, обусловленный, в частности, увеличением количества центров мирового экономического и политического развития, стремлением стран Запада сохранить свою гегемонию, кризисом современных моделей и инструментов экономического развития, усилением диспропорций в развитии государств, усиливающейся нестабильностью в мире, ростом радикальных и экстремистских настроений, которые могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека.

В условиях нарастающей геополитической напряженности внешняя политика РФ должна способствовать повышению устойчивости системы международных отношений, опирающейся на международное право, принципы всеобщей, равной и неделимой безопасности, углублению многостороннего взаимодействия без разделительных линий и блоковых подходов в целях совместного решения глобальных и региональных проблем при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности.

В Стратегии определены национальные интересы РФ, важнейшие из которых — сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан, а также защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, укрепление обороны страны и др.

Обеспечение и защита национальных интересов РФ будут осуществляться в соответствии со Стратегией за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов:

• сбережение народа России и развитие человеческого потенциала;
• оборона страны;
• государственная и общественная безопасность;
• информационная безопасность;
• экономическая безопасность;
• научно-технологическое развитие;
• экологическая безопасность и рациональное природопользование;
• защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
• стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Среди приоритетов обеспечения национальной безопасности особое внимание уделено укреплению обороны страны, осуществляемой в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм применения и способов действий Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности страны и готовности сил и средств гражданской обороны.

Обеспечению национальной безопасности РФ, повышению ее международного авторитета и привлекательности сотрудничества с ней других государств способствовала очередная IX Московская конференция по международной безопасности, состоявшаяся 23—24 июня 2021 года под эгидой Министерства обороны РФ. Несмотря на ограничения, вызванные пандемией, в этом году в ней приняли участие около 700 делегатов из 109 стран мира и шести международных организаций, включая 55 министров и их заместителей, начальников генеральных штабов, а также представителей 94 иностранных неправительственных организаций.

Открыл форум Министр обороны Российской Федерации генерал армии С.К. Шойгу. С приветствием к участникам и гостям конференции обратились Президент России В.В. Путин и Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш.

В ходе пленарных заседаний и работы секций руководители оборонных ведомств и военные эксперты обсудили наиболее актуальные вопросы глобальной безопасности, включая баланс сил в сфере стратегической стабильности, риски неконтролируемого распространения оружия массового уничтожения, угрозы в области кибербезопасности, а также рассмотрели различные аспекты безопасности в регионах мира: Азии, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Африке и Европе. Особое внимание было уделено вопросам военного и военно-технического сотрудничества, контроля над вооружениями, предотвращения инцидентов, укрепления мер доверия. Отдельная дискуссия была посвящена угрозам и вызовам в информационном и киберпространствах, которые все активнее используются армиями ведущих государств мира.

Как отметил, подводя итоги конференции, заместитель Министра обороны РФ генерал-полковник А.В. Фомин, форум в качестве площадки для диалога со своей задачей справился. Дискуссии стали существенным вкладом в укрепление доверия между странами, способствовали повышению уровня международной безопасности.

Предлагаем вашему вниманию тезисы выступлений на конференции Министра обороны Российской Федерации генерала армии С.К. Шойгу и первого заместителя Министра обороны РФ — начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерала армии В.В. Герасимова.

Тезисы выступления Министра обороны Российской Федерации генерала армии С.К. Шойгу на IX Московской конференции по международной безопасности

Сегодня мы начинаем работу IX Московской конференции по безопасности. Тот факт, что участие в форуме принимают делегаты из 109 стран и шести международных организаций, означает, что все мы преодолели наиболее сложный изоляционный этап коронавирусной пандемии. В этом есть заслуга и военных ведомств, которые во всем мире активно привлекались к оказанию помощи населению. Наработан бесценный опыт, позволяющий с оптимизмом смотреть в будущее.

В этом году мы отмечаем годовщину скорбной даты в истории нашей страны. 22 июня 1941 года, восемьдесят лет назад, началась Великая Отечественная война, которая продолжалась 1418 дней и ночей. За это время Советский Союз потерял свыше 27 миллионов человек — как военнослужащих, так и гражданского населения.

Мы сохраняем память обо всех погибших независимо от их национальности. Благодарны руководству и народам тех стран, где бережно от-

носятся к захоронениям советских солдат, памятникам героям войны. Важно, чтобы молодые люди знали и уважали общую историю, не допускали любых попыток героизации и возрождения нацизма.

Предлагаю почтить память всех погибших на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн минутой молчания.

Московская конференция традиционно предоставляет возможность открытого диалога по наиболее актуальным проблемам международной безопасности. Отмечу, что межгосударственные отношения постоянно развиваются, поэтому меняются и приоритеты в работе московского форума.

Совсем недавно мы уделяли основное внимание проблематике борьбы с терроризмом в условиях многополярного мира. Сегодня на первое место выходит новая тенденция — формирование глобальных коалиций, разделение мира на «своих» и «чужих».

Возрастает роль суверенных государств по обеспечению — в широком смысле — безопасности граждан. Пандемия продемонстрировала, что государственные границы сохраняют значение, так как только на национальном уровне есть возможность оперативно проводить карантинные мероприятия и оказывать помощь населению.

Еще одна **характерная тенденция последнего времени — агрессивное экономическое давление как средство принуждения к изменениям в политике суверенных государств.** Широко используются экономические и финансовые санкции, которые дополняются силовым давлением, провоцированием военных инцидентов и кампаниями по дезинформации населения. При этом способы и приемы такого воздействия становятся универсальными и применяются в любом районе мира.

Наиболее остро эти проблемы сегодня проявляются в Юго-Восточной Азии. Страны региона принуждают сделать выбор, навязывая создание структур, аналогичных НАТО. Как и в Европе, здесь создаются передовые группировки высокой готовности, развертываются ударные авианосные группы. К военно-морским учениям, кроме государств региона, все чаще подключаются корабли стран альянса, что усиливает опасность инцидентов в ходе военной деятельности.

Если в Европе со времен холодной войны создана система реагирования в кризисных ситуациях, которая включает ряд двусторонних соглашений о предотвращении инцидентов при действиях авиации и сил флота, то в Азиатско-Тихоокеанском регионе такие механизмы отсутствуют. Ситуация усугубляется наличием территориальных споров, объявлением в одностороннем порядке так называемых зон контроля воздушного пространства.

Полагаем, что вопросы безопасности военной деятельности, разработки механизмов исключения инцидентов в Азии было бы полезно обсудить в многосторонних форматах взаимодействия оборонных ведомств стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Со своей стороны готовы поделиться имеющимся опытом решения этих проблем.

Еще одной тенденцией последних лет становится более масштабное развертывание систем ПРО и их сопряжение с ударными средствами.

Российские эксперты неоднократно указывали на дестабилизирующую роль противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наши оценки ситуации полностью подтвердились в Европе, где региональная ПРО теперь подается как один из элементов сдерживания России со стороны НАТО. Поэтому **заявления о «ненаправленности» проти-**

воракетной обороны против России и Китая не выдерживают критики.

Сегодня ситуация осложняется тем, что после выхода США из российско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности устранены какие-либо ограничения на создание и развертывание ракет этого класса, в том числе в Азии.

С военной точки зрения сочетание ударного ракетного компонента со средствами противоракетной обороны способно изменить баланс сил не только в регионе, но и во всем мире. Если решение о размещении ракет средней дальности будет принято, то такая ситуация будет представлять опасность и для восточных регионов Российской Федерации.

Угроза со стороны ПРО может быть компенсирована за счет количественного наращивания ударных ракетных средств, повышения их технических характеристик, совершенствования порядка применения оружия. Однако любое из этих решений будет означать новый виток гонки вооружений, что затормозит экономическое развитие региона, который является локомотивом мировой экономики.

За последние годы военное сотрудничество России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона существенно расширилось. Продолжаем оказывать всестороннее содействие в укреплении потенциала национальных вооруженных сил, подготовке военных кадров, передаче опыта борьбы с терроризмом. Работаем как в двустороннем формате, так и в рамках Совещания министров обороны стран АСЕАН и диалоговых партнеров (СМОА плюс).

В последнее время качественно усилили взаимодействие со стратегическими партнерами — Китаем, Индией, Вьетнамом, Лаосом, Мьянмой и Монголией. Существенно расширена тематика диалога с Индонезией, Филиппинами и Брунеем. Намерены продолжать и наращивать совместную работу.

Развитие обстановки в Афганистане требует пристального внимания как сопредельных стран, так и международных организаций. Необходимо признать, что **за двадцать лет пребывания в стране значительной войсковой группировки западного альянса он так и не смог добиться существенных результатов в стабилизации и формировании устойчивых структур государственного управления**.

После вывода сил НАТО с высокой вероятностью можно ожидать возобновления гражданской войны со всеми негативными последствиями: дальнейшим ухудшением жизни населения, массовой миграцией, распространением экстремизма на соседние государства.

На протяжении всего периода пребывания сил НАТО в Афганистане российская сторона неоднократно призывала к консолидации усилий, выработке согласованной политики на афганском направлении. Однако русофобия альянса пересилила прагматизм, и сегодня для исправления ситуации в стране требуются неотложные меры.

Необходимо задействовать возможности Шанхайской организации сотрудничества, в которой представлены все граничащие с Афганистаном государства, включая Пакистан и Иран. Без взаимодействия с Исламабадом и Тегераном развязать афганский узел невозможно.

В рамках Организации Договора о коллективной безопасности также будут предприняты необходимые шаги по повышению обороноспособности членов организации в новых условиях.

Как и прежде, остаемся открытыми для диалога с западными партнерами. Африка и Ближний Восток переживают последствия иницииро-

ванных извне цветных революций. В регионе, где отмечается взрывной рост численности населения, экономические предпосылки для обеспечения нормальной жизни не сформированы. В таких условиях принимаемые национальными правительствами меры не позволяют стабилизировать обстановку и урегулировать кризисные процессы.

Террористические организации различного толка остаются главной угрозой стабильности в регионе. После разгрома ИГИЛ (запрещена в РФ) в Сирии и Ираке усилилась миграция подготовленных боевиков в другие страны. Наибольшее их количество перебазировалось в Ливию. Террористические ячейки проявляют себя в Мали, Центрально-Африканской Республике, Мозамбике.

Продолжаются попытки привлечь террористические группировки для так называемой демократизации суверенной системы власти в отдельных странах, возрождения неоколониализма и получения контроля над природными ресурсами.

Использование террористов в качестве инструмента политического влияния — очень опасная игра. На примере Сирии можно привести множество фактов того, как террористы с опытом боевых действий применяли полученные навыки для подготовки терактов на своей исторической родине.

Минобороны России последовательно выступает за развитие дружбы и взаимовыгодного сотрудничества со странами Африки. Тем более что еще со времен антиколониальной борьбы в регионе Советский Союз всесторонне поддерживал национально-освободительные движения. Мы помним и ценим нашу общую историю.

До настоящего времени на вооружении многих африканских армий стоят образцы советской разработки. Они отличаются высокой эффективностью, надежностью и простотой в использовании. Эти качества в полной мере присущи и технике российского производства, которая также широко представлена на континенте.

Сегодня у нас есть соглашения о военном и военно-техническом сотрудничестве практически со всеми странами региона. На полях форума планируется подписать ряд аналогичных соглашений, что откроет возможности для развития взаимовыгодного сотрудничества в подготовке кадров, а также внедрения передовых методов проведения учений и тренировок.

В российских военных вузах растет число курсантов из африканских стран, которые обучаются на бесплатной или льготной основе. Намерены поддерживать эту тенденцию.

Одной из форм передачи российского опыта боевой подготовки стали Армейские международные игры. Количество конкурсов, в которых участвуют команды из стран Африки и Ближнего Востока, постоянно увеличивается. Значительно вырос уровень подготовки иностранных специалистов. Так, в состязаниях 2020 года призовые места завоевали команды из Алжира и Гвинейской Республики.

Рассчитываем, что на предстоящих Армейских играх в августе текущего года список стран-призеров пополнится. Уверены, что приобретенный опыт будет востребован при подготовке национальных армий.

Мы не намерены кому-то противодействовать в сотрудничестве с государствами региона. Со своей стороны **будем продолжать наращивать взаимовыгодные контакты без навязывания своих политических и экономических условий, как зачастую действуют страны Запада.**

Такой же линии Минобороны России придерживается и при выстраивании отношений с партнерами из Латинской Америки. Все проблемы, о которых было упомянуто применительно к другим регионам, здесь

также актуальны. Это и угроза терроризма, тесно связанного с наркопроизводством, и постоянные попытки инициировать очередную серию цветных революций.

У нас исторически сложились партнерские отношения с Кубой, Никарагуа, Венесуэлой и другими странами. В течение многих лет они противостоят различным формам давления, вплоть до угрозы открытого применения военной силы.

Это вынуждает их руководство уделять пристальное внимание оснащению национальных армий современным вооружением, готовить военнослужащих к ведению боевых действий в сложной обстановке. Российская поддержка в сегодняшних условиях как никогда востребована. За последние годы отмечаем позитивные тенденции в сотрудничестве с Боливией, Бразилией, Перу, Аргентиной, Уругваем и Парагваем.

Видим хорошие перспективы в налаживании диалога по обеспечению безопасности в полярных регионах, использованию техники и особенностям подготовки военнослужащих к работе в суровых климатических условиях.

Участие национальных делегаций в конференции и форуме «Армия», выступление команд на Армейских играх будут способствовать дальнейшему развитию отношений между оборонными ведомствами, повышению безопасности в регионе.

Несколько слов о ситуации в Европе. Сегодня на континенте устойчиво закрепилась тенденция к усилению военного противостояния. **Североатлантический блок наращивает количество группировок высокой степени готовности, отрабатывает маршруты оперативной переброски войск к границам Союзного государства России и Белоруссии.** Характерным примером стали учения «Дефендер Юроп», в ходе которых отрабатывались наступательные операции на восточном фланге альянса. Продолжается наращивание интенсивности военной деятельности в Арктике.

Саммит НАТО, состоявшийся в Брюсселе 14 июня, стал подтверждением трансформации блока из регионального в глобальный военно-политический союз, главной задачей которого определено сдерживание России и Китая.

Принятые на саммите решения о наращивании военных расходов государств — членов альянса, совершенствовании потенциала ядерного сдерживания закрепляют на годы военное противостояние в Европе.

При этом формальный диалог, который Брюссель предлагает продолжить в рамках Совета Россия — НАТО, не снижает напряженности в двусторонних отношениях. Тем более что некоторые европейские страны заинтересованы в эскалации конфликта с Россией. В качестве примера можно привести действия Украины, которая накануне Брюссельского саммита спровоцировала очередной кризис в Донбассе.

В целом ситуация в Европе взрывоопасная, что требует принятия конкретных шагов по ее деэскалации.

Ряд мер был предложен российской стороной. Например, речь шла об отведении районов учений от линии соприкосновения.

Еще одно предложение содержится в заявлении Президента Российской Федерации в отношении моратория на развертывание ракет средней и меньшей дальности в Европе. Такие ракеты представляют особую опасность для населения европейских стран, так как способны оснащаться как обычными, так и ядерными боеголовками. Их размещение в Европе вернет ситуацию, когда европейцы были заложниками противостояния между СССР и США.

Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем

Путиным было предложено согласовать комплекс мер транспарентности для восстановления доверия и снятия взаимных озабоченностей. Напомню, что речь шла о ракетах 9М729, якобы размещенных в Калининградской области, и универсальных пусковых установках МК41 на базах ПРО США в Румынии и Польше. Подтверждаем готовность к работе на этом направлении.

Есть необходимость в совершенствовании правовой базы по предотвращению инцидентов при действиях экипажей самолетов и кораблей. За последнее время удалось согласовать на двусторонней основе ряд важных дополнений к действующим процедурам деконфликтации. Необходимо продолжить диалог по этой теме.

Что касается иных соглашений в сфере контроля вооружений, включая Венский документ, то считаем их достаточными для информирования об основных мероприятиях подготовки войск. **Говорить о пересмотре Венского соглашения можно только после разрядки обстановки, восстановления доверия между военными.**

В каком направлении будет развиваться ситуация в Европе, в том числе в области контроля вооружений, во многом зависит от США. Итоги недавней встречи в Женеве президентов России и США подтвердили актуальность возобновления стратегического диалога.

В этой сфере накопилось много вопросов, для решения которых необходим учет озабоченностей и интересов каждой стороны. Эксперты Минобороны России готовы подключиться к этой работе.

Московская конференция открывает новый этап международных встреч высокого уровня по глобальной и региональной безопасности.

Ряд международных проблем, которые до начала пандемии считались приоритетными, постепенно утрачивают свое значение.

Гиперзвук, цифровизация и роботизация выходят на первый план при разработке новых вооружений. Космос и киберпространство все активнее вовлекаются в военное противоборство. В составе вооруженных сил ряда стран создаются космические и киберкомандования, главной задачей которых является не оборона, а планирование и проведение наступательных операций в соответствующих сферах.

Бережное отношение к международным обязательствам подменяется односторонними санкциями и внедрением некоего порядка, основанного на неизвестно кем придуманных правилах. Мир стремительно погружается в новое противостояние, гораздо более опасное, чем во времена холодной войны.

Уважаемые дамы и господа! Военные во всем мире, как никакое другое профессиональное сообщество, понимают, что война — это бедствие.

Великий музыкант и гуманист Мстислав Ростропович как-то сказал мне, что знает, как остановить войну. «Я поставлю оркестр на линии фронта, встану и сыграю то, что заставит их остановиться, сложить оружие», — сказал он.

В то время у меня были вопросы по этому предложению. Однако сегодня я понимаю, что он был прав. Ведь оркестр — это не только коллектив музыкантов. В первую очередь это коллектив экспертов в своей области, объединенных решением общей задачи.

В работе Московской конференции принимают участие настоящие профессионалы в сфере безопасности — своеобразный оркестр, предназначенный для поиска путей деэскалации, а в конечном итоге — и для предотвращения вооруженных конфликтов в любом регионе мира.

Желаю вам плодотворной работы и приятного пребывания в Москве. Благодарю за внимание.

Тезисы выступления начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерала армии В.В. Герасимова на IX Московской конференции по международной безопасности «Стратегическая стабильность: трансформация и перспективы»

Уважаемые дамы и господа!

Победа антигитлеровской коалиции в 1945 году создала условия для построения нового миропорядка, бесконфликтного развития отношений между государствами. Но надежды человечества на мирное сосуществование не оправдались. Решение Запада о создании НАТО стало первым шагом к разделению мира на два противоборствующих лагеря. Человечество оказалось втянутым в холодную войну.

Появление ядерного оружия в США и СССР, а также его применение Соединенными Штатами против Японии продемонстрировали опасность перехода военного противостояния между государствами в горячую фазу. Предотвращение ядерной войны стало доминирующей целью взаимодействия в сфере стратегической стабильности между Москвой и Вашингтоном.

В итоге были подписаны соглашения в области контроля над вооружениями, которые обеспечили предсказуемость оборонной политики, а также ограничили гонку ядерных вооружений. К ним относятся: Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Договор о ракетах средней и меньшей дальности, Договор об обычных вооруженных силах в Европе и как элемент его верификации — Договор об открытом небе.

Также была подписана серия соглашений по ограничению и контролю стратегических наступательных вооружений.

Распад Советского Союза привел к изменению взглядов коллективного Запада на вопросы глобальной безопасности. Для него приоритетом в новых условиях стало формирование однополярного мира, достижение превосходства в военной сфере и применение военной силы для продвижения собственных интересов. Примером такой политики явились вооруженные конфликты в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, а также в Сирии.

Стремление Вашингтона устранить любые ограничения в развитии вооружений проявилось в том, что под надуманными предлогами США в одностороннем порядке вышли из Договора по противоракетной обороне в 2002 году, Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в 2019 году и из Договора по открытому небу в 2020 году. Модернизированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе не был ратифицирован европейскими странами, что сделало его нежизнеспособным.

Между тем данные соглашения создавали основу системы контроля над вооружениями и укрепления мер доверия в военной области, доказали на практике свою востребованность и эффективность.

На сегодняшний день единственным международным соглашением по поддержанию стратегической стабильности в сфере контроля над вооружениями остается Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, так называемый Договор о СНВ-3.

После продления на очередные пять лет ситуация вокруг данного соглашения в целом стабилизировалась.

Необходимо подчеркнуть, что к его пролонгации проявили стремление в равной степени Российская Федерация и США. Оба государства заинтересованы в предсказуемости в отношении развития ядерных сил другой стороны. Наличие мер контроля такую предсказуемость обеспечивает. Продление Договора, кроме того, создает условия для продолжения диалога о будущем механизме контроля над ядерными вооружениями с учетом новых факторов, определяющих стратегическую стабильность.

Одним из таких факторов является создание перспективных вооружений, в первую очередь высокоточного, гиперзвукового и кинетического оружия, а также ударных беспилотных систем, что, в общем-то, размывает грани между потенциалами ядерных и неядерных вооружений.

Тенденция на повышение роли ядерного оружия в ходе конфликта с использованием обычных средств поражения закреплена в так называемой ядерной доктрине США, принятой в 2018 году.

В этих условиях важным элементом стратегической стабильности остается ядерное сдерживание. С помощью данного инструмента обеспечивалась безопасность на протяжении последних десятилетий, порой в жестких кризисных ситуациях.

Официальные взгляды России в данной сфере детализированы и публично объявлены в 2020 году в ***«Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»***. Этот документ, как и Военная доктрина, не закрепляет ни за одним из государств мира статус военного противника России.

В Основах подтверждается положение Военной доктрины о том, что ядерная политика нашей страны носит сугубо оборонительный характер. Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее или ее союзников ядерного

и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

На фоне развала системы контроля над вооружениями Североатлантическим союзом предпринимаются шаги по продвижению инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации. Приоритетом стало размещение передовых формирований на территории новых членов альянса. Сначала это была миссия по охране воздушного пространства. Сегодня силы передового базирования наряду с авиацией включают соединения сухопутных войск.

В Восточной Европе на постоянной основе находятся подразделения внерегиональных государств блока общей численностью около 10 тыс. человек. Заявлено, что численность передовых формирований ОВС НАТО, в том числе контингент американских войск, у западных границ России будет увеличиваться. Об этом говорит соглашение 2020 года между Вашингтоном и Варшавой, предусматривающее дополнительное развертывание на польской территории органов управления, подразделений обеспечения, сил специальных операций, а также армейской авиации.

Практика создания передовых военных группировок для усиления своего влияния применяется США не только в Европе, но и в других регионах мира, включая Азиатско-Тихоокеанский регион.

Важное значение для международной безопасности приобретает проблематика противоракетной обороны. Об этом уже говорил Министр обороны Сергей Кужугетович Шойгу. Фактор ПРО оказывает непосредственное влияние на гонку вооружений, ядерное разоружение и обеспечение стратегической стабильности.

В настоящее время элементы американской ПРО уже развернуты в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Продолжается их наращивание за счет создания наземного комплекса ПРО в Польше, придания кораблям НАТО и Японии противоракетного потенциала.

Российская Федерация неоднократно поднимала вопрос о недопустимости размещения средств глобальной системы ПРО США вблизи нашей границы, поскольку эта система является существенным дестабилизирующим фактором. Необходимость снижения негативного влияния ПРО США на военную безопасность России потребовала разработки средств для нейтрализации этой угрозы.

Не может остаться без внимания и ударный потенциал глобальной ПРО.

Для применения крылатой ракеты морского базирования «Томахок» с дальностью пуска до 2400 км могут использоваться универсальные пусковые установки МК41, входящие в состав противоракетных комплексов «Иджис Эшор», размещенных в Румынии, а в перспективе — и на территории Польши.

Учитывая имеющийся технологический задел, созданный в период действия Договора о РСМД, Вашингтон приступил к созданию ракет средней дальности, которые могут быть развернуты в Европе и Азии.

В случае размещения таких ракет в Европе США создадут дополнительную угрозу для объектов на российской территории.

Значительно возросла активность ВМС НАТО у наших границ. Практически на постоянной основе в Черном и Балтийском морях действуют корабли, оснащенные высокоточным ракетным оружием большой дальности, выполняются полеты самолетов разведывательной, патрульной и ударной авиации, а также беспилотных летательных аппаратов.

Действия кораблей США и их союзников носят явно провокационный характер.

13 октября прошлого года эсминец УРО «Дрэгон» ВМС Великобритании, совершая переход с включенными на излучение радиолокационными станциями управления оружием и обнаружения воздушных целей, нарушил право мирного прохода через территориальное море Российской Федерации в 22 км западнее Севастополя.

24 ноября эсминец УРО ВМС США «Джон Маккейн» нарушил Государственную границу Российской Федерации в северо-западной части Японского моря на подходах к заливу Петра Великого (93 км южнее Владивостока), углубившись в российское территориальное море более чем на 2 км.

Таким образом, создаются предпосылки для возникновения инцидентов, что не способствует снижению напряженности в военной области.

Еще одним новым фактором, влияющим на стратегическую стабильность, является расширение районов действий вооруженных сил, вызванное изменением климата. Среди них — Арктическая зона. При этом характерной тенденцией сегодняшнего дня становится вовлечение Арктики в экономическую деятельность и, как следствие, попытки отдельных государств пересмотреть устоявшуюся практику обеспечения безопасности региона.

Помимо повышения интереса к ресурсам и коммуникациям Арктики прослеживается активизация военно-морской деятельности региональных и внерегиональных государств, а также кратное увеличение проводимых военных учений вблизи наших границ.

В российской Арктике находится кратчайшая морская коммуникация между Европой и Азией — Северный морской путь. У Российской Федерации есть все необходимое для обеспечения безопасности мореплавания в сложных ледовых условиях, а также защиты арктической экосистемы.

Обостряется противоборство в информационном пространстве. Западные страны причислили его к новой сфере ведения вооруженной борьбы.

Информационные технологии используются в качестве оружия для нанесения ущерба критически важным объектам и инфраструктурам государств.

Российская Федерация последовательно выступает за предотвращение конфликтов в информационной сфере и развитие сотрудничества в области международной информационной безопасности.

Важное значение приобретает межгосударственный диалог с целью выработки подходов по установлению международно-правового режима под эгидой ООН, при котором создаются условия для предотвращения и урегулирования конфликтов в глобальном информационном пространстве.

Нами данная работа активно проводится в рамках Организации Объединенных Наций, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и Организации Договора о коллективной безопасности

Министерство обороны Российской Федерации выступает за открытость межгосударственных отношений, выработку и реализацию правил ответственного поведения государств и мер укрепления доверия в информационной сфере.

Продолжается борьба с международным терроризмом в Сирии и Ираке, формирования ИГИЛ в основном разгромлены. Вместе с тем наблюдается транзит террористов с Ближнего Востока в северную Африку и Афганистан. Отмечаем, что

ряд неправительственных организаций, а также специальные службы некоторых государств участвуют в финансировании и вооружении террористических организаций для достижения своих политических целей.

Вместе с тем практика показывает, что заигрывание с террористами к хорошему не приводит. Рано или поздно террористические группировки выходят из-под контроля своих кураторов. **Достойный отпор террористам можно дать только при тесной международной координации.**

Уважаемые коллеги!

Обстановка в мире наглядно демонстрирует, что время единоличного доминирования отдельных государств прошло.

Увеличивается число стран, обладающих значительным военным и экономическим потенциалом, без которых сегодня невозможно решение региональных и мировых проблем. В их числе Бразилия, Индия, Китай, Россия, США, страны Европейского союза и другие государства, являющиеся центрами силы в мировом и региональном масштабах. Их количество будет только увеличиваться.

Сегодня содержание стратегической стабильности становится более насыщенным и сложным, а состояние — менее управляемым и подверженным различного рода случайностям. Контролировать эскалацию и предотвращать военные столкновения, особенно между ядерными державами, стало значительно сложнее.

Считаем, что сохранению стратегической стабильности будут способствовать недопущение гонки вооружений, развитие мер доверия и транспарентности.

В наших общих интересах — продолжать работу по мирному политико-дипломатическому урегулированию региональных конфликтов и кризисов, обеспечению стратегической стабильности.

В интересах предотвращения непреднамеренных военных конфликтов следует налаживать и совершенствовать межгосударственные каналы связи и коммуникации по военной линии, которые работали бы в постоянном режиме в качестве механизма деэскалации.

При этом мы продолжим прилагать усилия по укреплению существующего режима нераспространения ядерного оружия и предотвращению дальнейшего увеличения числа стран, обладающих этим видом вооружений. Остаемся привержены соблюдению положений Договора о нераспространении ядерного оружия.

Наряду с этим полагаем необходимым остановить разрушение сложившейся системы контроля над вооружениями. Прежде всего следует уделить пристальное внимание соблюдению действующих соглашений в этой области.

В перспективе, по нашему мнению, необходимо совершенствовать механизмы обеспечения стратегической стабильности, придавая им многосторонний характер.

В нынешних сложных условиях всем странам важно проявить политическую волю, мудрость и дальновидность.

Именно осознавая эту ответственность, Россия предложила созвать саммит стран, которые несут наибольшую ответственность за сохранение мира. Его цель — подтвердить ключевые принципы поведения в международных делах, выработать пути эффективного решения острейших проблем современности.

Министерство обороны Российской Федерации готово к предметным дискуссиям по укреплению стратегической стабильности со всеми государствами на равноправной и уважительной основе.

Наша конференция — хорошая платформа для диалога.

Ментальная война России

А.М. ИЛЬНИЦКИЙ,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются характер, особенности и поражающие факторы ментальной войны, ведущейся против Российской Федерации (РФ). Обосновывается необходимость пересмотра подходов к реализации стратегии национальной безопасности и поиска новых форм ее обеспечения, предложен ряд мер по противодействию возникающим ментальным угрозам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ментальная война, русская цивилизация, глобальные трансформации, стратегия безопасности, манипуляции, технологии управления, искусственный интеллект, стратегия развития.

ABSTRACT

The paper looks at the nature, distinctive features and injurious factors of mental warfare waged against the Russian Federation. It justifies the need to revise approaches to the implementation of the national security strategy and search for new forms of its provision, suggesting a number of measures to counter the emerging mental threats.

KEYWORDS

Mental warfare, Russian civilization, global transformations, security strategy, manipulations, control technologies, artificial intelligence, strategy of development.

Для каждой войны надо вырабатывать особую линию стратегического поведения, каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не приложения какого-либо шаблона[1].

А.А. Свечин

В НАСТОЯЩЕЕ время мир столкнулся с призраком системного кризиса, с коллапсом моделей развития, большинство из которых строилось на основе неизбежности утраты национальными государствами своей внутренней целостности и перехода к управлению крупнейшими экономическими, социальными, а в перспективе и политическими системами на сетевой основе при доминировании транснациональных корпораций, международных социальных, гуманитарных и политических структур. Фактически ставится вопрос о демонтаже мироустройства, основанного на национальных государствах. Актуальная суть сегодняшней глобальной повестки заключается в том, что инструменты ведения войны и соперничества мирного времени перемешались до степени совмещения, а спектр угроз изменился радикально. Это привело к возникновению нового типа межгосударственного противоборства — ментальной войны, цель которой заключается в уничтожении самосознания, изменении ментальной, цивилизационной основы общества противника.

Цивилизационные развилки России и кризис Запада

Европейский политик Мануэл Баррозу как-то сказал: «Россия — цивилизация, притворяющаяся страной»[2]. В определенном смысле с данной формулировкой можно согласиться. Россия — тысячелетняя цивилизация, в основе которой лежит сильное государство и традиционные ценности: семейные и совместного солидарного проживания в весьма трудных условиях. Огромные просторы, ресурсы и разнообразная природа, тяжелый климат и непростые соседи, необходимость выживания в этих условиях сформировали Россию как историческую общность.

Русский философ Василий Розанов писал: «Единственный порок российского государства — это его слабость. Слабое государство не есть уже государство, а просто его нет»[3]. А другой отечественный мыслитель Николай Бердяев примерно тогда же отмечал: «Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад»[4].

Следуя логике Розанова и Бердяева, слабое государство (государство-услуга, государство-регулятор и другие либеральные модели) в наших российских условиях — это путь в ад хаоса и распада. Собственно, на пороге подобного ада РФ и оказалась в 90-е годы предыдущего столетия.

Политолог С.А. Караганов высказал однажды очень правильную, на наш взгляд, мысль: «Мы народ сильных прекрасных женщин и отважных мужчин»[5]. Да, Россия — страна-воин, так исторически сложилось. Она не агрессивная, а миролюбивая и мирохранящая держава — ковчег безопасности народов. Политика РФ должна и обязана носить элемент цивилизационной миссии, быть идеологически целостной, увязанной с внутренними и внешними интересами страны и основываться на доверии и понимании «города и мира». Именно такая политика присуща русской цивилизации.

В данном контексте **цивилизационную, государственно образующую роль Вооруженных Сил (ВС) России трудно переоценить**[6]. **Они не только гарант безопасности, но и опорный институт государства, источник идеологии служения Отечеству.** И россияне прекрасно это понимают. Как показал майский, 2021 года, опрос ВЦИОМ, именно военную мощь они считают основой влияния и авторитета России в мире[7].

Для российского государства чрезвычайно важна защита территории, засечных рубежей и «красных линий», по которым организована оборона нашего пространства. России чужого не надо, но и свое мы не отдадим. А защищаться есть от кого.

Соединенные Штаты Америки (США) доктринально определили и закрепили Россию наряду с Китаем, Ираном и Северной Кореей своими оппонентами и противниками[8], а называя вещи своими именами — врагами. А с врагом принято если и не воевать напрямую, то разного рода мерами перенапрягать, ослаблять, разрушать и доводить его государство до дисфункционального состояния, распада и утери суверенитета.

В то же время **так называемый коллективный Запад, а точнее США, ибо Европа потеряла субъектность, пребывают в глубоком экзистенциональном кризисе**. По объективным показателям США сегодня — слабеющая держава. Если после Второй мировой войны их валовой внутренний продукт (ВВП) составлял примерно половину номинала мирового, то сейчас, по данным Международного банка, только 23—24 %. А по паритету покупательной способности Китай

уже превзошел США и, даже по самым оптимистичным для Вашингтона прогнозам, к 2030 году выйдет на первое место по всем показателям.

При этом нарастает сегрегация и раскол западного общества. В 2014 году известный французский экономист Томас Пикетти писал: «Законы современной рыночной экономики просто «подталкивают» к тому, чтобы концентрация богатства в руках крошечного процента населения продолжала расти… И если государство не будет вмешиваться в эти процессы, то нельзя исключить риск политических беспорядков в развитых странах Запада…»[9]. Написано это семь лет назад, а беспорядки (*BLM* в США, мигрантские погромы в Европейском Союзе, захват Белого дома, ковидные бунты, протесты «желтых жилетов» и др.) — уже сегодняшняя реальность.

И это лишь начало распада западного мира. По Пикетти, если мир будет развиваться по инерционному западному сценарию, то через 30 лет (а возможно, и гораздо раньше — да собственно, уже происходит) одна тысячная населения планеты будет контролировать 60 % глобального богатства. Грядет централизованное управление странами, обществами, ресурсами, которое будет осуществляться тонкой прослойкой глобальной элиты — технократов, перехватывающих власть у национальных государств.

По сути, произойдет устранение среднего класса и поляризация общества — будут только бедные и один процент управляющего глобального олигархата. Средний класс, задуманный капиталистами в середине XX века как конкурентная альтернатива социалистическому советскому обществу равенства и справедливости, смахивается с исторического пьедестала в утиль.

Здесь важно напомнить, что в отличие, например, от России и Китая, США — не историческая цивилизация, а страна-проект. Пару-тройку сотен лет назад собравшиеся за океаном из разных стран переселенцы «учредили» страну, начав с нуля новый проект. Для начала учинили жесточайший геноцид местного населения, ликвидировав тех, кто не согласился жить по их правилам. А затем, чуть повоевав между собой за передел власти и территорий, создали «под себя» государство, введя соответствующий регламент — правила общежития, позволявшие не перестрелять друг друга, а как-то жить и развиваться сначала за счет континентальной, а затем и глобальной экспансии. Ныне данная модель зашла в тупик и демонстрирует свою несостоятельность.

Но и это еще не все американские неприятности. И по китайским рейтингам, и по американским, например, по данным американской аналитической компании *Global Firepower* и китайского агентства *SOHU*, российские ВС считаются вторыми в мире[10,11]. А поскольку военный фактор в современных условиях приобретает все большую весомость, гегемония США становится спорной.

Цивилизационную, государственно образующую роль Вооруженных Сил России трудно переоценить. Они не только гарант безопасности, но и опорный институт государства, источник идеологии служения Отечеству. И россияне прекрасно это понимают. Как показал майский, 2021 года, опрос ВЦИОМ, именно нашу военную мощь они считают основой влияния и авторитета России в мире.

Выход из кризиса через войну

Что делать? Этот вопрос американские элиты (то самое «глубинное государство») задают себе сегодня, поскольку благоденствие за счет ограбления мира заканчивается. И вариантов здесь немного. Говоря грубо и упрощая, первый — это левый поворот, а второй — правоконсервативный реванш «белой Америки *WASP*-ов». И тот, и другой создают угрозу дальнейшего раскола общества и распада страны. Для консолидации нужна внешняя угроза и враг, а также нагнетание истерии в жанре «русские идут».

Бывший министр обороны США Д. Рамсфельд — человек, во многом определявший политику сразу нескольких американских администраций, как-то высказал мысль, что для выхода из кризиса и создания нового мира необходимо «трансформирующее событие». Таковыми могут быть эпидемии, революции (перевороты) и, конечно, войны. Собственно, **выход из кризиса через войну — традиционное для США решение**. Вспомним, как Первую мировую войну США завершили экономически обогащенной державой, а после Второй мировой окончательно утвердились в гегемонистской политике навязывания миру своей модели развития и политической воли на платформе военного и экономического превосходства, развязав против Советского Союза холодную войну. Лишь военная мощь советского государства, ее армия и ядерная триада не позволили американцам перевести холодную войну в «горячую» и уничтожить СССР.

И тут не надо питать иллюзий — кто бы ни находился в Белом доме, политика по отношению к России во все времена остается неизменной. Ее суть лучше всего раскрывает фраза руководителя Службы внешней разведки КГБ СССР генерал-лейтенанта Л.В. Шебаршина: «Западу от нас нужно только одно — чтобы нас не было»[12].

По убеждениям американской элиты, в мире существуют только две категории людей — благородные васпы (*WASP*) с англосаксонскими корнями и все остальные. Причем США, по их мнению, лучше всех знают, что кому надо. Госсекретарь Э. Блинкен недавно заявил, что мир «нуждается в руководящей роли Америки»[13]. И удивляться тут нечему — исключительность просто въелась в американскую ментальность. Они действительно так думают.

За тысячу лет, что существует русская цивилизация, отношение Запада к ней принципиально не менялось. И крестоносцы, и поляки, и шведы с французами, и немцы с англичанами ходили походами на Русь, Россию, СССР по разным поводам, но всегда на уничтожение, считая исторической несуразицей, что седьмая (ныне) часть суши, а вместе с ней, по некоторым оценкам, и чуть ли не половина ресурсов планеты принадлежат каким-то непонятным русским — то ли «недоевропейцам», то ли «переазиатам».

Они и сейчас не скрывают, что хотели бы нас «утилизировать» целиком и сразу, но это риск, чреватый тем самым неприемлемым ущербом, который Россия в состоянии нанести США, по их же собственным оценкам. Поэтому поставили перед собой задачу — не сразу, а постепенно вывести (вытравить) русских как вид, устранить Россию как препятствие на пути установления нового мирового порядка.

В конце мая на сайте американской исследовательской корпорации *RAND* появилось следующее заявление министра обороны США Л. Остина: «Что должно делать Министерство обороны в мирное время?.. Пентагон должен подготовиться к победе в следующей войне, одновременно побе-

ждая любую военную агрессию ниже порога конфликта»[14]. То есть стратегическое направление — война!

Логику главы военного ведомства США дополняют британские аналитики из Королевского института международных отношений *Chatham House*: «Россия продолжит совершать акты агрессии, а нормализовать отношения с ней Западу не удастся из-за глубочайшей разницы в целях и ценностях»[15]. Важно понимать — какие бы усилия ни приложила Россия для выстраивания с Западом конструктивных отношений, в стратегической постановке все тщетно. По мнению западных политиков, Россия страдает от структурных проблем, которые выходят за рамки особенностей деятельности В.В. Путина. И пусть даже некоторые политики евроатлантического сообщества отказываются это признавать, но, как утверждают британцы, естественное состояние Москвы — конфронтация с Западом.

Из данного посыла и вытекает главный вывод исследования *Chatham House*: «Шансы на построение жизнеспособной демократической политической системы в постпутинской России ниже, чем в 1990-е годы… Независимо от того, кто в конечном итоге сменит Путина, политическая культура России, без сомнения, будет и дальше препятствовать развитию более конструктивных отношений с Западом… У России мало шансов стать более конструктивным партнером западных правительств в обозримом будущем — вопреки тому, что многие евроатлантические политики и политические деятели принимают желаемое за действительное… Россия не имеет права на исключительные сферы влияния за счет суверенитета своих соседей»[16]. Это уже заявка на стратегию новой тотальной холодной войны. И находится она, судя по всему, в стадии активного развертывания.

На прошедшей в мае 2021 года Коллегии Министерства обороны РФ подчеркивалось, что **обстановка в мире и особенно на Западном стратегическом направлении характеризуется нарастанием военных угроз**. За последние семь лет в 14 раз (с трех до 42 в год) выросла интенсивность полетов стратегической бомбардировочной авиации военно-воздушных сил США в Европе. Одновременно США и НАТО продолжают расширять масштабы оперативной и боевой подготовки вблизи наших границ. За последние годы в полтора раза увеличилось количество учений (со 190 до 300). Самое крупное за последние 30 лет учение «*Дефендер Юроп-2021*», в котором участвовали до 40 тыс. военнослужащих, прошло в мае-июне сего года. Главная его цель — отработать переброску полноценной дивизии из США в Европу[17].

Подобные действия наших западных коллег разрушают систему безопасности в мире и вынуждают Россию предпринимать меры адекватного противодействия.

За последние полвека в мире произошло более 450 разномасштабных войн, охвативших больше стран, чем во время Второй мировой войны, а людские потери составили свыше 40 млн человек. Как пел Виктор Цой: «И две тысячи лет война… Война без особых причин». Война — это то, с чем русский народ научился жить на протяжении столетий.

Характер и содержание войн постоянно развиваются. Гиперзвук, цифровизация и роботизация становятся доминирующими тенденциями при создании новых образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ). Космос, информационное и киберпространство все активнее используются в ходе вооруженной борьбы. Трендом становится создание космических и киберкомандований, главная задача которых — не

За тысячу лет, что существует русская цивилизация, отношение Запада к ней принципиально не менялось. И крестоносцы, и поляки, и шведы с французами, и немцы с англичанами ходили походами на Русь, Россию, СССР по разным поводам, но всегда на уничтожение, считая исторической несуразицей, что седьмая (ныне) часть суши, а вместе с ней, по некоторым оценкам, и чуть ли не половина ресурсов планеты принадлежат каким-то непонятным русским — то ли «недоевропейцам», то ли «переазиатам».

оборона, а планирование и проведение наступательных операций в соответствующих сферах[18]. Начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии В.В. Герасимов неоднократно подчеркивал, что в современной войне побеждает не тот, кто пересилит, а тот, кто передумает противника[19], тот, кто обладает преимуществами в критически важных технологиях и современных ВВСТ.

Важно понимать, что введение в профессиональный дискурс новых определений войны — вопрос не только и не столько терминологии. Это позволяет выявить содержание войн будущего и, соответственно, предусмотреть меры и средства для всесторонней подготовки к ним и успешного ведения, или, напротив, для предотвращения агрессии и сдерживания потенциального противника. Нельзя уподобляться тем генералам, которые готовятся к прошедшей войне, поэтому данное направление военно-научной работы крайне актуально.

У наших оппонентов дискурс о характере войны ведется весьма интенсивно. Здесь и кибервойны[20], направленные на разрушение критической инфраструктуры противника, и разного рода информационно-алгоритмические войны[21] с использованием в том числе искусственного интеллекта (ИИ), прокси-войны[22] на территориях третьих стран и регионов и тому подобные гибридные воздействия и конфликты, которые готовятся и ведутся ниже «ватерлинии» прямого военного столкновения держав — в так называемой серой оперативной зоне[23].

К войнам на поражение сознания относятся когнитивные войны[24]. К информационно-технологическому типу военных операций, наряду с кибервойнами, причисляют сетецентрические войны[25]. Концепцию данной войны предложили американские военные теоретики А. Себровски и Дж. Гарстка в конце XX века, ее главный принцип — смещение акцента с платформы на сеть. Концепция сетецентрических боевых действий внедрена в качестве доктрины и нашла отражение в боевых уставах ВС США.

Наконец, не так давно введено понятие «социальная война» (*societal warfare*). В докладах корпорации *RAND* данный тип войны, направленной на разрушение социальной инфраструктуры противника, разрабатывается особенно детально[26].

Ментальная война — война XXI века

В настоящее время инструменты ведения войны и соперничества мирного времени перемешались до степени совмещения. А спектр угроз и способов межгосударственного противоборства меняется настолько радикально, что впору говорить о возникновении нового типа войны.

При ведении классических войн цель заключается в разгроме ВС противника и захвате его территории. В современных инфо- и кибервойнах

она несколько другая — уничтожение критически значимой инфраструктуры противника, дезорганизация его систем государственного и военного управления, наведение хаоса, разбалансировка и в конечном итоге ликвидация государства.

Цель войны нового типа — уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника. На наш взгляд, ей лучше всего подходит наименование «ментальная война», направленная на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника[27].

Введенное в дискурс в марте 2021 года определение данного типа войны вызвало значительный резонанс в нашей стране и за рубежом[28,29,30,31]. Так, крупнейшее американское агентство *REUTERS*, а вслед за ним и британская газета *THE GUARDIAN* написали: «Соединенные Штаты Америки и другие Западные страны ведут психологическую войну против России, пытаясь подорвать президента Владимира Путина и государственные институты, сказал советник Министра обороны России… Наряду с этим Андрей Ильницкий в своей статье сделал заявление, которое было широко освещено российскими медиа, что Вашингтон также хочет изменить образ мышления россиян в "войне… за разум людей"»[32,33].

Обратили внимание на данный вопрос и китайские СМИ. Приведем только несколько фрагментов из их публикаций: «Вспыхнет ли в ближайшие 10 лет война между США и Россией? Российский советник рассказал правду»[34]; «Министерство обороны России: США развернуло психологическую войну против России»[35].

Задача ментальной войны, как и любой другой, — лишить объект воздействия суверенитета и поставить его под внешнее управление. Если для этого ранее, в классической войне, требовалось разгромить ВС противника и захватить его территорию, то теперь это вовсе не обязательно. Можно разрушить государство и уничтожить страну, поменяв самосознание, мировоззрение, цели, ценности и приоритеты общества. Ментальная война направлена на изменение мировоззрения. Причем если ВС и инфраструктуру можно восстановить, то эволюцию мировоззрения повернуть вспять невозможно[36].

Сама по себе тема воздействия на сознание как индивидуумов, так и военной силы противника, а также на сознание гражданского населения не нова. Обратим внимание на фундаментальную работу «Философия войны» видного русского военного теоретика первой половины XX века Антона Керсновского[37]. Он ввел понятие «умовая война», т. е. война умов или война за умы. В данной войне автор выделяет два фактора — знание и волю. Первый из них воздействует на левое полушарие мозга, отвечающее за логику и восприятие, а второй — эмоциональный — на правое полушарие (интуиция, эмоции, воображение). На наш взгляд, знания — это скорее информация, а воля — дух, идея, идеология, которая придает этим знаниям энергетику созидания или разрушения. Сам Керсновский считал, что воля гораздо важнее, и с этим следует согласиться. В ментальной войне психоэмоциональные факторы и технологии крайне важны.

В отличие от кибервойн и прямых информационных операций, ментальная война направлена и реализуется с учетом фактически формирующегося «мира постправды», когда людей отучают от критического мышления, от стремления к познанию истины. Информационное пространство тотально заполняется «нужным» контентом. С использованием технологий ИИ ведется

манипулирование общественным сознанием как на уровне смысла, так и на уровне эмоций, осуществляется воздействие и на разум, и на подсознание. Причем это весьма тонкие технологии, предназначенные для влияния как на определенные персоны, так и на массы людей. Кстати, еще Ницше писал, что истина человека не интересует, что ему нужен комфорт. А вот российский писатель Федор Достоевский утверждал, что если человек стремится к истине, то он уже победил.

Ментальные войны ведутся без объявления, их последствия проявляются не сразу. Им присущи стратегические и оперативные цели, определенные этапы и технологии реализации (табл.).

Таблица

Цели, этапы и технологии ментальной войны

№ пп	Показатели	Суть и содержание
1	**Стратегические цели**	Перезагрузка исторического самосознания, системы образования и воспитания, а значит, базовых смыслов и целей общества, т. е. идеологии, в том числе переписывание (обнуление) истории, разрушение традиций, укладов, веры (религии) и базовых ценностей. Реализуются в поколенческом масштабе (10—15 лет)
2	**Оперативные цели**	Атака на сложивший стиль жизни, демонтаж, вульгаризация и вытеснение актуальных норм поведения, подрыв доверия к власти, раскол общества. Реализуются в течение 3—5 лет
3	**Этапы**	***Первый*** — информационно-идеологическое воздействие. ***Второй*** — социальные технологии манипулирования обществом
4	**Технология реализации**	Включает информационную и психоэмоциональную составляющие. Причем в обеих активно задействуются технологии ИИ

Остановимся более подробно на обеих указанных в таблице составляющих технологии реализации ментальной войны.

Информационная составляющая — это перезагрузка (переформатирование) информационного поля, поля знаний, фактов и сведений. Регулированию и направленной деформации подлежит все — от новостей до аналитических и социологических данных, от программ обучения в высших учебных заведениях и школе до телевизионных программ и доступных архивных данных.

Как отмечают специалисты, коррекция инфополя в нужную сторону с применением в том числе ИИ в глобальном цифровом информационном пространстве не ограничивается новостными ресурсами и соцсетями[38]. Стоит для примера упомянуть деятельность самого распространенного в мире поисковика *Google* американской компании *Alphabet*. В последние годы корпорация использует технологии ИИ для автоматического осмысления сложных поисковых запросов, оптимизации поисковой выдачи, включая «деранкинг», т. е. намеренное погружение на поисковое дно нежелательных источников информации и отдельных публикаций. Характерный подобный случай — ис-

кусственное занижение вероятности появления в поисковике *Google* ссылок на ресурсы медиахолдинга «РТ» и развитие «умной» системы рекомендаций на принадлежащих компании ресурсах, в частности *YouTube*. То, что творилось во время выборной кампании в США с ресурсами того же Д. Трампа, хорошо известно и описывается русским жаргонным понятием «беспредел».

Прямо на наших глазах транснациональные корпорации, преимущественно IT-профиля, через контроль за СМИ и социальными сетями пытаются перехватить у национальных государств и официальных международных структур власть над миром[39].

Такой подход ведет к стремительной фрагментации международного информационного пространства в угоду чьим-то геополитическим и коммерческим интересам, причем как долгосрочным, так и ситуативным.

Психоэмоциональная составляющая представляет не меньшую угрозу, поскольку основана на манипуляции сознанием, настроениями и эмоциями, когда индивидууму, группам людей и обществу в целом опосредованно внедряются нужные настроения, оценки, мнения о чем-либо, о ком-либо, и все это принимается людьми неосознанно, без понимания сути.

В ноябре 2020 года в журнале Национальной академии наук США американские ученые опубликовали результаты своего исследования ***«Состязательные уязвимости в процессе принятия решений людьми»***[40] о возможностях ИИ манипулировать сознанием человека при принятии решений. Причем, что немаловажно, такой выбор будет восприниматься человеком как исключительно свой, базирующийся на принципе «свободной воли», а не навязанный со стороны.

Указанные исследования показали высочайшую эффективность технологий манипулирования сознанием: в соответствии с лабораторными тестами на данном этапе — около 70 %.

Ментальная война — серьезная угроза

Важнейшая проблема современной России не только в экономической зависимости от внешнего мира, но и в психоисторическом, ментальном заражении чуждыми смыслами[41]. Убеждения противника, наше мировоззрение — ценности, взгляды, цели, стратегия — выступают главным призом в ментальной войне против РФ.

Еще две с половиной тысячи лет назад китайский философ и полководец Сунь-Цзы пришел к выводу, что высшее искусство войны состоит в том, чтобы разрушить замыслы врага, затем — разрушить его союзы и только потом напасть на его армию и на укрепленные города[42].

Что значит разрушить замыслы? Навести хаос, разбалансировать систему целеполагания и принятия решений, повлиять на сознание, умы и эмоции. По сути, это и есть ментальная война — агрессивное комплексное воздействие, которое направлено не только на информационное поле, но также на образование и воспитание. На наш взгляд, сегодня для нашего деидеологизированного, разобщенного постковидного общества, где элита во многом утратила волю и доверие людей, ментальная война является самым опасным типом холодной войны.

В данной связи зададимся весьма актуальными вопросами: владеем ли мы инициативой в ментальном противоборстве с противником и чем страшны ментальные войны?

Прежде всего следует иметь в виду, что **ментальные войны ведутся без объявления, ползучим образом переформатируя мир. Их результатом может стать исчезновение стран**

и цивилизаций. Вспомним нашу историю: одну такую войну мы недавно проиграли, потеряв целую страну — СССР. Для ее разрушения был применен механизм именно ментальной войны, когда через разного рода «Голоса», самиздат, фильмы и компрадорскую номенклатуру в советское общество, особенно молодежь и интеллигенцию, взамен социалистических внедрялись буржуазные ценности и приоритеты.

Не будем обманываться — тот мировоззренческий выбор, несмотря на внешнее воздействие и предательство части элит, мы сознательно или неосознанно, но сделали сами, променяв ценности социалистического общежития на джинсы, жвачку, свободу перемещения, мир во всем мире и тому подобные идеологические симулякры. Только потом стало понятно, что это трагическая ошибка, но страна уже была разрушена.

Из ментальной войны на рубеже 90-х годов страна вышла со страшными потерями. Оценивая их масштаб, приведем только несколько цифр. В 80-х годах СССР (по сути, та же историческая Россия, только в несколько иной идеологической редакции) представлял собой мощную экономическую державу, его доля в мировом ВВП составляла 12,1 %, а нынешней РФ — только 3 %.

Что касается людей, то цифры еще более удручающие. Сразу после распада СССР население его правопреемницы — России — фактически сократилось на треть, десятки миллионов наших соотечественников в одночасье оказались за границей, в иных странах, в иной культурно-исторической среде. А ведь потеря почти 100 млн сограждан — это больше, чем во Второй мировой войне. А сколько людей потеряло себя, смысл жизни, сколько опустилось на социальное дно, заболело и умерло, сколько молодых еще людей погибли в криминальных и вооруженных конфликтах, сколько распалось семей и не родилось детей? Прямых данных нет, но эти косвенные потери оцениваются в десятки миллионов. И это все на нашей памяти, буквально вчера. И это все — список потерь в ментальной войне.

И данная война продолжается. На сегодняшний день очевидно, что Россия — объект крупномасштабного информационного воздействия[43]. Против российского государства, против нашего общества ведется ментальная война как по внешнему контуру, так и внутри страны. Ее цель — дискредитация РФ на международной арене, «вбивание» в умы населения зарубежных стран представлений о ней как о враге, агрессоре, изгое, источнике кибертеррора и т. п.

Задача ментальной войны, как и любой другой, — лишить объект воздействия суверенитета и поставить его под внешнее управление. Если для этого ранее, в классической войне, требовалось разгромить армию противника и захватить его территорию, то теперь это вовсе не обязательно. Можно разрушить государство и уничтожить страну, поменяв самосознание, мировоззрение, цели, ценности и приоритеты общества. Ментальная война направлена на изменение мировоззрения. Причем если армию и инфраструктуру можно восстановить, то эволюцию мировоззрения повернуть вспять невозможно.

Вместе с тем в информационном и киберпространстве проводятся мероприятия, направленные на подрыв доверия российского общества к власти, разрушение социальной и экономической инфраструктуры, что в итоге ведет к ослаблению государства. Для этого используются всевозможные информационные ресурсы и коммуникации, существующие классические и цифровые медиа. Одним из ключевых инструментов для проведения подобного рода информационных кампаний выступают социальные сети. В западном сегменте таких социальных медиа, как *Facebook*, *Twitter*, *Youtube* и других технологично и целенаправленно идет работа по формированию негативного образа России, подрыву доверия к российской власти и расколу общества.

Ментальная война носит тотальный характер. Ее фронты, сражения и бои разномасштабны, но синхронизированы и системны. Под прицелом внешних и внутренних врагов находятся институт Президента и персонально В.В. Путин, Русская Православная Церковь, силовые структуры и ВС России, а также молодежь. Наша история — особый участок, где ментальная война ведется предельно агрессивно, на уничтожение. Атаки идут извне и изнутри, причем базовая платформа врагов России внутри страны — это прежде всего компрадорская элита. Наблюдаются тенденции, буквально «вытравливающие» воспитание из школы, принижающие роль учителя до уровня обслуги, до подмены его «дистантом» и прочими новомодными «фишками».

Верно отмечал все тот же генерал КГБ СССР, легендарный разведчик Леонид Шебаршин: «Уничтожить Россию может только одна держава — сама Россия»[44].

Почему это так важно и так тревожно? В российской цивилизационной парадигме история и культура имеют определяющее значение. Россия — культурообразующая исторически сложившаяся цивилизация[45]. Лишить ее истории и культуры — значит изменить мировоззрение народа. Потому-то наши геополитические противники и их пятая колонна здесь упорно пытаются обнулить и перезагрузить наше историческое знание. Они понимают — лишив нас истории, наших культурных основ, можно отнять у России будущее.

В связи с этим особую окраску приобретают рассуждения одного из главных идеологов глобализма Д.Б. Чисхолма, основателя и первого президента Всемирной организации здравоохранения: «Чтобы прийти к мировому правительству, необходимо изгнать из сознания людей их индивидуальность, привязанность к семейным традициям, национальный патриотизм и религиозные догмы... Уничтожение понятий истины и лжи, которые являются основой воспитания ребенка, замена веры в опыт старших рациональным мышлением — вот запоздалые цели... потребные для изменения человеческого поведения»[46].

Вот так — без иллюзий! **Задача глобалистов во главе с США — устранить Россию как препятствие на пути установления нового мирового порядка.** Надо ясно понимать, что в результате ментальной войны российский народ может прекратить свое историческое существование. А народ, потерявший свой цивилизационный, духовно-нравственный код, исчезает из мировой истории. Как сказал в свое время П.А. Столыпин: «Народ, не имеющий национального самосознания, есть навоз, на котором произрастают другие народы»[47].

Поэтому противостояние противнику в ментальной войне не менее важно, чем создание и оснащение ВС РФ новейшими системами ВВСТ. И именно это может определить судьбу России.

Какие меры необходимо предпринять

Во-первых, продолжать то, что делается: укреплять ВС, развивать реальный сектор экономики, обеспечивать суверенитет не только военный и политический, но и экономический, разумно дистанцируясь от втягивания в разного рода конфликты и сосредоточивая основные усилия на защите и отстаивании интересов страны, и наконец-то национализировать элиты.

Во-вторых, сформировать четкий образ будущего, понятный не только представителям элиты, но и каждому россиянину. Государство не может без идеологии, поскольку это целеполагание, то, ради чего люди живут и действуют вместе. Она нужна для созидания и развития, для бездействия идеология не нужна.

Какова же должна быть идеология, которая обеспечит стратегию устойчивого суверенного развития? Здесь надо исходить из исторического опыта, из того, что обеспечивало России тысячелетнее существование на гигантских просторах. Повторим, РФ — цивилизация, в основе которой лежит сильное государство имперского типа и традиционные ценности: семейные и совместного солидарного проживания, позволяющие российскому народу выживать и развиваться сообща на столь громадной территории и в достаточно тяжелом климате.

В связи с этим **России необходима стратегия социально-политического и пространственного устройства страны, базирующаяся на трех составляющих: безопасности, сбережении народа и территориально-экономической связности. Прежде всего это означает развертывание продуктивной деятельности по следующим основным направлениям**:

Первое — обеспечение самого современного здравоохранения, причем не индустрии лечения, где больной — это ресурс для зарабатывания денег, а системы, нацеленной именно на поддержание здоровья человека. И военная медицина в период ковид-эпидемии показала блестящий пример такого здравоохранения.

Второе — совершенствование фундаментального классического образования и воспитания в школе и вузах. Достаточно эффективная для того времени система образования была создана в Советском Союзе. После того как СССР первым запустил искусственный спутник Земли, а затем отправил человека в космос, это вынуждены были признать и его геополитические противники. Так, президент США Д. Кеннеди в Специальном послании Конгрессу об образовании от 29 января 1963 года отмечал, что, отставая от Америки в общем количестве выпускников вузов в год, СССР поддерживает ежегодный приток научно-технических кадров, более чем в два раза превышающий американский.

Третье — развитие инфраструктуры для обеспечения территориальной связности, единого стандарта качества жизни во всех регионах России, переосвоение территории страны за Уралом.

Четвертое — обеспечение безопасности во всех ее проявлениях, причем не только военной и территориальной, но также продовольственной, экологической, информационной, кибербезопасности и, конечно же, ментальной как интегрирующего показателя.

Все данные составляющие — здравоохранение, фундаментальное образование, территориальная связность и безопасность — представляют собой, на наш взгляд, основы идеологии развития России в XXI веке.

Российская Федерация — цивилизация, в основе которой лежит сильное государство имперского типа и традиционные ценности: семейные и совместного солидарного проживания, позволяющие российскому народу выживать и развиваться сообща на столь громадной территории и в достаточно тяжелом климате. В связи с этим России необходима стратегия социально-политического и пространственного устройства страны, базирующаяся на трех составляющих: безопасности, сбережении народа и территориально-экономической связности.

Складывающаяся в мире военно-политическая обстановка требует качественного всестороннего анализа и прогнозирования основных направлений развития невоенных средств обеспечения безопасности страны и разработки мер противодействия возникающим ментальным угрозам[48]. В связи с этим представляется крайне актуальным развитие на практике тех изменений, что приняты недавно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Базовым предположением о характере процессов в сфере национальной безопасности страны отныне подразумевается принципиальная неразделимость внутренних и внешних вызовов[49] — ментальных прежде всего. Сбережение российского народа как особой цивилизации, защита наших духовно-нравственных ценностей — в фокусе Стратегии! Поэтому подходы к ее обеспечению должны учитывать цивилизационный масштаб вызовов и угроз, нарастающую сложность разделения военно-силовых и невоенных рисков.

Базовым принципом обновленной Стратегии национальной безопасности становится опережающий характер противодействия, основанный на единой (комплексной) системе прогнозирования и предупреждения угроз нашей цивилизации во всех сферах: образовании, культуре, экономике, науке, обороне и безопасности[50]. Потому актуально развитие и доктринальное закрепление концепции ментальной войны.

Россия XXI века должна стать современной державой имперского типа — народной империей, в которой на платформе традиционных ценностей и суверенитета, обеспеченного самой современной армией в мире и уникальным технологическим заделом, сильное государство реализует стратегию сбережения и приумножения российского народа, сохранения цивилизации «русского мира» в ее онтологическом, ментальном понимании. Это наш долг перед потомками, наша историческая миссия. Роль ВС России в этом благородном деле трудно переоценить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Свечин А.А.* Стратегия. М.-Л.: Госвоениздат, 1926. URL: http://militera.lib.ru/science/svechin1/index.html (дата обращения: 05.06.2021).

[2] Speech by President Barroso at the Russia-European Union — Potential for Partnership conference: «Moving into a Partnership of Choice». URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_13_249 (дата обращения: 05.06.2021).

[3] *Розанов В.В.* Опавшие листья. М.: Издательство АСТ, 2004. С. 113.

[4] Цитаты известных личностей. URL: https://ru.citaty.net/tsitaty/640929-nikolai-aleksandrovich-berdiaev-gosudarstvo-sushchestvuet-ne-dlia-togo-chtoby-prevrashcha/ (дата обращения: 05.06.2021).

[5] *Караганов С.А.* В этом мире Россия должна быть крепостью // Эксперт. 1 марта 2021. URL: https://expert.ru/expert/2021/10/v-etom-mire-rossiya-dolzhna-byt-krepostyu/ (дата обращения: 05.06.2021).

[6] *Ильницкий А.М.* Армия в ментальной войне за историю // Охраняется государством. Июнь 2021.

[7] Аналитический обзор. Международное влияние России // ВЦИОМ. 20 мая 2021. URL: https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10779 (дата обращения: 05.06.2021).

[8] U.S. The NATIONAL SECURITY STATEGY. 2018. URL: https://nesa-center.org/us-national-security-strategy-2018/ (дата обращения: 05.06.2021).

[9] *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. 2014. URL: https://dowbor.org/wp-content/uploads/2014/06/14Thomas-Piketty.pdf (дата обращения: 05.06.2021).

[10] 2021 Military Strength Ranking // Global Firepower. 2021. URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php (дата обращения: 07.06.2021);

[11] Sohu назвало две страны, с которыми армия США не хочет связываться // ПолитРоссия. 29 марта 2020. URL: https://politros.com/162110-sohu-nazvalo-dve-strany-s-kotorymi-armiya-ssha-ne-khochet-svyazyvatsya (дата обращения: 07.06.2021).

[12] *Шебаршин Л.В.* КГБ шутит… Афоризмы от начальника советской разведки. URL: https://www.litres.ru/leonid-shebarshin/kgb-shutit-aforizmy-ot-nachalnika-sovetskoy-razvedki/chitat-onlayn/ (дата обращения: 07.06.2021).

[13] U.S. DEPARTAMENT of STATE. Secretary Antony J.Blinken to State Department Employees. 2021. URL: https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-to-state-department-employees/ (дата обращения: 07.06.2021).

[14] *Austin L.* It's Time to Drop 'Competition' in the National Defense Strategy // The RAND Corporation. May 5, 2021.

[15] Myths and misconceptions in the debate on Russia // Chatham House. May 13, 2021.

[16] Там же.

[17] В Москве под руководством главы военного ведомства прошло заседание Коллегии Минобороны России. 31.05.2021 // Сайт Министерства обороны РФ. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12364295@egNews (дата обращения: 07.06.2021).

[18] Минобороны: космос и киберпространство стали активнее участвовать в военном противоборстве // ГАЗЕТА.RU. URL: https://www.gazeta.ru/army/news/2021/06/23/16144112.shtml (дата обращения: 07.06.2021).

[19] Выступление начальника Генерального штаба генерала армии Валерия Герасимова в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. 2017. 2 февраля.

[20] Cyberdeterrence and Cyberwar // The RAND Corporation. 2009.

[21] Weaponised AI is coming. Are algorithmic forever wars our future? // The Guardian. 2018.

[22] Peering into the Crystal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare // The RAND Corporation. 2020.

[23] *Бартош А.А.* Серые зоны как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная Мысль. 2021. № 3. С. 25—37.

[24] Countering cognitive warfare: awareness and resilience // Johns Hopkins University & Imperial College London. 2021.

[25] *Cebrowski A.K., Garstka J.J.* Network-centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings. January 1998.

[26] The Emerging Risk of Virtual Societal Warfare // The RAND Corporation. 2019.

[27] *Ильницкий А.М.* Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал Отечества. 2021. № 1 (51).

[28] В Минобороны обвинили Запад в развязывании ментальной войны с РФ // Известия. 25 марта 2021.

[29] В Минобороны заявили, что США начали против России ментальную войну // РИА новости. 25 марта 2021.

[30] Советник Министра обороны России рассказал, как победить США в «ментальной войне» // RT. 30 марта 2021.

[31] Советник Шойгу рассказал о «ментальной войне» против России // Радио Свобода. 25 марта 2021.

[32] U.S. wages psychological war on Moscow — Russian defense adviser // Reuters. 2021. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-usa-minds-idUSKBN2BH1TD (дата обращения: 07.06.2021).

[33] U.S. wages psychological war on Moscow — Russian defense adviser // THE GUARDIAN. 2021. URL: https://www.theguardian.pe.ca/news/world/us-wages-psychologicial-war-on-moscow-russian-defense-adviser-568194/ (дата обращения: 07.06.2021).

[34] Will a war break out between the US and Russia in the next 10 years? The Russian adviser told the truth // Sohu. 2021. URL: https://www.sohu.com/a/457462648_352347 (дата обращения: 07.06.2021).

[35] Russian Defense Ministry: The US is waging a «psychological war against Russia» // CCTV.com. 2021. URL: http://m.news.cctv.com/2021/03/25/ARTIqkAlrGWWyNANnv8jpSXT210325.shtml (дата обращения: 07.06.2021).

[36] *Каляев И.А.* Искусственный интеллект: камо грядеши? // Экономические стратегии. № 5 (163). 2019.

[37] *Керсновский А.А.* Философия войны. М.: Абрис, Олма Медиа Групп, 2019.

[38] *Федоров М., Цветков Ю.* Искусственный интеллект как инструмент борьбы за сознание людей // РСМД. 2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrument-borby-za-soznanie-lyudey/ (дата обращения: 08.06.2021).

[39] *Путин В.В.* Выступление на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». 27 января 2021. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64938 (дата обращения: 08.06.2021).

[40] *Dezfouli A., Nock R., Dayan P.* Adversarial vulnerabilities of human decision-making. 04.11.2020. URL: https://www.pnas.org/content/117/46/29221/tab-article-info (дата обращения: 08.06.2021).

[41] *Школьников А.Ю.* Очерк о стратегии России: железный занавес в Империи зла. 19 мая 2021. URL: https://shkolnikov.info/articles/11-analitika-i-prognozy/91381-ocherk-o-strategii-rossii-zheleznyy-zanaves-v-imperii-zla (дата обращения: 08.06.2021).

[42] *Сунь-Цзы.* Искусство войны. URL: http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html (дата обращения: 08.06.2021).

[43] *Ильницкий А.М.* Новая стратегия сдерживания России // Красная звезда. 22 июня 2020.

[44] *Шебаршин Л.В.* КГБ шутит… Афоризмы от начальника советской разведки.

[45] *Саулкин В.А.* Ментальная война. Война на уничтожение русской цивилизации // Московские суворовцы. 14 мая 2021. URL: https://mccvu.ru/news/moskovskie-suvorovtsy/mentalnaya-voyna-voyna-na-unichtozhenie-russkoy-tsivilizatsii/ (дата обращения: 08.06.2021).

[46] *Ковальчук М.В.* Колонизация заменилась технологическим порабощением // Аргументы и Факты. № 42. URL: https://aif.ru/society/opinion/mihail_kovalchuk_kolonizaciya_zamenilas_tehnologicheskim_poraboshcheniem (дата обращения: 07.06.2021).

[47] Цитаты известных личностей. URL: https://ru.citaty.net/tsitaty/620256-piotr-arkadevich-stolypin-narod-ne-imeiushchii-natsionalnogo-samosoznaniia-est/ (дата обращения: 08.06.2021).

[48] *Ильницкий А.М.* Обеспечение интеллектуального лидерства — основа национальной безопасности // Военная Мысль. 2021. №1. С 6—17.

[49] *Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М.* Приоритеты управления национальной безопасностью и обороной в условиях постглобального мира // Военная Мысль. 2021. № 3. С 6—24.

[50] *Ильницкий А.М.* Обеспечение интеллектуального лидерства — основа национальной безопасности.

Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего

Генерал-полковник В.Б. ЗАРУДНИЦКИЙ

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены теоретические аспекты завоевания и удержания решающего превосходства над противником в современных и будущих военных конфликтах. Сформирован общий подход и определены основные направления его достижения при ведении военных действий в различных сферах вооруженной борьбы.

ABSTRACT

The paper examines theoretical aspects of winning and keeping decisive superiority over the adversary in present-day and future military conflicts. It forms a general approach and names the main trends in its attainment when fighting in various spheres of armed struggle.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Превосходство над противником, боевые возможности, технологическое превосходство, искусственный интеллект, робототехнический комплекс.

KEYWORDS

Superiority over the adversary, combat possibilities, technological superiority, artificial intelligence, robotechnical system.

ВОЙНЫ остаются объективной реальностью. Они велись в прошлом, нередко возникают сейчас и, по всей видимости, не исчезнут в будущем. В связи с этим всесторонняя оценка и прогноз возможного характера вооруженной борьбы сохраняет свою актуальность, без них весьма затруднительно безошибочно определить основные направления строительства Вооруженных Сил (ВС) и в целом обеспечить успешное выполнение стоящих перед ними задач на всех этапах обострения военно-политической обстановки.

Достижение победы в военных конфликтах будущего во многом зависит от способности ВС завоевывать превосходство над противником при подготовке и ведении военных действий, а также захватывать и удерживать стратегическую и оперативную инициативу.

Безусловно, точно спрогнозировать характер и содержание грядущих войн сложно, но определить теоретические подходы к достижению превосходства над противником вполне возможно и необходимо уже сейчас в интересах качественной подготовки к применению ВС в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации (РФ).

В энциклопедических изданиях превосходство над противником в бою и операции трактуется как преимущество в количественном и качественном соотношении войск (сил), в их оснащении, моральном состоянии, искусстве ведения боевых действий[1,2]. При этом классический подход предполагает необходимость создания и постоянного поддержания на направлении главного удара двух-трехкратного, а на участках прорыва — четырех-шестикратного превосходства над противником в силах и средствах.

Исторический опыт войн и вооруженных конфликтов свидетельствует, что противоборствующие стороны, с одной стороны, стремятся превзойти противника в количественном составе и уровне подготовки войск (сил), их оснащенности современным вооружением, военной и специальной техникой (ВВСТ), возможностях систем управления и всестороннего обеспечения, а с другой — прилагают усилия к снижению боевых возможностей противостоящей группировки сначала скрытыми и внезапными действиями, а затем массированным применением оружия[3]. При этом преследуется одна цель — создание благоприятных условий для достижения гарантированного превосходства над противником.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: как одержать победу в военных конфликтах различной интенсивности и масштабов в условиях дефицита ресурсов и превосходства противника в силах и средствах?

В истории войн и военного искусства подобных примеров немало. Так, великий отечественный полководец А.В. Суворов, посвятивший всю свою жизнь военному делу, был не только крупнейшим стратегом, но и непревзойденным тактиком. Отбросив устаревшие принципы кордонной стратегии и линейной тактики, он разработал и успешно применял в полководческой практике более совершенные формы и способы ведения вооруженной борьбы, которые обеспечили русскому военному искусству лидирующие позиции в мире.

В настоящее время в ходе боевых действий в Сирии российские военнослужащие накопили богатый опыт достижения и поддержания превосходства над противником. Например, в ходе операции по освобождению Алеппо (конец 2016) была неожиданно для незаконных вооруженных формирований применена тактика наступления в три смены — днем и ночью без перерыва. Авиация наносила удары по объектам террористов только по внешнему кольцу их обороны, а ракетные войска и артиллерия, тактические огневые средства — по целям в черте города.

Успешно также велись бои в горной и пустынной местности. Сирийские войска, в составе которых находились российские военные советники, захватывали и удерживали господствующие высоты, перевалы и горные проходы, широко применяли обходящие и рейдовые отряды[4]. Тем самым достигалась внезапность, противник не мог предугадать намерения правительственной армии,

а **превосходство обеспечивалось избранным способом действий войск**.

В ходе вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе важным фактором победы азербайджанских войск стало их **техническое превосходство**. Успех в значительной степени был достигнут благодаря непрерывному обеспечению сил и средств поражения разведывательной информацией о местоположении объектов противника в реальном режиме времени разведывательными беспилотными летательными аппаратами (БПЛА), а также применению ударных БПЛА, в том числе типа «камикадзе».

Анализ побед США в военных конфликтах малой и средней интенсивности (конец XX — начало XXI века) показал, что они одержаны над заведомо слабым противником, не имеющим на вооружении современных средств разведки и поражения, в том числе высокоточного оружия (ВТО) большой дальности, комплексов противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО и ПРО), а также современных автоматизированных систем управления, связи и радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Все операции ВС США проводили с заранее подготовленных плацдармов (баз), созданных в непосредственной близости от государственных границ объекта агрессии. Длительная подготовка к вторжению осуществлялась в комфортных условиях при отсутствии воздействия противостоящей стороны по срыву нападения. Фактически инициатива их действий обеспечивалась завоеванием превосходства над противником на этапе подготовки операции, что вынуждало последнего вести военные действия по навязанному агрессором сценарию.

Немаловажно и то, что войска (силы) США и их союзников не несли достаточно ощутимых потерь в личном составе и ВВСТ на всех этапах подготовки и ведения операций, действовали в условиях отсутствия непосредственного боевого соприкосновения с сухопутными войсками противника и практической неуязвимости национальной территории, основных группировок ударных средств и систем стратегического и оперативного управления.

Вместе с тем за 20 лет боевых действий в Афганистане ВС США и их союзников, несмотря на всю их беспрецедентную мощь, так и не смогли добиться каких-либо значимых результатов. А в то же время ограниченный по численности российский воинский контингент в Сирии успешно служит гарантом мира и безопасности в этой стране.

Следовательно, **превосходить противника во всем и всегда объективно невозможно. Но определить общий подход к организации деятельности, направленной на завоевание решающего превосходства над противником, вполне достижимо и насущно** (рис. 1). Его суть заключается в следующем.

Прежде всего требуется выделить наиболее значимые факторы, формирующие благоприятные условия для завоевания превосходства над противником. К основным из них следует отнести добывание достоверной разведывательной информацией в режиме реального времени, своевременное всестороннее обеспечение войск (сил), наличие и исправность ВВСТ, высокий уровень подготовки ВС, особенно органов управления и командного состава.

В дальнейшем на основе комплексного анализа данных факторов необходимо выявить сферы, в которых противник уязвим, а затем определить формы применения и способы действий своих войск (сил), позволяющие в полной мере реализовать их потенциал. И главное — наметить, как готовить ВС к завоеванию превосходства.

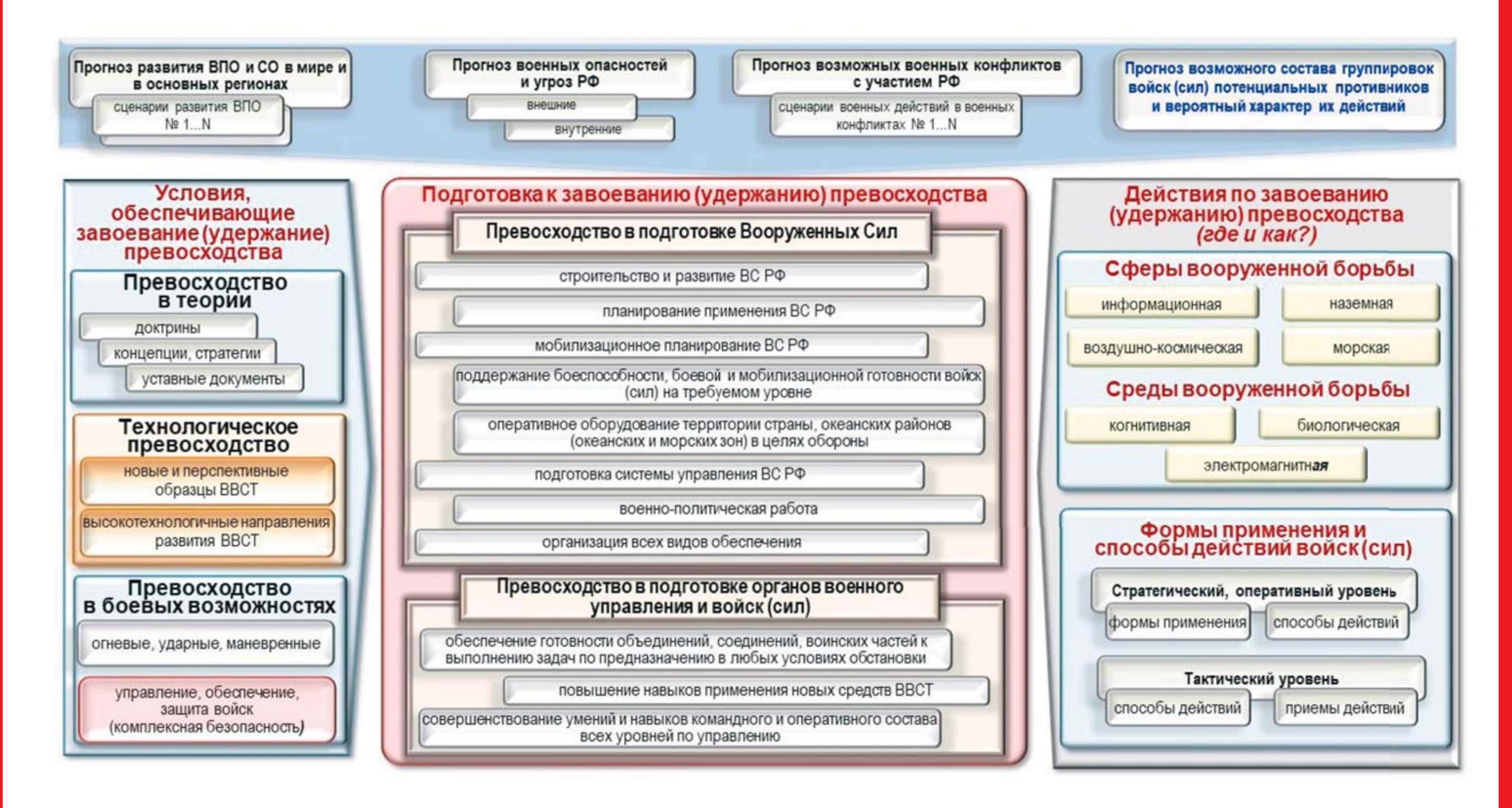

Рис. 1. Общий подход к завоеванию превосходства над противником

Следует иметь в виду, что в подготовке ВС важен каждый элемент. Постоянная и целенаправленная оперативная, боевая и мобилизационная подготовка, совершенствование системы управления и военно-политической работы должны быть направлены на обеспечение превосходства в выучке органов военного управления и войск (сил).

Условия, обеспечивающие завоевание (удержание) превосходства над противником

Одна из важнейших составляющих достижения превосходства над противником — **опережающее развитие отечественной военной стратегии**. Как этого достичь? Какими слагаемыми упреждающего развития теории военного искусства мы можем располагать?

Сегодня совершенствуется ***система концептуальных документов строительства и применения ВС*** в целях их адаптации к прогнозным сценариям развития военно-политической обстановки и выработки путей решения проблемных вопросов в этой области.

К документам, определяющим идеологию строительства и применения ВС РФ, относятся соответствующие концепции. Основой для разработки концепций развития и применения видов и родов войск ВС, группировок войск (сил) на стратегических направлениях и уставных документов служат взгляды военно-политического руководства государства на применение военной силы на всех этапах развития военно-политической обстановки. Итогом создания данных концепций становятся требования по достаточному и необходимому составу вида (рода войск) ВС, межвидовых группировок войск (сил) для выполнения задач по защите и продвижению национальных интересов, обеспечению военной безопасности России в соответствующей сфере и на стратегических направлениях, а также для завоевания и удержания превосходства над противником в мирное и военное время в назначенных зонах ответственности.

Следует отметить, что интенсивность развития отечественного военного искусства на современном этапе заметно возросла. Предлагаются и обсуждаются новые теоретические положения, выдвигаются прорывные научные идеи. Однако не все из них возможно внедрить в конкретную деятельность войск (сил). Объясняется это тем обстоятельством, что некоторые исследования не направлены на практическую реализацию, а проводятся только в интересах развития теории.

Сейчас перед военной наукой стоит довольно сложная задача — изыскание и обоснование магистральных направлений достижения технологического превосходства над потенциальным противником за счет совершенствования существующих и создания новых перспективных образцов ВВСТ, разработки и внедрения эффективных способов их боевого применения. Добиться данного превосходства возможно путем сбалансированного развития всех видов и родов войск (сил) ВС, создания и освоения ВТО, современных средств связи, разведки, управления и РЭБ.

В интересах завоевания превосходства над противником определены приоритетные направления развития ВВСТ. При этом особое внимание предусматривается уделить разработке гиперзвукового оружия и оружия на новых физических принципах, комплексов с БПЛА, роботизированных ударных комплексов, а также перспективных вооружений для борьбы со средствами

воздушно-космического нападения и РЭБ потенциального противника.

Постоянное увеличение доли новых средств вооруженной борьбы ведет к появлению новых способов военных (боевых) действий. В различных условиях военно-политической обстановки их применение должно обеспечивать достижение определенных целей. Причем поступающие на оснащение войск (сил) высокотехнологичные образцы ВВСТ необходимо научиться использовать эффективно, т. е. достигать приемлемых результатов с минимальным расходом ресурсов.

В современном бою даже отдельные образцы ВВСТ при их грамотном применении могут обеспечить успешное выполнение боевой задачи. В настоящее время решение отдельных оперативных задач, а иногда и стратегических возможно за счет нанесения ударов ВТО большой дальности. Кроме того, существенно повышается роль гиперзвукового оружия, в частности созданных в России комплексов «Кинжал» (рис. 2), «Циркон» и другого, которые особенно эффективны совместно с радиоэлектронным воздействием.

Развитие ВВСТ — ключевой фактор повышения боевых возможностей ВС РФ. В этом процессе важнейшую роль играют современные технологии, а также правильный выбор приоритетов и направлений их совершенствования.

Сегодня предприятия оборонно-промышленного комплекса России имеют уникальную возможность проверить новые образцы ВВСТ в ходе мероприятий оперативной (боевой) подготовки ВС и в реальной боевой обстановке, в частности в Сирии, проанализировать опыт их применения, выявить недостатки, извлечь уроки для их дальнейшей доработки и модернизации.

Наряду с этим необходимо постоянно вести работу по определению высокотехнологичных направлений производства перспективных средств вооруженной борьбы. Например, сейчас одновременно с созданием гиперзвуковых, робототехнических комплексов и оружия на новых физических принципах ключевую роль играет разработка и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ). Экспертная оценка показывает, что эффективность применения вооружения, сконструированного на основе технологий ИИ, возрастает в 5—15 раз.

Органы военного управления и войска (силы) необходимо готовить к тому, что **развитие технологий ИИ в скором времени приведет к массированному применению роботизированных летательных, подводных, надводных и космических аппаратов, объединенных в так называемый «рой»**, с возможностью самостоятельного определения путей достижения поставленной цели и способных создавать угрозу системам прикрытия критически важных объектов, а при определенных условиях делая их совершенно бесполезными.

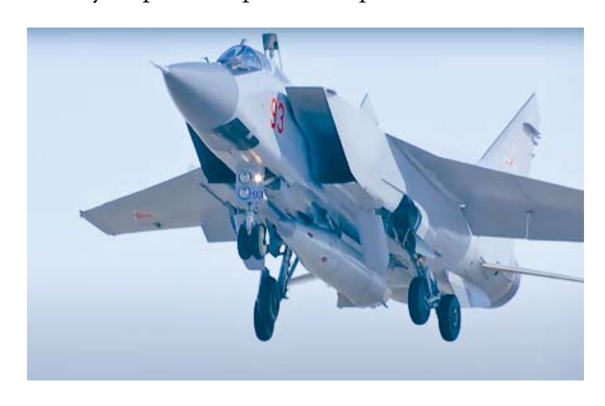

Рис. 2. Гиперзвуковой ракетный комплекс «Кинжал»

Приоритетное значение следует также придавать созданию ударных космических средств, предназначенных,

в частности, для выполнения оборонительных противоракетных функций. В результате **существенно повысится роль космических сил и средств как фактора стратегического сдерживания потенциального противника**.

Несмотря на стремление к постепенному выводу солдата с поля боя, полностью исключить его участие в вооруженной борьбе невозможно. Поэтому необходимо продолжать развивать существующие и разрабатывать принципиально новые средства, повышающие эффективность и безопасность его действий за счет расширения боевых возможностей.

В существующей теории военного искусства принято считать, что превосходство над противником в концепциях и технологиях должно быть направлено на постоянное повышение боевых возможностей войск (сил). Как показывает опыт современных военных конфликтов, традиционные огневые, ударные и маневренные возможности войск (сил) остаются актуальными и продолжают играть важную роль в достижении успеха в операции (бою). Однако в настоящее время этого уже недостаточно. Для завоевания превосходства над противником требуется иметь преимущество в управлении, всех видах обеспечения и, что весьма значимо, — в создании условий для безопасности (сохранности) своих войск (сил). Данный тезис подтверждается реальным боевым опытом.

Достижение превосходства в управлении заключается в упреждении противника в реализации цикла управления войсками (силами) и оружием за счет воздействия на его системы и процессы управления, а также путем комплексной защиты элементов своей системы управления. При этом возможности создаваемой системы управления должны обеспечивать как можно более полную реализацию оперативного и боевого потенциала своих войск (сил) в различных условиях обстановки при превентивном и постоянном воздействии на уязвимые компоненты системы управления противника в целях снижения ее возможностей.

В повышении оперативных возможностей возрастает роль всех видов обеспечения, поскольку спектр относящихся к ним соответствующих задач существенно расширяется за счет комплексного использования одних и тех же сил и средств. Например, применение БПЛА в интересах разведки, связи, РЭБ и других видов всестороннего обеспечения позволяет значительно снизить влияние фактора неопределенности в ходе военных (боевых) действий. Это приближает «зону принятия решений» в штабах различного уровня к местам сражений (боев), а командиры получают возможность видеть и оценивать обстановку в плане угроз своим войскам (силам) и результатов воздействия по противнику на гораздо более обширном пространстве, чем могли делать их коллеги два-три десятилетия назад.

Важно не только снижать потенциал противника, но и ***обеспечивать сохранность своих войск (сил)*** посредством создания системы комплексной безопасности во всех сферах их действий. Положительным примером в этом плане также служит сирийский опыт, где постоянное прикрытие, защита важных объектов и гарантирование безопасности личного состава считается приоритетной задачей. Но это только первый шаг. Система комплексной безопасности должна охватывать все сферы жизнедеятельности и применения войск и сил в мирное и военное время.

В целом боевые возможности должны реализовываться в действиях по завоеванию превосходства во всех сферах и средах вооруженной борьбы.

Действия по завоеванию (удержанию) превосходства над противником

Успех в современной войне не может быть достигнут без завоевания информационного превосходства над противником. ***Преимущество в информационной сфере***, обеспечивающее благоприятные условия для эффективного решения задач ВС и группировками войск (сил), определяется наличием актуальных данных об информационных системах противника и их возможностях по нанесению ущерба своим войскам, а также возможностями сил и средств информационного противоборства по информационному воздействию на противника и защите своих информационных объектов.

Особая роль в завоевании превосходства в информационной сфере принадлежит применению информационных технологий в целях обеспечить выгодную для российских ВС направленность процессов управления и затруднить принятие решений и реализацию планов противника.

Сегодня **господство в воздушно-космической сфере — важнейшее условие успешного ведения боевых действий сухопутными и морскими группировками войск (сил)**. Оно обеспечивается достаточностью количественно-качественного боевого состава ударной и истребительной авиации, а также применением эффективных способов их действий, позволяющих упреждать противника в ходе вооруженной борьбы в данной сфере. В этих целях для Воздушно-космических сил РФ разрабатываются и принимаются на вооружение такие новые и модернизированные образцы ВВСТ, как стратегический ракетоносец-бомбардировщик Ту-160М; авиационный гиперзвуковой ракетный комплекс «Кинжал»; ВТО воздушного базирования большой дальности, в частности гиперзвуковая ракета Х-95; БПЛА различных классов; радиолокационные станции загоризонтного обнаружения; зенитные ракетные системы (комплексы) и др.

Но произвести и принять на вооружение новейшие образцы ВВСТ и создать необходимый боевой потенциал группировок войск (сил) недостаточно. Необходимо разрабатывать и осваивать новые формы их применения и способы боевых действий, обеспечивающие достижение господства в воздушно-космической сфере.

Примером тому может служить успешная борьба за господство в воздухе в ходе войны во Вьетнаме (1965—1973) и арабо-израильской войны (1973), когда наряду с новым на то время вооружением применялись и неожиданные для воздушного противника способы действий:

- создавались смешанные группировки войск ПВО;
- широкое распространение получили действия средств ПВО из засад;
- оборудовалась сеть ложных и запасных позиций;
- осуществлялось постоянное маневрирование зенитными батареями и дивизионами;
- стрельба по воздушным целям велась на предельно малой дальности либо вдогон;
- практиковалось взаимное прикрытие зенитных подразделений и др.

Применение средств вооруженной борьбы различной подчиненности в интересах обеспечения господства в воздушно-космической сфере необходимо осуществлять комплексно. Решения на действия авиации, войск ПВО-ПРО, космических войск, сил РЭБ должны быть нестандартными и внезапными для противника. Для этого **следует изыскивать, апробировать и внедрять новые способы ведения боевых действий, обеспечи-**

вающие завоевание господства в воздушно-космической сфере. Например, в мирное время применение БПЛА носит преимущественно одиночный характер с превалирующим решением разведывательных и обеспечивающих задач: воздушная разведка, отслеживание гидрометеорологической обстановки, контроль состояния и деятельности своих войск (сил), объектов инфраструктуры и др. При этом их полеты организованы в плановом порядке.

Для решения задач по отстаиванию национальных интересов за пределами России, в ходе миротворческих операций, постконфликтного урегулирования и в других подобных ситуациях предпочтение должно отдаваться БПЛА, способным совершать длительные полеты и охватывать значительное пространство в целях контроля обстановки. Наработки в этом плане уже имеются, в частности в скором времени в ВС России поступит перспективный двухмоторный разведывательно-ударный БПЛА «Альтиус» большой продолжительности полета[5] (рис. 3).

Рис. 3. Перспективный российский разведывательно-ударный БПЛА «Альтиус» большой продолжительности полета[6]

В военное время при проведении операций межвидовыми (коалиционными) группировками войск (сил) применение БПЛА будет носить преимущественно массированный характер, обусловленный их участием в нанесении мощных огневых ударов и систематических боевых действиях совместно с пилотируемой авиацией, носителями крылатых, баллистических и гиперзвуковых ракет различного базирования. В качестве одного из возможных направлений использования БПЛА целесообразно, на наш взгляд, рассматривать их участие в операциях флотов и морских операциях, особенно по уничтожению авиационных ударных групп противника.

Наиболее значимое условие успешного выполнения задач в операциях и боевых действиях объединений и группировок сил Военно-Морского Флота (ВМФ) России — завоевание и удержание господства на море в соответствующих районах. Его достижение обусловлено возможностями сил (войск) флотов по ограничению доступа и маневра противника, системы освещения обстановки в режиме реального времени в оперативно важных районах Мирового океана, а также развитием системы оперативного оборудования театров военных действий, в том числе в Арктической зоне.

В настоящее время завершаются испытания корабельного ракетного комплекса с гиперзвуковой ракетой «Циркон» (рис. 4)[7], а в ближайшей перспективе на вооружение ВМФ поступят боевой автономный необитаемый подводный аппарат «Посейдон», БПЛА и морские робототехнические комплексы различных классов. Это существенно повысит оперативные возможности группировок сил (войск) ВМФ.

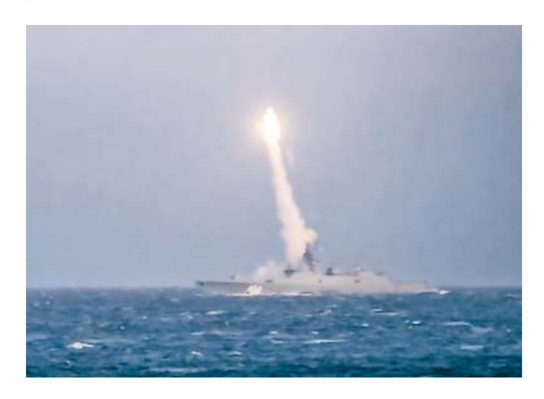

Рис. 4. Испытание гиперзвуковой ракеты «Циркон»

На завоевание (удержание) превосходства над противником при ведении военных (боевых) действий на суше с учетом возрастания поражающей способности вооружений влияют следующие основные факторы:

- применение рассредоточенных автономных группировок войск (сил) с назначением для них функциональных зон ответственности;
- упреждающее высокоточное комплексное поражение критически важных объектов противника в режиме реального времени или близком к нему;
- создание объединенных наступательных и оборонительных боевых и обеспечивающих систем;
- сосредоточение усилий за счет маневра силами и средствами, ударами и огнем.

Возможности группировок войск (сил) на оперативном и тактическом уровнях будут повышаться за счет массового насыщения войск (сил) модернизированными и перспективными образцами ВВСТ, прежде всего танками Т-90М и Т-14, боевыми машинами пехоты БМП-3 и Т-15, а также ***штурмовыми (многофункциональными) наземными робототехническими комплексами*** (РТК), в частности «Штурм», «Соратник»[8] (рис. 5) и др. При этом РТК могут применяться как в составе группировок войск (сил), так и самостоятельно, в качестве отдельного элемента оперативного построения (боевого порядка). Особенно они незаменимы при прорыве укрепленных районов противника, действиях на урбанизированной местности, в сложных физико-географических условиях, а также при выполнении задач контроля определенной территории. Поэтому уже сейчас необходимо изыскивать и активно прорабатывать способы эффективного применения данного перспективного оружия, не допуская в этом вопросе шаблонного подхода с опорой на действующие руководящие документы.

Таким образом, **достижение превосходства над противником наряду с развитием и реализаций прорывных технологий в области создания различных видов ВВСТ возможно при внедрении в ВС РФ новых эффективных форм применения группировок войск (сил) и способов ведения военных (боевых) действий, которые должны опережать взгляды противника по сущности и содержанию**. Их необходимо постоянно совершенствовать в интересах максимальной реализации боевых возможностей войск (сил), выработки требований к созданию перспективных воинских формирований и новых средств вооруженной борьбы.

Рис. 5. Наземный робототехнический комплекс «Соратник»

Залогом превосходства над противником следует, на наш взгляд, считать многовариантность способов действий войск и использования оружия. Существующие теория и практика применения группировок войск (сил) позволяют сформулировать универсальный подход к формированию структуры способа ведения операции на этапе определения замысла. Его суть заключается в следующем.

Определяя способ действий группировки войск (сил) для каждой оперативной задачи, командующий представляет определенную ***пространственно-временную модель действий противоборствующих сторон*** и прогнозирует их возможный исход. В результате аналитической работы вырабатывается порядок применения сил и средств — одновременно или последовательно.

Далее, исходя из приоритетности выполнения оперативных задач, определяется группировка войск (сил) противника и/или его объекты, подлежащие воздействию, характер (способ) воздействия, а также физическая среда действий.

Это только общий подход, требующий детализации в реальных условиях обстановки, однако именно здесь закладываются факторы, позволяющие достичь превосходства над противником при выполнении каждой оперативной задачи, в ходе всей операции и в целом при реализации избранной стратегии ведения войны (вооруженного конфликта).

Выявление наиболее уязвимой для противника в данный момент сферы противоборства, постановка локальной (ограниченной) цели с необходимым и достаточным перечнем сил и средств для ее достижения предопределяют выбор форм применения и способов действий группировки войск (сил).

В настоящее время в отечественной военной стратегии разработан ***новый подход к комплексному применению всех имеющихся сил и средств для поражения противника***, что позволяет достичь над ним превосходства в огневых возможностях.

Комплексное поражение противника реализуется заблаговременным планированием всех видов воздействия, что обеспечивает поэтапный переход от мероприятий стратегиче-

ского сдерживания к непосредственному огневому поражению.

Первоначально действия сил и средств направлены на вскрытие состава группировок войск (сил) противника и демонстрацию своих возможностей по его поражению. В дальнейшем, после вскрытия намерений противника, уточняются спланированные мероприятия, наращивается состав сил и средств, привлекаемых к поражению, а также осуществляется слежение за его оружием.

В случае развязывания агрессии против РФ и ее союзников назначенные силы и средства наносят поражение противнику в целях снижения его боевого потенциала и срыва агрессии. При этом основные усилия сосредоточиваются на нанесении ударов по критически важным объектам его инфраструктуры.

Тенденция к росту масштабов применения противником мобильных группировок войск (сил), действующих преимущественно рассредоточенно, повышение подвижности объектов (групп объектов) поражения, увеличение ресурса беспилотной авиации, ведущей воздушную разведку, необходимость непрерывного сбора и обработки информации о противнике, а также оперативного принятия решения на нанесение по нему ударов привело к появлению новой формы огневого поражения — ***разведывательно-ударных действий***.

Практическая реализация данной формы позволяет выполнять конкретные задачи по поражению элементов инфраструктуры противника в реальном (близком к реальному) масштабе времени. Кроме того, появилась возможность создавать ***зоны временного преимущества*** путем сосредоточения усилий в огневом поражении в различных районах на основе маневра огнем (силами и средствами) для достижения определенного временного превосходства над противником.

Разведывательно-ударные действия ведутся в ходе всей операции специально выделенными силами и средствами. Их состав может меняться в зависимости от решаемых войсками оперативных задач. При необходимости для выполнения задач в режиме реального (близком к реальному) времени могут создаваться ***разведывательно-ударные (разведывательно-огневые) комплексы***.

Очевидно, что доля разведывательно-ударных действий в огневом поражении противника будет неуклонно расти, а их роль повышаться. В связи с этим необходимость наиболее полной реализации потенциальных возможностей войск (сил) по поражению объектов противника в условиях различной обстановки в масштабе времени, близком к реальному, предполагает комплексное применение сил и средств разведки, управления и поражения стратегического, оперативного и тактического уровней, интегрированных в рамках соответствующей ***межвидовой автоматизированной системы***.

Получение максимального эффекта при ведении разведывательно-ударных действий возможно путем синхронизации огня и маневра высокомобильных сил и средств, а также применения РТК и искусственного интеллекта.

Для повышения огневой мощи целесообразно боевые порядки насыщать недорогими РТК и БПЛА, которые в оперативном построении могут применяться впереди наступающих войск или действовать совместно с ними. При этом беспилотные системы передают операторам, которые управляют ими, координаты целей и изображения поля боя и получают команды на маневр и применение оружия. Более сложные РТК и боевые платформы могут действовать самостоятельно на основе использования технологий ИИ.

Подготовка ВС России к завоеванию (удержанию) превосходства над противником

Для успешной реализации оперативных и боевых возможностей войск (сил) в интересах обеспечения превосходства над противником командующим (командирам), начальникам и всему офицерскому составу необходимо постоянно и целенаправленно совершенствовать свои знания, умения и навыки. Для этого следует обстоятельно изучать положения руководящих документов, результаты обобщения отечественного и зарубежного опыта боевых действий и передовые подходы к подготовке органов управления и войск (сил).

С этой целью **в ВС РФ создается постоянно действующая система анализа и обобщения опыта боевых действий и передового опыта оперативной (боевой) подготовки**. Направленность работы структурных элементов новой системы заключается в подготовке предложений в уставные документы по применению войск (сил), а также в развитии теории и практики военного искусства.

Умение оценивать обстановку на всех уровнях, формировать выводы с последующим прогнозированием вариантов ее развития и действий противника, выявлять его слабые и сильные стороны, находить пути (способы) их нейтрализации и использования, принимать неожиданные для противостоящей стороны решения на применение войск (сил) составляют содержание аналитической работы по достижению превосходства.

Особо следует обратить внимание на оценку информационной обстановки и ее прогноз, реализацию ВС дополнительных мер стратегического сдерживания по нейтрализации военных опасностей и угроз, а также на организацию действий по защите и продвижению национальных интересов России за пределами ее территории. Немаловажное значение целесообразно также придавать формированию навыков планирования и управления ведением как стратегических операций, так и постконфликтным урегулированием, гуманитарными действиями, организации переговорного процесса и в целом решения задач восстановления мирной жизни, чем сейчас и занимаются российские ВС в Сирии.

Необходимо учиться принимать опережающие нестандартные решения, обескураживающие противника, позволяющие захватывать и удерживать инициативу. Это позволит максимально реализовать боевой потенциал своих войск (сил) и создать условия, нивелирующие технологическое преимущество противника.

Таким образом, руководящий состав ВС РФ, командующие и командиры должны обладать знаниями, умениями и практическими навыками по подготовке и управлению группировками войск (сил) различного состава — межвидовыми, коалиционными, разноведомственными и экспедиционной направленности — в военных конфликтах разной интенсивности при ведении боевых действий как с высокотехнологичным противником, так и с незаконными вооруженными формированиями.

Необходимость достижения решающего превосходства над противником предъявляет к подготовке командующих (командиров) и органов военного управления в целом особые требования. Офицерский состав должен уметь проявлять инициативу, нестандартно мыслить и принимать дерзкие решения, а при их реализации быть

готовым пойти на оправданный и просчитанный риск.

Очевидно, что на достижение успеха при ведении военных действий влияют многие составляющие боевой мощи ВС, но главной остается ***морально-психологическая готовность личного состава*** к выполнению поставленных задач, а также решимость и готовность государства в целом к отражению агрессии. Следовательно, необходимо при проведении мероприятий подготовки ВС особое внимание уделять развитию морально-деловых качеств командного состава, прежде всего разумной инициативы, решительности и воли к победе, а также повышению морально-психологической готовности личного состава к выполнению боевых задач в самых сложных условиях обстановки.

В заключение следует отметить, что в настоящей статье только в общем виде представлены основные составляющие достижения превосходства над противником. Для каждой сферы вооруженного противоборства они могут быть детализированы, определены частные условия завоевания и удержания превосходства. В последующих статьях планируется более подробно рассмотреть данные вопросы.

В целом теория и практика достижения превосходства над противником в современных и будущих военных конфликтах концептуально базируется на постулате римского историка Корнелия Непота «хочешь мира — готовься к войне» (*si vis pacem, para bellum*)[9]. Древняя мудрость, многократно проверенная историческим опытом, и сегодня определяет общее понимание достижения успеха в любой войне — находиться в состоянии полной готовности к ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военный энциклопедический словарь // Сайт Министерства обороны РФ. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9305@morfDictionary (дата обращения: 10.04.2021).

[2] Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 585.

[3] *Галкин А.В.* Формы боевого применения и организация управления интегрированными группировками Вооруженных Сил на театре военных действий // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2 (55). С. 51—54.

[4] Там же.

[5] Подписан контракт о поставке Минобороны первой партии тяжелых дронов «Альтиус» // Интерфакс. 20 февраля 2021. URL: https://www.interfax.ru/russia/751915 (дата обращения: 21.04.2021).

[6] Российский БПЛА «Альтиус» впервые применит оружие летом 2021 года // Известия. 8 марта 2021. URL: https://iz.ru/1133961/2021-03-08/rossiiskii-bpla-altius-vpervye-primenit-oruzhie-letom-2021-goda (дата обращения: 21.04.2021).

[7] Фрегат «Адмирал Горшков» выполнил очередную испытательную стрельбу гиперзвуковой ракетой «Циркон» в Белом море // Сайт Министерства обороны РФ. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12329718@egNews (дата обращения: 25.04.2021).

[8] Боевые роботы «Штурм» и «Соратник» разрабатывают для Минобороны РФ// Телеканал «Звезда». 24.12.2019. URL: https://tvzvezda.ru/news/201912241854-m8g7e.html (дата обращения: 25.04.2021).

[9] Цитаты известных личностей. URL: https://ru.citaty.net/tsitaty/480140-gai-iulii-tsezar-khochesh-mira-gotovsia-k-voine-pripisyvaetsia-rims/ (дата обращения: 20.04.2021).

Борьба за ментальность — тренд современной войны

Полковник М.О. МАРИЧЕВ

Полковник И.Г. ЛОБАНОВ, доктор политических наук

Полковник Е.А. ТАРАСОВ

АННОТАЦИЯ

Проанализирован один из основных трендов современных войн — борьба за ментальность. Переформатирование сознания широких общественных масс и навязывание чужих сущностных установок становится одним из важнейших условий достижения победы в современной войне. Информационная сфера приобретает первостепенное значение для воздействия на менталитет населения неподконтрольных государств в интересах достижения военных целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ментальность, геополитическое противоборство, информационное воздействие, информационная сфера, информационно-психологическое воздействие, информационно-техническое воздействие, духовно-нравственное и патриотическое воспитание.

ABSTRACT

The paper analyzes a major trend in contemporary warfare, i.e., struggle for the mindset. Reformatting the consciousness of the general public and imposing alien essential guidelines is becoming a most important condition of achieving victory in contemporary warfare. The information sphere is assuming paramount significance for affecting the public mindset in states outside control in the interests of attaining war goals.

KEYWORDS

Mindset, geopolitical confrontation, information impact, information sphere, information-psychological effect, information-technical impact, spiritual, moral and patriotic upbringing.

В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ условиях современности и в обозримой перспективе попытки достижения поставленных целей через ведение военных действий останутся объективной реальностью. Современные войны будут характеризоваться широкомасштабным использованием информационных и других инновационных технологий в условиях глобального расширения пространственных рамок их применения.

В XXI веке информационная сфера стала главной ареной отработки передовых технологий для тотального воздействия на сознание людей и совершенствования приемов и способов влияния на менталитет населения противника как одного из **важнейших факторов победы в реальной войне**. В современном толковом словаре «ментальность» является сино-

нимом термина «менталитет» (от лат. *mentalite* — умственный) и расшифровывается как «определенный образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе, народу».

В концептуальных документах Российской Федерации сущностному содержанию менталитета придается важное значение. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) определено, что государство в целях защиты своих национальных интересов проводит политику, в которой основным направлением является «признание первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей, обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости… создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику… проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации, сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации»[1].

В Военной доктрине РФ, утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 года № Пр-2976, официально признано одной из основных внешних и внутренних угроз «информационное воздействие на население с целью подрыва исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества, а также разжигание межнациональной и межрелигиозной розни»[2].

Исходя из краткого анализа гуманитарных аспектов Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины Российской Федерации можно предположить, что **борьба за ментальность** является одним из новейших трендов современной войны. Именно понятие «ментальность» включает в свое содержание морально-нравственные ценности народа, набор психологических и поведенческих реакций людей, особенности их адаптации, воспитания, отношения к религии и культуре.

В современном глобальном противостоянии наций, государств и транснациональных корпораций борьба за ментальность становится основным средством достижения целей военных конфликтов. По своей сути переформатирование сознания широких общественных масс и навязывание чуждых им мировоззренческих установок стало ведущим трендом достижения победы в современной войне. На эту тенденцию обратил внимание начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал армии В.В. Герасимов, который говорил: «В современных конфликтах все чаще акцент используемых методов борьбы смещается в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других мер, реализуемых с опорой на военную силу».

Роль и место борьбы за ментальность предопределены прежде всего тем, что военно-политические цели

в современной войне достигаются за счет превентивного подрыва экономического и информационного потенциалов противоборствующей стороны с применением на всех этапах противоборства необходимого и достаточного уровня военной силы. Стремление захватить и удержать чужие территории сменилось намерением контролировать критически важные инфраструктуры государств через подконтрольные правительства, создаваемые зачастую параллельно с действующей властью — как это происходило в Венесуэле, как это осуществляется на Украине и ряде других государств. В современных условиях широкое использование информационных технологий в тесном сочетании с другими невоенными средствами рассматривается как эффективный инструментарий для создания и манипулирования протестным потенциалом населения. Менталитет населения разрушается путем дестабилизации внутриполитической обстановки в государстве. С этой целью активно задействуются все деструктивные силы, в том числе «пятая колонна» и другие негосударственные организации. Характерно, что при этом меры военного характера последовательно реализовывались в скрытой форме в виде непрямых или асимметричных действий «чужими руками» (Ирак, Афганистан, Ливия и Сирия).

В этих условиях необходимо эффективно бороться с неявным противником в условиях неопределенности и применения им несиловых способов воздействия на менталитет российского народа, уметь нивелировать сильные стороны «высокотехнологичного» противника. В борьбе за ментальность невоенный инструментарий по сравнению с военным становится более эффективным. Исторически сложившаяся система духовно-нравственных ценностей разрушается, распадается «связь времен», изменяется менталитет как средство национального самосознания, мировоззрения и миропонимания, зафиксированных в категориях и формах родного языка. Методы борьбы за ментальность превратились в уникальные комбинации способов запугивания, шантажа, принуждения и комплексного давления. Они стали более агрессивными, приобрели характер «гибридных» угроз, зачастую определяют и в значительной мере обеспечивают достижение политических целей и стратегических результатов.

Борьба за ментальность в обозримой перспективе будет неуклонно приобретать характер одной из важнейших тенденций геополитического противоборства. При этом действенным фактором формирования нужной (требуемой) реальности все чаще будет становиться глобальное, а зачастую и агрессивное, применение новых информационных технологий.

Борьба за ментальность фактически велась на протяжении всей истории цивилизации. Однако в современных условиях, на фоне расцвета информационных технологий, изменение менталитета человеческой

Роль и место борьбы за ментальность предопределены прежде всего тем, что военно-политические цели в современной войне достигаются за счет превентивного подрыва экономического и информационного потенциалов противоборствующей стороны с применением на всех этапах противоборства необходимого и достаточного уровня военной силы. Стремление захватить и удержать чужие территории сменилось намерением контролировать критически важные инфраструктуры государств через подконтрольные правительства, создаваемые зачастую параллельно с действующей властью.

личности и ее культурной идентификации, разрушение национальных исторических ценностей общества и государства приобретают особую интенсивность и масштаб.

Вопросы вредоносного использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в борьбе за ментальность являются самыми сложными в процессе международного обсуждения. Опыт информационных операций, проведенных западными странами в отношении стран Ближнего Востока, Северной Африки и некоторых государств постсоветского пространства, свидетельствует, что в их результате создается мощный деструктивный эффект, изменяющий менталитет целых народов. Такие методы постоянно совершенствуются, разрабатываются новые ИКТ-вооружения с целью вмешательства во внутренние дела государства и вредоносного воздействия на объекты критически важной информационной инфраструктуры.

Информационное воздействие медленно, изнутри, «подтачивает» менталитет личности и народа в целом. Полем битвы становится ментальная сфера, самосознание народа, его национальная и культурная идентичность. Первым шагом в этом направлении является дискредитация, а затем и уничтожение традиционных ценностей нации, причем для того, чтобы внешняя информационная агрессия воспринималась массовым сознанием безболезненно, эти действия представляются как движение по пути прогресса.

Опыт информационных операций, проведенных западными странами в отношении стран Ближнего Востока, Северной Африки и некоторых государств постсоветского пространства, свидетельствует, что в их результате создается мощный деструктивный эффект, изменяющий менталитет целых народов. Такие методы постоянно совершенствуются, разрабатываются новые ИКТ-вооружения с целью вмешательства во внутренние дела государства и вредоносного воздействия на объекты критически важной информационной инфраструктуры.

Следовательно, борьба за ментальность в современной войне направлена на достижение ***основных целей***:

- уничтожение у населения способности к пониманию места и роли своей страны и ее национальной стратегии с целью выработки в последующем полного безразличия к судьбе государства и народа, ухода в потребительский образ жизни;
- разрушение механизмов традиционной самоидентификации населения и замещение их новыми идентификационными суррогатами посредством вовлечения людей в различные «группы участия и поддержки», формируемых социальными сетями и СМИ;
- понижение общего интеллектуального уровня населения путем формирования «клипового мышления», не подразумевающего критическое отношение к представляемой информации;
- внедрение в общественное сознание новой специально сконструированной матрицы ценностей и норм общественного и личного поведения как единственно возможных моделей поведения. Это ведет к уничтожению родовой, культурной и исторической памяти людей, а также к психотизации и невротизации общества, которое превращается в толпу, легко поддающуюся внешнему управлению со стороны политтехнологов, как «охранителей», так и творцов «управляемого хаоса» и «цветных революций»;

• вымывание из информационного пространства сознания человека вопросов, требующих вдумчивого и неторопливого осмысливания событий для формирования устойчивого личностного знания.

Меры комплексного информационного воздействия на менталитет населения приобретают первостепенное значение в интересах создания наиболее благоприятных условий для достижения военных целей. Следовательно, направленность развития противоборства в ментальной области будет проявляться не столько в техническом плане, сколько в совершенствовании психологического (ментального) воздействия, направленного на изменение сознания (менталитета) населения страны-соперницы.

Тенденция к распространению подобных взглядов возникла, в частности, с появлением современных ИКТ, позволяющих оказывать воздействие на огромную аудиторию в относительно короткие сроки и без значительных экономических затрат. При этом оценка ущерба и выработка мер противодействия существенно затруднены из-за «неосязаемости» ИКТ, сложности выявления источника атаки, возможности действовать под «чужим флагом», широкого спектра субъектов, применяющих вредоносные технологии: государственных и негосударственных акторов, а также хакеров-одиночек. Все это повышает уровень неопределенности и нестабильности.

В настоящее время применяются следующие **приемы в борьбе за ментальность**[3]:

• сокрытие критически важной информации о положении дел в различных областях жизни социума;

• погружение ценной информации в массив «информационного мусора» в соответствии с принципом «спрятать лист в лесу»;

• подмена понятий или искажение их смысла;

• отвлечение внимания на малозначимые события;

• применение понятий, постоянно используемых в медиа-пространстве, смысл которых претерпел качественные изменения;

• подача аудитории негативной информации, которая лучше воспринимается по сравнению с позитивными новостями;

• обсуждение событий, не имеющих реальной общественной ценности, использование результатов некорректно проведенных социологических исследований для создания искаженного представления о ситуации в обществе;

• введение запретов на определенные виды информации и разделы новостей с целью недопущения широкого общественного обсуждения критичных для определенных властных структур вопросов и тем;

• откровенная ложь с целью дезинформации населения своей страны и зарубежной общественности.

Проведя краткий, в рамках данной статьи, анализ целей, задач и методов (приемов) ведения борьбы за ментальность в современной войне, можно обобщить этот процесс, назвав его «разрушение национально ориентированной ментальности» с целью уничтожения традиционных структур сознания, а также искажения менталитета личности, разрушения традиционных духовно-нравственных исторически сложившихся культурных национальных ценностей.

Геополитические проекты борьбы за ментальность рассчитаны на длительный срок, измеряющийся десятилетиями и столетиями. Уничтожение древних и древнейших артефактов, в том числе письменных источников, имеет, как представляется, своей главной целью «стирание» исторической памяти народов и народностей, после чего на «чистом листе» можно будет написать любую другую исто-

рию и создать требуемую самоидентификацию. Это свидетельствует о глобальном формате борьбы за ментальность, составной частью которой является «археологическая война» как целенаправленная ликвидация материальной памяти человечества.

Настоящими вандалами показали себя «прославленные» американские военнослужащие при захвате Багдада в 2003 году. Независимые японские военные корреспонденты были просто поражены, увидев солдат и офицеров ВС США, грабивших музеи и выносивших из зданий груды золотых артефактов на санитарных носилках. Само собой разумеется, опубликовать такое о союзниках в любой газете они не могли, поэтому рассказывали устно с демонстрацией фотоматериалов.

Радикалы «Исламского государства Ирака и Леванта» (террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации) уничтожали монастыри и музеи Сирии. В Афганистане боевики «Исламского движения Талибан» взорвали древнейшие буддийские статуи Бамиана в процессе борьбы «с идолами». В Мали радикалами были полностью уничтожены 16 мавзолеев и более 4 тыс. древних манускриптов[4].

В ходе вооруженных конфликтов современности всегда происходит уничтожение христианских храмов и святынь. Список можно множить на несколько страниц. Электронное издание «Pravda.ru» утверждает: «Уничтожение памятников мировой истории и культуры сегодня стало скорее нормой, чем каким-то из ряда вон выходящим событием»[5].

Искажение истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом также стало важной и неотъемлемой частью глобальной борьбы за ментальность, а именно борьбы с православно-славянской цивилизацией (термин С. Хантингтона) как мировоззренческой базой развития России, государствообразующей цивилизационной составляющей Российской Федерации.

По нашему мнению, в ментальном аспекте переписывание истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны, замалчивание или искажение реальной роли СССР в Победе над нацистской Германией и милитаристской Японией имеет целью навязать массовому сознанию восприятие российской общности только через негативные характеристики: агрессивность, аморальность, авторитарность мышления и деятельности, цивилизационная неконкурентоспособность[6].

Западный мир все агрессивнее проводит политику по лишению русской нации статуса великого народа, внесшего значительный вклад в прогрессивное развитие человечества. Исходя из этого навязывается убеждение, что русский народ должен «слушать избранных», т. е. подчиняться «истин-

Геополитические проекты борьбы за ментальность рассчитаны на длительный срок, измеряющийся десятилетиями и столетиями. Уничтожение древних и древнейших артефактов, в том числе письменных источников, имеет, как представляется, своей главной целью «стирание» исторической памяти народов и народностей, после чего на «чистом листе» можно будет написать любую другую историю и создать требуемую самоидентификацию. Это свидетельствует о глобальном формате борьбы за ментальность, составной частью которой является «археологическая война» как целенаправленная ликвидация материальной памяти человечества.

но великим» европейским народам, носителям единственно правильных западных ценностей. Россия должна полностью отказаться от устаревших принципов православия и коллективизма и заложить в основу своего цивилизационного развития либеральное мировоззрение.

Ярким примером борьбы против ментальности русского народа служит целенаправленное разжигание ненависти к России в США, странах Европы и на Украине. Ее наиважнейшей целью является создание не только препятствий к возвращению России в число ведущих государств мира, но и информационно-идеологической основы для осуществления «горячей» войны против Российской Федерации в ближайшем историческом будущем.

В основе такого радикального русофобского стремления западных идеологов к разрушению ментальности народов России и их самосознания принадлежности к истинно великой державе лежит признание духовно-нравственного превосходства россиян над теряющим свои культурно-ценностные и моральные ориентиры населением ведущих стран Запада. Независимые эксперты в США и государствах НАТО неизменно в специализированных отчетах обращают внимание командования своих вооруженных сил на **один из главнейших факторов побед русского оружия** на всем протяжении истории России — особую ментальность русского воина независимо от его национальности. В первую очередь указывается на понимание значения Родины и готовность к самопожертвованию, храбрость, высокую духовность и нравственную целостность, а также способность на великодушное отношение к врагам. В качестве наглядных примеров они приводят: в Великую Отечественную войну — подвиги Н. Гастелло и А. Матросова; в Афганистане — Н. Чепика и В. Головко; в ходе чеченской кампании — Ю. Родионова; в Сирии — Р. Филиппова.

Одним из значимых информационных поводов **по укреплению нашего менталитета** должны стать памятные мероприятия, посвященные 80-летней годовщине начала Великой Отечественной войны. В их ходе наряду с упоминанием примеров массового героизма советских воинов в первые дни войны, стойкости всего народа, отдававшего все для фронта и пережившего тяжелейшие испытания в тылу, необходимо обязательно упомянуть последующие послевоенные годы и великие свершения советского народа: восстановление экономического потенциала, поднятие целины, освоение космоса и др. Немало примеров высокой ментальности народов России наглядно демонстрирует и ее новейшая история, и в своей совокупности они служат фактором укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей без которых нельзя рассчитывать на победу в любой кризисной ситуации.

Анализ глобальных ИКТ-угроз менталитету русского народа приводит к выводу о целесообразности создания системы сдерживания применения информационного оружия и, как следствие, предотвращения глобальной информационной войны. Исходя из того что методы с использованием современных ИКТ превращаются в важный элемент военного потенциала государств, дополняющий, а иногда и заменяющий обычные военные средства, а новые технологии могут стать детонатором развязывания межгосударственного военного конфликта, одной из важнейших функций государства в процессе построения системы, основанной на концепции сдерживания, становится обретение и укрепление информационного суверенитета.

Одним из значимых информационных поводов по укреплению нашего менталитета должны стать памятные мероприятия, посвященные 80-летней годовщине начала Великой Отечественной войны. В их ходе наряду с упоминанием примеров массового героизма советских воинов в первые дни войны, стойкости всего народа, отдававшего все для фронта и пережившего тяжелейшие испытания в тылу, необходимо обязательно упомянуть последующие послевоенные годы и великие свершения советского народа: восстановление экономического потенциала, поднятие целины, освоение космоса и др.

Ни одно государство в мире не обладает сегодня полнотой информационного суверенитета, но его уровень в разных странах различный. Для России необходимость совершенствования законодательного и технологического обеспечения независимости государства в информационном пространстве является сегодня стратегической целью.

Таким образом, борьба за ментальность, как тренд современной войны, направлена на переформатирование этнической и национальной самоидентификации народов. Переписывание мировой истории суверенных государств с «чистого листа», с заменой при этом хронологической глубины и реального наполнения национальной и мировой истории, что является обязательным условием будущих побед.

Успех в борьбе за ментальность русского народа не может быть достигнут без завоевания информационного превосходства над противником. Преимущество над противоборствующей стороной в информационной сфере обеспечивает благоприятные условия для эффективного решения задач Вооруженными Силами Российской Федерации. Особая роль в завоевании превосходства в ментальном плане заключается в воспитании духа патриотизма, верности долгу защиты Отечества у всего российского народа.

В ситуации, если борьба за ментальность будет проиграна, «есть вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии, чреватым борьбой всех против всех, с попытками разрешить назревшие противоречия через поиск “внутренних” и “внешних” врагов, с разрушением не только таких традиционных ценностей (мы в России дорожим этим), как семья, но и базовых свобод, включая право выбора и неприкосновенность частной жизни» (из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на форуме в Давосе 27 января 2021 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Гарант.ру [сайт]. URL: http://base.garant.ru/71296054/ (дата обращения: 23.01.2021).

[2] Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 25 декабря 2014 года № Пр-2976. URL: http://kremlin.ru/ events/president/news/47334/ (дата обращения: 21.01.2021).

[3] *Корякин В.В.* Наступила эпоха следующего поколения войн — информационно-сетевых. URL: http://nvo.ng.ru/ concepts/ 2011-04-22/1_new_wars.html (дата обращения: 23.01.2021).

[4] Опыт ведения борьбы в информационной сфере вооруженными силами во второй половине XX — начале XXI века. Военно-исторический труд. М.: ВАГШ ВС РФ, 2020.

[5] Там же.

[6] Там же.

Господство на море: завоевать и удержать

Контр-адмирал И.Я. ПЕТРЕНКО,
доктор военных наук

Капитан 1 ранга А.А. КОРЯКОВЦЕВ,
кандидат исторических наук

АННОТАЦИЯ

Рассматривается одна из важнейших категорий военного искусства — «господство на море», проблемы его завоевания и удержания в современных условиях ведения вооруженной борьбы на море. При разработке статьи учитывались результаты научных работ военно-морских теоретиков, руководителей отечественного ВМФ, а также положения руководящих документов по подготовке и ведению военных действий Вооруженными Силами Российской Федерации.

ABSTRACT

The paper examines a major category of military art, supremacy at sea, and the issues of winning and holding the latter in contemporary conditions of waging armed struggle at sea. When working on the paper, the authors took into consideration the results of research works by naval theorists, leaders of the domestic Navy, and also provisions in guiding documents on preparing and conducting combat actions by the Armed Forces of the Russian Federation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Господство на море, оперативный режим, военная стратегия, морская стратегия, военно-морское искусство, военная наука, военно-морская наука, стратегическая операция на океанском театре военных действий.

KEYWORDS

Dominance at sea, operational procedure, military strategy, naval strategy, naval art, military science, naval science, strategic operation on ocean theater of war.

В КОНЦЕ 2020 года США была разработана новая стратегия деятельности военно-морских сил страны «Преимущество на море: господство путем межведомственной интеграции военно-морских сил».

Содержание данного документа свидетельствует о том, что в США по-прежнему очень трепетно относятся к важнейшему принципу военно-морской стратегии США «господству на море», основанному еще в конце XIX века. Завоевание и удержание господства на море для отечественного ВМФ в современных условиях является сложной и актуальной научной проблемой. Оперативные возможности ВМФ позволяют организовать применение сил в удаленных районах Мирового океана, что является одним из главных факторов, обеспечивающих возможность завоевания превосходства над противником в будущей войне.

Этими обстоятельствами и определяется актуальность данной статьи.

В отечественном военно-морском искусстве теоретические ис-

Н.Л. Кладо

следования, связанные с категорией «господство на море», проводились неравномерно.

В начале XX века разработкой теоретических основ морской стратегии занимался профессор Николаевской Морской академии Н.Л. Кладо. Он предложил методологию разработки плана войны, уделив при этом большое внимание военному флоту: «Непосредственное назначение морской силы по объекту — сломить морскую силу противника и посредством этого или защитить воды, омывающие берега государства, от покушения на завладение ими со стороны неприятельской морской силы, или завладеть водами, омывающими берега противника»[1].

Н.Л. Кладо отмечал, что с овладением морем можно не только обеспечить свои берега от вторжения противника и создать благоприятные условия для вторжения со стороны моря на территорию неприятеля, но и обеспечить возможность сообщения во время войны со всем миром, со всеми государствами — союзными и нейтральными, а также препятствовать морским перевозкам противника. Он показал органическую связь флота и армии: «...Флот дает армии свободу действий, и именно отсутствие флота обессиливает армию»[2].

В дальнейшем вопросы господства на море развил в своих трудах один из учеников Н.Л. Кладо профессор Б.Б. Жерве. Опираясь на исторический опыт, он обосновал идею морской войны как борьбу за овладение морем. К «абсолютному владению морем», по мнению Б.Б. Жерве, относилась такая обстановка на морском театре, когда противник полностью лишен возможности пользоваться морскими сообщениями. Б.Б. Жерве установил две степени владения морем — «спорное» и «условное». По его мнению, спорное владение морем продолжалось до тех пор, пока не были уничтожены морские силы противника. При условном владении морем неприятельский флот находился заблокированным в базе, но был еще способен вести малую войну, наносил удары для ослабления блокирующих сил флота противника и продолжал борьбу за море, владение которым оказывалось спорным[3].

В начале 1930-х годов в связи с гонениями, которым подвергались сторонники «буржуазных учений», советские теоретики отказались от многих категорий военно-морского искусства. Такие категории, как «война на море», «морская стратегия», «господство на море» и ряд других, были исключены из употребления, а теоретические исследования в области военно-морского искусства практически прекратились.

В годы Великой Отечественной войны вопрос о завоевании господства на море в теории не рассматривался. В Наставлении по ведению морских операций (НМО-40), с которым отечественный ВМФ вступил в Великую Отечественную войну, действия по созданию «необходимой обстановки для успешного проведения своих операций» классифицировались как

«установление наиболее благоприятного и устойчивого оперативного режима в районах базирования и на важнейших коммуникациях».

Смысл достижения господства на море стал заключаться в том, чтобы, тщательно наблюдая за изменениями в обстановке и используя каждую открывающуюся возможность, наши силы создавали благоприятную (выгодную) обстановку для ведения боевых действий и решения очередной оперативной (стратегической) задачи. Таким образом, господство на море стало считаться средством достижения поставленных целей и задач.

Для завоевания господства на море рекомендовались: уничтожение сил флота противника в определенном районе театра, овладение отдельными опорными пунктами базирования или их разрушение, а также всемерное стеснение свободы действий сил вражеского флота и обеспечение оперативной свободы действий своих сил. Дальнейшее рассмотрение категории «господство на море» военно-морскими теоретиками привело к выводу, что ее можно рассматривать как условие, обеспечивающее успешное решение силами флота своих задач в операции, поэтому «господства на море» надо добиваться проведением заранее спланированных и строго согласованных действий и мероприятий оперативного и тактического характера.

Итогом исследования этого вопроса явилось официальное признание в Наставлении по ведению морских операций (НМО-51) необходимости завоевания господства на море как меры, обеспечивающей достижение целей морских операций. Высшей категорией господства на море признавалось стратегическое господство, смыслом которого являлось «такое благоприятное для нас положение (соотношение сил, их базирование и оборудование театра и пр.), когда противник не в состоянии сорвать своими действиями достижение целей проводимых нами операций»[4].

Однако достижение стратегического господства на море в таком плане, как это представлялось, было нереальной задачей ни для одного из флотов, располагавших в то время весьма ограниченными возможностями в достижении этой цели.

Признавалось правомерным и оперативное господство на море, под которым понималось превосходство в силах над противником на направлении главного удара, достигаемое с помощью решительного маневра силами как на подготовительном этапе операции, так и в ходе ее проведения в сочетании с умелым использованием физико-географических особенностей морского театра и его оперативного оборудования. При этом предусматривалось, что господство на море во всех случаях включает и господство в воздухе. Этими положениями наши флоты руководствовались вплоть до конца 1950-х годов. В проекте Наставления по ведению морских операций (НМО-57) сохранилась такая категория военно-морского искусства, как «стратегическое господство на море» под которой стали понимать создание мощного флота, развитие системы базирования и оборудование ТВД, уничтожение важных группировок надводных кораблей, подводных лодок и авиации противника, лишение противника баз и затруднение маневра его сил с одного театра на другой. При отсутствии стратегического господства на море важным условием для проведения успешных операций считали создание превосходства в силах на главном направлении или в районе главного удара.

Затем внимание к этой категории постепенно ослабло, поскольку достижение господства на море в ядерной войне считалось нераци-

С.Г. Горшков

ональным, и лишь к 1970 году военными учеными была признана необходимость продолжать исследования в этой области. Следует отметить важную роль в активизации этих исследований главнокомандующего ВМФ СССР Адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова, который справедливо отмечал: «Такая категория военно-морского искусства, как завоевание господства на море, продолжает сохранять актуальность, поэтому разработка ее во всех аспектах применительно к настоящему времени составляет одну из важнейших задач военно-морской науки»[5]. С 1970 года Тихоокеанский, Балтийский и Черноморский флоты начали отработку способов завоевания господства в своих операционных зонах в системе оперативной подготовки. Считалось, что наличие современных средств вооруженной борьбы в рассматриваемый исторический период позволяло достичь целей завоевания господства, что, в свою очередь, сразу же с началом войны должно было оказать существенное влияние на ход вооруженной борьбы не только на море, но и на приморских направлениях.

К середине 1980-х годов ВМФ СССР стал океанским, ракетно-ядерным и достиг максимальной степени своего могущества, в этот период в систему стратегических действий ВС СССР была включена стратегическая операция на океанском ТВД, проводимая при решающей роли ВМФ под руководством главнокомандующего ВМФ, а категория «господство на море» вошла в основные руководящие документы по применению объединений и группировок сил и войск ВМФ.

Господство на море — одно из важных понятий современной стратегии и оперативного искусства. Однако в настоящее время теория этого вопроса разработана недостаточно.

Сегодня понятие «господство на море», упоминаемое в энциклопедиях и словарях имеет две основные трактовки. Первая из них — это «решающее превосходство одной из воюющих сторон над другой на морском (океанском) ТВД или в отдельном его районе (зоне), которое обеспечивает ей благоприятные условия для успешного выполнения боевых задач.

Представляется, что господство на море — это не механическое превосходство, а создание командующими (командирами) обстановки, которая не гарантирует, но представляет высокие шансы выполнить поставленные задачи, несмотря на противодействие противника. Такую обстановку необходимо создать своими искусными, грамотными действиями, а затем надо не менее искусными действиями выполнить поставленные задачи.

Другая трактовка, которой придерживаются авторы, подразумевает, что господство на море — это созданная активными действиями противоборствующих сторон в определенной океанской зоне (морском районе) обстановка, при которой одна из них лишена возможности вести военные

действия, а силы противоположной стороны надежно (гарантированно) обеспечивают боевую устойчивость всех своих группировок сил и войск, системы управления, базирования и всех видов обеспечения, а также защиту всех видов морской экономической деятельности.

Анализ опыта ведения военных действий на море дает возможность классифицировать категорию «господство на море». По масштабу оно может быть стратегическим или оперативным. Стратегическое господство достигается в том случае, когда одна сторона имеет возможность решать стоящие перед ней стратегические и оперативные задачи в пределах всей океанской зоны в течение необходимого для их решения времени.

В настоящее время завоевание стратегического господства для нас является проблематичным, поскольку соотношение сил сложилось в пользу противника во всех операционных зонах флотов. Но завоевание стратегического господства проблематично также и для противника, поскольку с появлением высокоточного и гиперзвукового оружия большой дальности, которыми оснащаются силы ВМФ России, возникает существенная угроза поражения его крупных группировок ВМС.

Оперативное господство позволяет решать стоящие перед господствующей стороной оперативные и оперативно-тактические задачи в пределах операционных зон флотов в течение времени, необходимого для их решения.

Встречающееся в литературе понятие «тактическое господство на море», на наш взгляд, некорректно, поскольку боевые действия тактического уровня, как правило, ведутся в рамках оперативного господства на море или в рамках благоприятного оперативного режима.

Господство на море всегда завоевывается на определенное время, в отдельных случаях оно может быть продолжительным и удерживаться на все время проведения операции флота (флотилии разнородных сил), особенно в прибрежных районах на глубину до 200 км и более.

Еще одним примером продолжительного господства на море может быть господство на море в зоне установления морской блокады.

Господство на море в назначенной океанской зоне (районе) подразумевает одновременно господство в информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, над водой и под водой, это значит, что для завоевания господства на море необходимо привлекать разнородные силы флота и дальнюю авиацию ВКС, силы и средства стратегической и оперативной разведки, средства РЭБ. Оно также подразумевает высокую эффективность всех видов обеспечения, особенно в области освещения обстановки и целеуказания, а также в системе управления.

В данной связи возникает объективная необходимость иметь на флотах свою морскую ракетоносную авиацию, беспилотные летательные аппараты и морские робототехнические комплексы, средства оперативной разведки и освещения обстановки.

В современных условиях господство на море в океанской зоне или в оперативно важном районе и на подходах к нему может быть завоевано путем уничтожения основных (наиболее важных) группировок ВМС противника, нарушением его системы управления и воспрещением ввода группировок ВМС противника в зону (район) завоеванного господства.

Завоевание господства в прибрежной зоне осуществляется в рамках решения задач операции флотилии разнородных сил во взаимодействии с армиями ВВС и ПВО, а в океанских

Н.Л. Кладо отмечал, что с овладением морем можно не только обеспечить свои берега от вторжения противника и создать благоприятные условия для вторжения со стороны моря на территорию неприятеля, но и обеспечить возможность сообщения во время войны со всем миром, со всеми государствами — союзными и нейтральными, а также препятствовать морским перевозкам противника.

зонах (морских районах) — при ведении операции флота.

В ходе проведения стратегической операции на Арктическом ТВД господство на море может достигаться одновременно в ближней и дальней морских зонах. При этом господство в дальней морской зоне может быть завоевано только при поддержке дальней авиации, с привлечением средств освещения обстановки и РЭБ Генерального штаба ВС РФ.

В перспективе с появлением новых образцов ВВТ господство на море может завоевываться в удаленных районах Океана за пределами операционных зон флотов в ходе проведения операции межфлотской группировки под непосредственным управлением главнокомандующего ВМФ.

При обнаружении противника в районе господства оно считается утраченным или прерванным до уничтожения или вытеснения сил противоборствующей стороны за его пределы на дальность применения противником своего оружия.

Господство на море может выступать как одна из целей операции флота, операции флотилии разнородных сил, морской (воздушно-морской) десантной операции.

Одним из главных принципов завоевания господства является принцип упреждения противника в ходе оперативного развертывания и овладение инициативой. В современных условиях он может быть реализован только путем создания и постоянного присутствия оперативных соединений разнородных сил в оперативно важных районах Мирового океана (аналогично 5 и 8 ОпЭск в Средиземном море и Индийском океане соответственно в советское время).

Одной из важных проблем является проблема удержания завоеванного господства на море. Бессмысленно завоевывать господство, если нет сил его удерживать.

Группировки сил и войск для завоевания господства и для его удержания по своему составу, потенциалу и построению должны быть разными, причем последняя, как правило, сильнее первой, так как для контроля за районом господства необходимы непрерывные, высокоэффективные и динамичные поисково-ударные действия.

Современное высокоточное и гиперзвуковое оружие большой дальности позволяет по-новому взглянуть на проблему удержания господства на море, когда зона господства перекрывается оружием большой дальности, а носители рассредоточены и находятся вне зоны досягаемости оружия противника (рис. 1).

В операционных зонах Балтийского и Черноморского флотов такими носителями могут быть современные и перспективные береговые ракетные комплексы и ракетные комплексы дальнего минирования.

Для завоевания и удержания господства на море необходимо в ближайшей перспективе рассматривать возможность применения баллистического неядерного высокоточного оружия. Такие подходы уже реализованы в ВМС Китая (рис. 2).

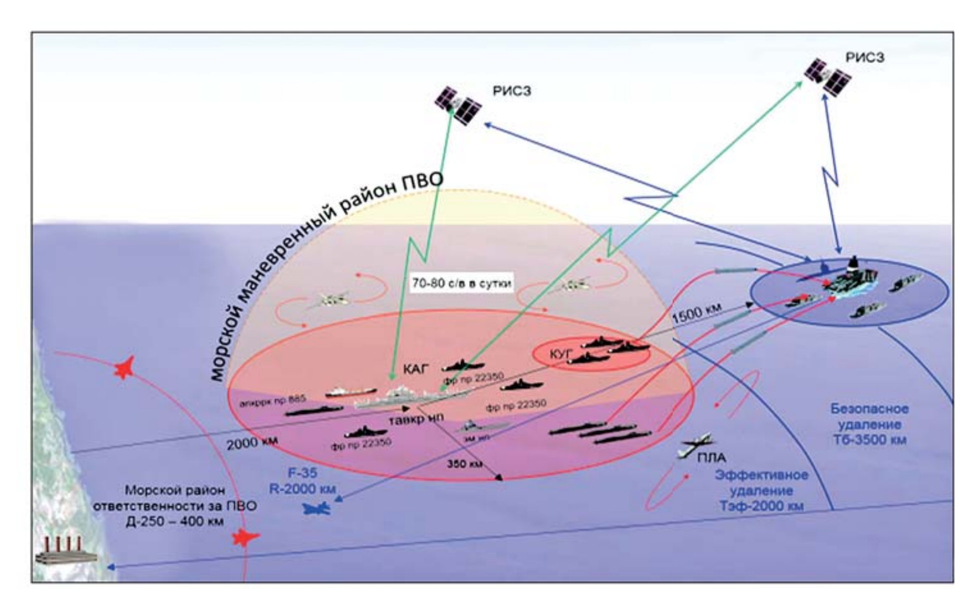

Рис. 1. Удержание господства в районе с применением ВТО БД

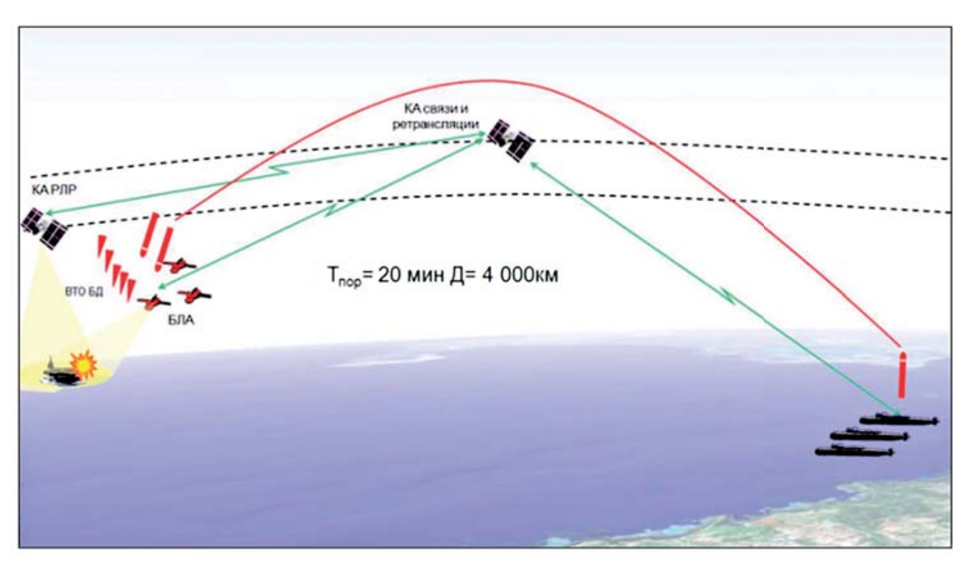

Рис. 2. Завоевание и удержание господства на море с применением баллистического неядерного высокоточного оружия

С 1970 года Тихоокеанский, Балтийский и Черноморский флоты начали отработку способов завоевания господства в своих операционных зонах в системе оперативной подготовки. Считалось, что наличие современных средств вооруженной борьбы в рассматриваемый исторический период позволяло достичь целей завоевания господства, что, в свою очередь, сразу же с началом войны должно было оказать существенное влияние на ход вооруженной борьбы не только на море, но и на приморских направлениях.

Для того чтобы не допустить полного господства противника на море, достаточно со стороны противоборствующей стороны иметь господство хотя бы в одной из сред.

Например, АУГ имеет господство над водой и в воздухе, а мы имеем господство под водой, значит, у противника нет полного господства и он не способен выполнить свои задачи.

В заключение целесообразно отметить следующее.

В условиях современной вооруженной борьбы для завоевания и удержания господства на море возникает объективная необходимость в упреждении противника и применении высокотехнологичных средств вооруженной борьбы различного базирования, и ведении активного информационного и идеологического противоборства.

В основе возможностей государства по завоеванию и удержанию господства на море должна лежать соответствующая военно-морская политика, опирающаяся на динамично развивающуюся экономику, на будущие интересы государства в Мировом океане, на строительство и содержание мощного Военно-Морского Флота.

Необходимость завоевания и удержания господства на море является актуальной в настоящее время и имеет перспективу повышения своей значимости в дальнейшем, как одного из важнейших факторов, обеспечивающих победу в войне. В нынешних условиях важную роль в повышении эффективности выполнении задач по завоеванию оперативного господства в море будет играть заблаговременное создание зон (районов) ограничения (воспрещения) доступа.

Завоевание стратегического господства проблематично также и для противника, поскольку с появлением высокоточного и гиперзвукового оружия большой дальности, которыми оснащаются силы ВМФ России, возникает существенная угроза поражения его крупных группировок ВМС.

В связи с развитием средств ВВТ и в первую очередь высокоточного и гиперзвукового ракетного оружия, а также авиации различного предназначения борьба за господство на море во многом будет зависеть от господства в воздухе (в космосе). Господство на море может остаться недостижимым для России (одновременно реальным для наших потенциальных морских противников), если оно не будет четко сформулировано в рамках реальной морской, внешней и внутренней политики нашего государства, если не будет обеспечена своевременная разработка и создание систем, по своим возможностям достаточным для ведения борьбы как за завоевание, так и удержание господства в конкретных жизненно важных для государства районах Мирового океана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кладо Н.Л.* Основы современного военно-морского дела. СПб.: Издание общества ревнителей военных знаний, 1901. С. 157.

[2] Там же. С. 159.

[3] *Жерве Б.Б.* Значение морской силы для государства. 3-е изд. Л., 1925. С. 12, 13.

[4] Наставление по ведению морских операций (НМО-51): проект. М., 1951. С. 6.

[5] *Горшков С.Г.* Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1979. С. 346.

Способы применения беспилотных летательных аппаратов радиотехнической разведки в ходе ведения боевых действий в тактической зоне

Полковник в отставке Ю.Е. ДОНСКОВ,
доктор военных наук

Полковник А.В. БОГОСЛОВСКИЙ,
кандидат технических наук

Полковник Д.С. МАТВЕЕВ,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены особенности современных боевых действий в тактической зоне, место и роль в них радиотехнической разведки (РТР), способы боевого применения беспилотных летательных аппаратов радиотехнической разведки (БПЛА РТР), основные этапы полета и их особенности при ведении РТР.

ABSTRACT

The paper looks at the peculiarities of modern combat in tactical zones, the role and place of electronic intelligence collection (EIC) there, the methods of combat use of EIC unmanned aerial vehicles, the main flight stages and their distinctive features when conducting EIC.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Беспилотный летательный аппарат, боевые действия, тактическая зона, воздушная радиотехническая разведка, результаты боевого применения.

KEYWORDS

Unmanned aerial vehicle, combat actions, tactical zone, aerial electronic intelligence collection, results of combat employment.

СОВРЕМЕННЫЕ боевые действия в тактической зоне характеризуются высокой динамикой, обусловленной активным нанесением радиоэлектронных и огневых ударов, широким применением и действиями авиации, и, как следствие, успех в ней в значительной степени определяют средства воздушного нападения и полевой артиллерии.

Очевидно, что эффективность средств воздушного нападения во многом зависит от степени преодоления войсковой противовоздушной обороны (ПВО) противника. Важную роль в ее эффективности играют активные средства разведки и в первую очередь радиолокационные станции (РЛС) противника, которые необходимо заблаговременно вскрыть и уничтожить.

Успешное применение полевой артиллерии также зависит от точности определения координат объектов поражения. С этой целью противник создает разведывательно-огневые комплексы (РОК), включающие в свой состав артиллерийские дивизионы, РЛС разведки стреляющих орудий и минометов. Кроме того, РОК тесно взаимодействует с РЛС разведки движущихся целей.

В соответствии с изложенным важнейшей задачей при противодействии войсковой ПВО является своевременное вскрытие и уничтожение РЛС различного функционального назначения. Аналогично эффективность РОК напрямую зависит от работоспособности РЛС полевой артиллерии.

Данные радиоэлектронные средства являются первоочередными объектами для РТР, предназначением которой и служит вскрытие работающих РЛС войсковой ПВО и полевой артиллерии. Таким образом, РТР занимает по сути определяющее место в современных боевых действиях в тактической зоне и играет главную роль в их успешном исходе.

Поиск путей повышения эффективности ведения РТР в ходе ведения современных боевых действий в тактической зоне и определяет актуальность статьи. В качестве одного из путей повышения эффективности РТР авторами предлагается ее ведение на основе БПЛА, специально предназначенных для обнаружения и определения координат РЛС. При этом цель РТР состоит в повышении эффективности огневого поражения РЛС войсковой ПВО и полевой артиллерии средствами подразделений сухопутных войск за счет разработки соответствующих способов применения БПЛА РТР, непосредственно участвующих в процессе определения и уточнения местоположения изложенных выше объектов поражения противника.

В настоящее время роты РЭБ отдельных мотострелковых бригад (омсбр) оснащены БПЛА самолетного типа малой дальности «Орлан-10» со средствами визуальной разведки, которые барражируют в заданных позиционных районах при выполнении боевых задач. Однако на этапе анализа радиоэлектронной обстановки при ведении боевых действий в тактической зоне ими могут быть разведаны не более 60 % объектов, подлежащих огневому поражению. Это РЛС контроля воздушного пространства, РЛС обнаружения и сопровождения воздушных целей, РЛС радиолокационного поля, РЛС автоматизированной системы управления ПВО дивизии, РЛС наведения ракет зенитно-ракетных комплексов (ЗРК), РЛС целеуказания и управления оружием зенитно-артиллерийских комплексов (ЗАК) и самоходных зенитных установок (СЗУ)[1].

Известны следующие существующие способы ведения РТР:

• поиск цели в заданной исполнительной зоне;

• барражирование в исполнительной зоне;

• облет заданного рубежа в боевых порядках противника;

• выход в заданную точку на территории противника и ее облет;

• поиск цели в заданном угловом секторе;

• поиск цели на заданном маршруте полета.

Вместе с тем применение указанных выше способов, ориентированных главным образом на средства визуальной разведки, может приводить к значительному снижению точности оценки местоположения объектов поражения в результате аномальных ошибок, что способствует ухудшению эффективности огневого поражения соответствующих средств радиолокационной разведки противника.

Повышение боевой эффективности поражения средств радиолокации, как отмечено выше, связано с реализацией новых способов ведения РТР с бортов БПЛА, обеспечивающих высокоточную оценку угловых координат или местоположения РЛС в реальном масштабе времени.

Таким образом, имеется противоречие между необходимостью повышения эффективности огневого поражения РЛС войсковой ПВО и РЛС полевой артиллерии противника при ведении боевых действий в тактической зоне и отсутствием предложений по новым способам ведения РТР с применением БПЛА как дополнительному воздушному компоненту РТР.

Данное противоречие может быть разрешено за счет разработки новых способов применения БПЛА, улучшающих оперативность и точность определения координат источников радиоизлучения и их поражения.

Как известно, способы применения БПЛА РТР характеризуют следующими показателями:

- направлением сосредоточения основных усилий по РТР;
- порядком (последовательностью) применения средств РТР;
- боевым полетом БПЛА.

Направление сосредоточения основных усилий по разведке определяется оперативно-тактическими условиями выполнения боевой задачи, складывающейся обстановке в зоне действия БПЛА РТР и видом боевых действий в тактической зоне (наступление, оборона, встречный бой).

Порядок (последовательность) применения БПЛА РТР определяется типовыми объектами и способом разведки.

В ходе ведения боевых действий объединениями (соединениями) Сухопутных войск ВС РФ в тактической зоне основными объектами для БПЛА РТР являются[2]:

- РЛС радиолокационного поля системы *ACCS*;
- РЛС контроля воздушного пространства *HADR*;
- РЛС автоматизированной системы управления ПВО дивизии (РЛС обнаружения и автоматического распознавания целей *ATR*, трехкоординатная РЛС управления оружием с электронным сканированием и быстрым изменением формы луча *FLEXAR*, РЛС обнаружения и наблюдения за полем боя *TRMS*, РЛС обнаружения низколетящих целей *MPDR-45, -60, -90,-3002S*);
- РЛС ЗРК и ЗАК (импульсная доплеровская обзорная РЛС *MPDR-16*, двухканальная моноимпульсная РЛС сопровождения целей *Domino-30* ЗРК *Roland-2*, многофункциональная РЛС контроля воздушного пространства *AN/MPQ-53* ЗРК *Patriot*, импульсная РЛС целеуказания *AN/MPQ-50* ЗРК Improved Hawk, РЛС целеуказания *MPDR-18S*, РЛС сопровождения целей (орудийной наводки) *Albis* СЗУ *Gepard)*;
- РЛС контрбатарейной борьбы (РЛС обнаружения и определения

Эффективность средств воздушного нападения во многом зависит от степени преодоления войсковой противовоздушной обороны противника. Важную роль в ее эффективности играют активные средства разведки и в первую очередь радиолокационные станции противника, которые необходимо заблаговременно вскрыть и уничтожить.

Повышение боевой эффективности поражения средств радиолокации связано с реализацией новых способов ведения РТР с бортов БПЛА, обеспечивающих высокоточную оценку угловых координат или местоположения РЛС в реальном масштабе времени. Имеется противоречие между необходимостью повышения эффективности огневого поражения РЛС войсковой ПВО и РЛС полевой артиллерии противника при ведении боевых действий в тактической зоне и отсутствием предложений по новым способам ведения РТР с применением БПЛА как дополнительному воздушному компоненту РТР.

координат огневых позиций минометов, артиллерийских орудий и ракетных систем залпового огня *AN/TPQ-36(V))*, когерентная импульсно-доплеровская РЛС засечки и определения координат огневых позиций артиллерийских орудий и ракетных систем залпового огня *AN/TPQ-37(V)* радиолокационного комплекса *Firefinder*.

Боевой полет БПЛА РТР устанавливается с учетом максимального использования возможностей аппаратуры РТР, непрерывного и устойчивого управления БПЛА и целевыми нагрузками с наземного пункта управления (НПУ).

Одним из основных факторов, определяющих построение боевого полета БПЛА РТР, является оперативное наращивание интенсивности ведения РТР за счет своевременного переноса усилий на угрожаемые или важные направления в ходе ведения боевых действий в тактической зоне.

По мнению авторов, номенклатура объектов для БПЛА РТР в боевых действиях соединений Сухопутных войск ВС РФ в тактической зоне наиболее полно может быть представлен в типовом боевом эпизоде «Прорыв переднего края обороны противника в бою омсбр».

Первый предлагаемый способ применения БПЛА — ведение РТР на маршрутах полета БПЛА над территорией противника с требуемой точностью оценки дальности до цели за минимальное время (боевой полет по траектории в виде «восьмерки»). Он наиболее целесообразен для вскрытия РЛС войсковой ПВО при ее преодолении.

В общем случае получение аналитических выражений для решения задачи достижения *требуемой точности за минимальное время* сводится к нахождению геометрического места точек равной дисперсии, описываемого уравнением в полярных координатах[3]. Из анализа результатов следует, что для достижения требуемой точности определения дальности до цели летательный аппарат должен осуществлять барражирование в заданном районе по траектории в виде плоской замкнутой кривой, имеющей вид «восьмерки», состоящей из дуг одинакового радиуса. Кроме того, требуемую точность за минимальное время обеспечит полет по маршруту, максимально приближенному к направлению на цель с селекцией источников радиоизлучений по правому или левому борту БПЛА.

Вариант ведения разведки нарядом средств БПЛА РТР роты РЭБ омсбр из трех БПЛА «Орлан-10» на маршрутах полета над территорией противника при преодолении линии боевого соприкосновения войск по указанному выше способу, что уменьшает время поражающего воздействия группировки войск ПВО противника тактической зоны, показан на рисунке 1.

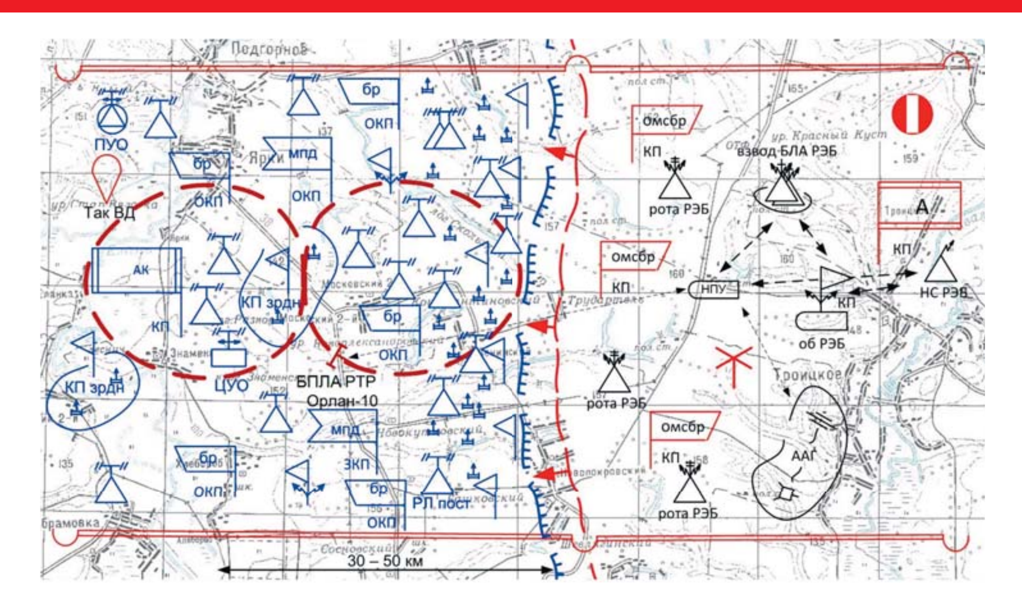

Рис. 1. Первый способ применения БПЛА РТР (при преодолении ПВО) (вариант)

Соответственно реализация данного способа, по предварительным оценкам, на 20—30 % повысит оперативность вскрытия и точность определения координат РЛС войсковой ПВО, что позволит довести вероятность их поражения до 0,8—0,85.

Привлечение БПЛА РТР роты РЭБ омсбр будет способствовать повышению эффективности защиты приданных и поддерживающих подразделений авиации (в том числе при совместном применении с многофункциональным вертолетным комплексом РЭБ «Босфор-2»), боевых вертолетов армейской авиации в коридорах преодоления ПВО противника в ходе нанесения ими ударов и высадки тактического десанта.

Также одним из предлагаемых способов применения БПЛА является способ, основанный на ведении РТР на маршрутах полета БПЛА над территорией противника, обеспечивающих его выход в конечное положение с требуемой точностью относительно цели (боевой полет по траектории в виде «спирали»). Он характерен для вскрытия РЛС полевой артиллерии.

В общем случае получение аналитических выражений для решения задачи достижения требуемой точности за минимальное время сводится к нахождению геометрического места точек равной дисперсии, описываемого уравнением в полярных координатах. Из анализа результатов следует, что для достижения требуемой точности определения дальности до цели летательный аппарат должен осуществлять барражирование в заданном районе по траектории в виде плоской замкнутой кривой, имеющей вид «восьмерки», состоящей из дуг одинакового радиуса. Кроме того, требуемую точность за минимальное время обеспечит полет по маршруту, максимально приближенному к направлению на цель с селекцией источников радиоизлучений по правому или левому борту БПЛА.

Информация о местоположении цели необходима для сближения с ней в целях достоверного распознавания и передачи этих данных на НПУ для принятия решения по ее доразведке или уничтожению. При этом возникает задача вывода летательного аппарата в заданное положение с требуемой точностью, которая в том числе будет определять качественные показатели оценки местоположения разведываемого излучающего объекта противника.

Анализ полученных в работе результатов[4] показывает, что наилучшая точность местоопределения объектов триангуляционным способом достигается при движении носителя приемника-пеленгатора по траектории в виде спирали.

Наряд средств БПЛА РТР роты РЭБ омсбр на трех БПЛА «Орлан-10» ведет разведку на маршрутах полета над территорией противника на высоте, определенной из условий радиолокационной и оптической заметности носителей, управление БПЛА в воздухе и передача разведывательной информации с их бортов осуществляется на НПУ. Пространственное положение приемника-пеленгатора относительно источника радиоизлучения определяется по результатам пеленгования и данным аппаратуры навигационно-временного обеспечения в бортовом решающем устройстве. При этом БПЛА осуществляет боевой полет по траектории в виде спирали, как показано на рисунке 2.

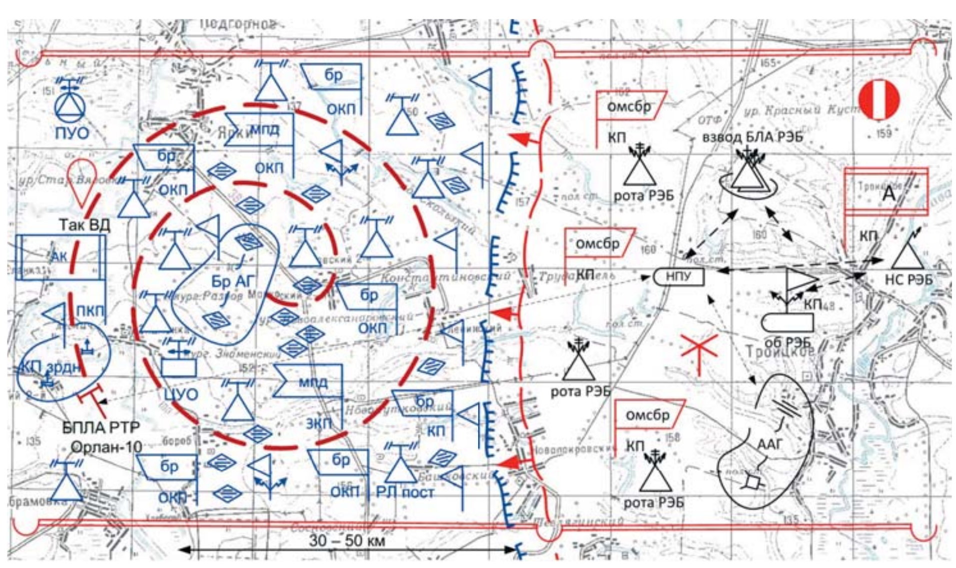

Рис. 2. Второй способ применения БПЛА РТР (при вскрытии группировка полевой артиллерии)

Описанный выше способ позволяет в реальном масштабе времени вскрыть систему управления полевой артиллерии противника (при совместном применении с комплексами радиоподавления «Метель», «Метелица» и комплексами специального программного воздействия «Тактик-ПВ», «Вольфрам») в тактической зоне. При этом оперативность и точность вскрытия координат РЛС полевой артиллерии повышаются на 20—30 %.

В целом высокую эффективность ведения БПЛА РТР возможно достичь путем совместного применения разработанных выше способов, как показано на рисунке 3.

Рис. 3. Вариант маршрута выполнения РТР БПЛА «Орлан-10» и его возвращения

Так, выход в район выполнения задания за минимальное время обеспечивается при полете по траектории, близкой к восьмерке, а уточнение местоположения объектов и их уничтожение осуществляется при движении БПЛА РТР по спирали, что будет дополнительно способствовать повышению эффективности РТР еще на 20—30 %.

В заключение следует отметить, что разработанные способы ведения РТР позволят с минимальными временными затратами оперативно вскрыть обстановку, проанализировать и дать координаты источников радиоизлучения для их эффективного поражения и тем самым успешно выполнить боевые задачи по поражению важнейших объектов противника в заданной тактической зоне. При этом процент вскрываемых РЛС увеличивается с существующих 60 % до 90 %, оперативность и точность вскрытия их координат возрастает на 40—50 %, что доведет вероятность их поражения при ведении боевых действий в тактической зоне до 0,9—0,95. Для подтверждения данных показателей эффективности изложенных способов необходимо проведение соответствующих научных исследований и практических экспериментов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ласточкин Ю.И.* Роль и место радиоэлектронной борьбы в современных и будущих боевых действиях // Военная Мысль. 2015. № 12. С. 14—19.

[2] *Синяткин Д.А., Божков А.Ю., Горчаков М.А.* Создание многофункциональных беспилотных летательных аппаратов: пути решения проблемных вопросов // Военная Мысль. 2018. № 10. С. 86—91.

[3] *Богословский А.В., Разиньков С.Н.* Оптимизация маршрутов полета беспилотных летательных аппаратов при местоопределении источника радиоизлучения по оценкам угловых координат с их бортов // Физика волновых процессов и радиотехнические системы. 2015. Т. 18. № 4. С. 60—66.

[4] Там же.

Трансформация управления — централизация или децентрализация

Генерал-майор запаса В.Е. СЕВРУК,
доктор военных наук

Полковник запаса А.В. ВДОВИН,
кандидат военных наук

Полковник запаса В.В. КАРПОВИЧ

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена практическая реализация принципа рационального сочетания централизации и децентрализации управления войсками (силами) в различных звеньях управления вследствие влияния внутренних и внешних факторов.

ABSTRACT

The paper examines practical implementation of the principle of rationally combined centralization and decentralization of troop/force control at various levels of control as a result of the effect of internal and external factors.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Управление войсками (силами), централизация управления, децентрализация управления, система управления войсками (силами), органы военного управления, пункты управления, средства управления.

KEYWORDS

Control of troops/forces, centralized control, decentralized control, system of troop/force control, bodies of military control, control points, control means.

ДАТЬ точный прогноз, какими будут войны будущего, — достаточно сложно, тем не менее определить факторы, обеспечивающие превосходство над противником, необходимо уже сейчас в интересах подготовки и применения в них Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ).

Как показывает опыт предыдущих войн и военных конфликтов, одним из основных факторов, оказывающих определяющее влияние на эффективность применения войск (сил) в военных действиях, является управление.

Процесс управления войсками (силами) в военных действиях отличается от любого другого процесса «системностью», его системообразующей ролью и информационной сущностью. При этом «системность» управления определяется средой, в которой протекает процесс управления, системным характером взаимного влияния объекта и субъектов управления и другими факторами.

Системообразующая роль процесса управления определяется целью функционирования системы управления, которую в категориях системного подхода можно определить как создание и поддержание в заданном функциональном состоянии соответствующей системы.

Информационная сущность процесса управления проявляется во всех его функциях: прогнозирующей, организующей, планирующей, регулирующей, мотивационной, контролирующей и др. При этом информация является важным системообразующим звеном в системе управления и ее отдельных элементах. Именно информационная сущность процесса управления переводит его из области искусства в область научно обоснованной деятельности, что подтверждается выводами из анализа формально принятых в военном управлении законов.

Огромный опыт управления войсками (силами) был получен в годы Великой Отечественной войны. Основными принципами руководства в этот период являлись: единство политического, общегосударственного и военного руководства, коллегиальность в сочетании с единоначалием, единство теории и практики, всесторонний закон объективных законов войны и возможностей страны, компетентность всех звеньев органов управления, соответствие системы стратегического руководства характеру войны и постоянная готовность системы к работе.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что существовавшая на начало 1941 года система стратегического руководства Вооруженными Силами СССР не в полной мере соответствовала предъявляемым требованиям. Централизация руководства войсками (силами) оказалась недостаточной. В частности, к началу войны не было создано единого государственного органа руководства страной и армией, а сложившаяся обстановка на начало войны потребовала максимальной централизации такого управления.

В ходе войны было установлено, что с возрастанием маневренности боевых действий значительно сокращается время на принятие решения и одновременно увеличивается зависимость эффективного руководства войсками (силами) от слаженности в работе штабов и высокой квалификации должностных лиц органов военного управления.

В целом опыт Великой Отечественной войны продемонстрировал, что с изменением характера военных действий и условий изменения обстановки к управлению войсками (силами) будут предъявляться повышенные требования.

В ходе исследования операций, проведенных в период Великой Отечественной войны, было выявлено, что командующие всех степеней особое внимание уделяли информационной составляющей в процессе принятия решений практически во всех традиционных (классических) операциях, а отдельные из них являлись по сути самими информационными операциями.

В современных условиях обеспечение превосходства в управлении над противником будет зависеть от возможностей системы управления реализовать оперативный и боевой потенциал своих войск (сил) в различных условиях развития обстановки, при превентивном и постоянном воздействии на уязвимые места системы управления противника в целях снижения ее возможностей.

Анализ условий и факторов, влияющих на ведение военных действий, позволяет сформулировать актуальные *требования*, предъявляемые к современной системе управления войсками (силами).

Первое. Современная система управления должна *учитывать сущность и содержание современных войн и вооруженных конфликтов*, которые характеризуются мобильностью и скоротечностью ведения военных действий, резким изменением обстановки на театре военных действий (ТВД), где эффективность воздействия на противника определяется решительной концентрацией усилий в пространстве и времени. При этом сбор, обобщение, анализ, оценка данных обстановки и представление информации о подчиненных силах и средствах и о противнике должны происходить в близком к реальному времени. Это условие выполнимо при переходе от существующих вертикальных связей управления к связям, основанным на глобальных сетевых АСУ войсками (силами) и оружием.

Огромный опыт управления войсками (силами) был получен в годы Великой Отечественной войны. Основными принципами руководства в этот период являлись: единство политического, общегосударственного и военного руководства, коллегиальность в сочетании с единоначалием, единство теории и практики, всесторонний закон объективных законов войны и возможностей страны, компетентность всех звеньев органов управления, соответствие системы стратегического руководства характеру войны и постоянная готовность системы к работе.

Такой переход предполагает создание единой информационно-коммуникационной сети, обеспечивающей быстрое доведение до участников военных действий необходимой информации об обстановке, имеющейся в распоряжении как вышестоящих, так и подчиненных органов военного управления (ОВУ) по принципу «от многих к многим». Благодаря этому принципу станет возможна непрерывная актуализация данных о состоянии оперативной обстановки, своевременное и достоверное формирование исходных данных заранее известных ОВУ различных уровней в едином формате для проведения расчетов и моделирования военных действий.

Второе. Принимая во внимание современные взгляды противника на комплексное применение войск (сил), отраженных в концепции «Многосферное сражение: эволюция объединенных ВС в XXI веке», современная система управления должна *учитывать возможность применения войск (сил) во всех сферах вооруженной борьбы*. Особого внимания при этом заслуживает не только физическая, но и виртуальная среда противоборства. В последнее время все большее значение придается информационной

составляющей вооруженной борьбы, подготовке и проведению операций в киберпространстве. Это связано с оснащением войск (сил) системами вооружения, основанными на широком использовании информационных и телекоммуникационных технологий, быстродействующими системами разведки, связи, автоматизированных систем военного назначения, радиоэлектронной борьбы и других.

Третье. В современных условиях использование инновационных технологий послужило основой для создания качественно нового поколения средств вооруженной борьбы и существенно расширило сферы их применения. В свою очередь, появление новых средств вооруженной борьбы неизбежно приводит к появлению новых, ранее не используемых форм применения войск (сил). Следовательно, современная система управления *должна учитывать стремительную трансформацию содержания вооруженного противоборства*, предусматривающую появление перспективных средств вооруженной борьбы, в том числе гиперзвукового оружия, оружия, построенного на новых физических принципах, разведывательно-огневых и разведывательно-ударных комплексов, роботизированных образцов вооружения и военно-специальной техники и т. д.

В современных условиях обеспечение превосходства в управлении над противником будет зависеть от возможностей системы управления реализовать оперативный и боевой потенциал своих войск (сил) в различных условиях развития обстановки, при превентивном и постоянном воздействии на уязвимые места системы управления противника в целях снижения ее возможностей.

Четвертое. Боевой опыт, полученный при выполнении специальных задач ВС РФ, в очередной раз отражает отличительную особенность современных войн и вооруженных конфликтов — многосторонний состав участников, вовлеченных в противоборство с различными интересами и целями. В связи с этим современная система управления *должна предусматривать вариативность структуры противоборствующих сторон*, в состав которых помимо регулярных войск (сил) могут входить формирования (силы и средства) так называемой «третьей силы».

Пятое. В современных условиях возросшие возможности вооруженных сил ведущих государств по сбору, обработке и распределению информационных ресурсов стали важнейшим фактором эффективности военных действий. Перспективные средства автоматизации, применяемые в современных системах управления войсками (силами), *должны предусматривать возможность дистанционного проведения расчетов и моделирования боевых действий*, учитывая передовые технические возможности территориально распределенных Центров обработки данных (ЦОД) военных округов и ЦОД ВС РФ. Внедрение облачных технологий на базе территориально-распределенного ЦОД ВС РФ одновременно с развертыванием сети передачи данных Минобороны России позволит перейти от создания автоматизированных систем военного назначения к созданию программно-информационных сервисов на единой технологической платформе. При этом в среднесрочной перспективе все должностные лица ОВУ должны обладать компетенциями по

проведению расчетов и моделирования военных действий дистанционно, осуществляя информационный обмен по закрытым каналам связи, в ходе повседневной деятельности ВС РФ, мероприятий оперативной подготовки, подготовки и ведения военных действий, для обеспечения информационно-расчетной и информационно-аналитической поддержки деятельности ОВУ.

Для практической реализации рассмотренных требований необходимо учитывать, что с эволюцией форм применения и способов действий войск (сил) меняются структура и численность создаваемых группировок войск (сил), совершенствуется порядок их создания и выполнения боевых задач. В свою очередь, эти изменения как опосредованно, так и непосредственно влияют на управление войсками (силами), которое характеризуется цикличной сменой форм централизованного военного руководства и разделением властных полномочий.

Централизация управления при этом ассоциируется с единоначалием в управлении, концентрацией прав и полномочий при принятии решений.

В свою очередь, *децентрализация управления* предусматривает использование коллегиальности в управлении, возможность выработки коллективного решения на основе мнений руководителей ОВУ различного уровня.

Сочетание централизации и децентрализации в управлении войсками (силами) находит свое выражение в распределении функций между органами управления различных звеньев управления, между органами управления в каждом звене управления, между пунктами и средствами управления различного уровня, а также внутри каждого пункта управления. Заблаговременное распределение функций способствует

Современная система управления должна учитывать возможность применения войск (сил) во всех сферах вооруженной борьбы. Особого внимания при этом заслуживает не только физическая, но и виртуальная среда противоборства.
В последнее время все большее значение придается информационной составляющей вооруженной борьбы, подготовке и проведению операций в киберпространстве.

исключению дублирования в решении одних и тех же задач руководства различными звеньями управления, органами, пунктами и средствами связи, позволяет значительно сократить потоки информации, циркулирующие в системе, и повысить оперативность принятия решений.

Необходимо отметить, что реализация подходов к централизации и децентрализации управления на практике сталкивается с серьезными проблемами.

Так, в сфере решения задач обеспечения режима военного положения и ведения территориальной обороны децентрализация управления силами и средствами Министерства обороны Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти существенно затрудняет их выполнение. Основной причиной этого является несогласованность правовых и организационных механизмов реализации задач, возложенных на различные министерства и ведомства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

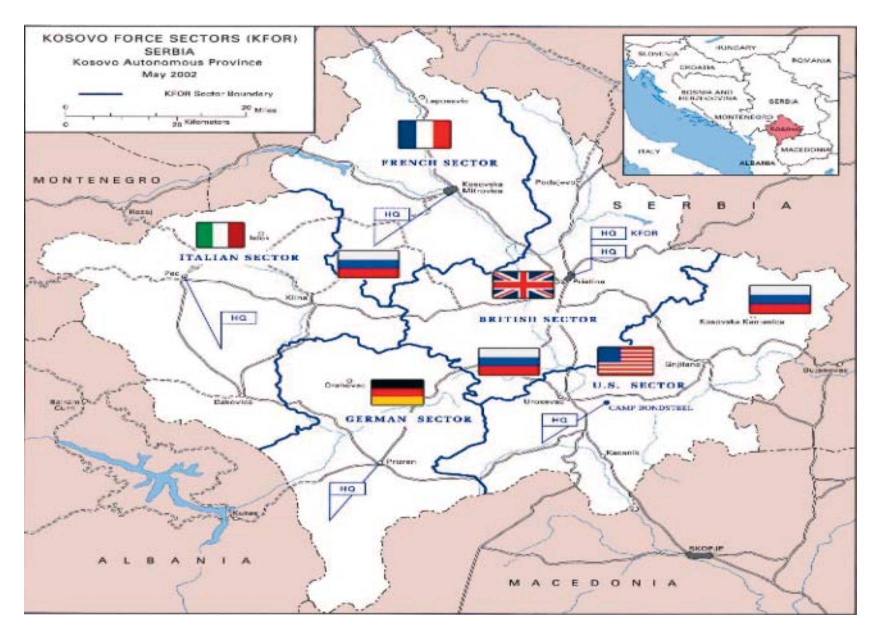
Сложившаяся ситуация обусловливает потребность *централизации управления группировкой войск (сил)*, решающей задачи территориальной обороны в зоне ответственности военного округа. Как следствие — потреб-

ность формирования на федеральном уровне межведомственного федерального органа, обеспечивающего руководство разноведомственными силами и средствами и подчиненного непосредственно Президенту Российской Федерации — Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации[1].

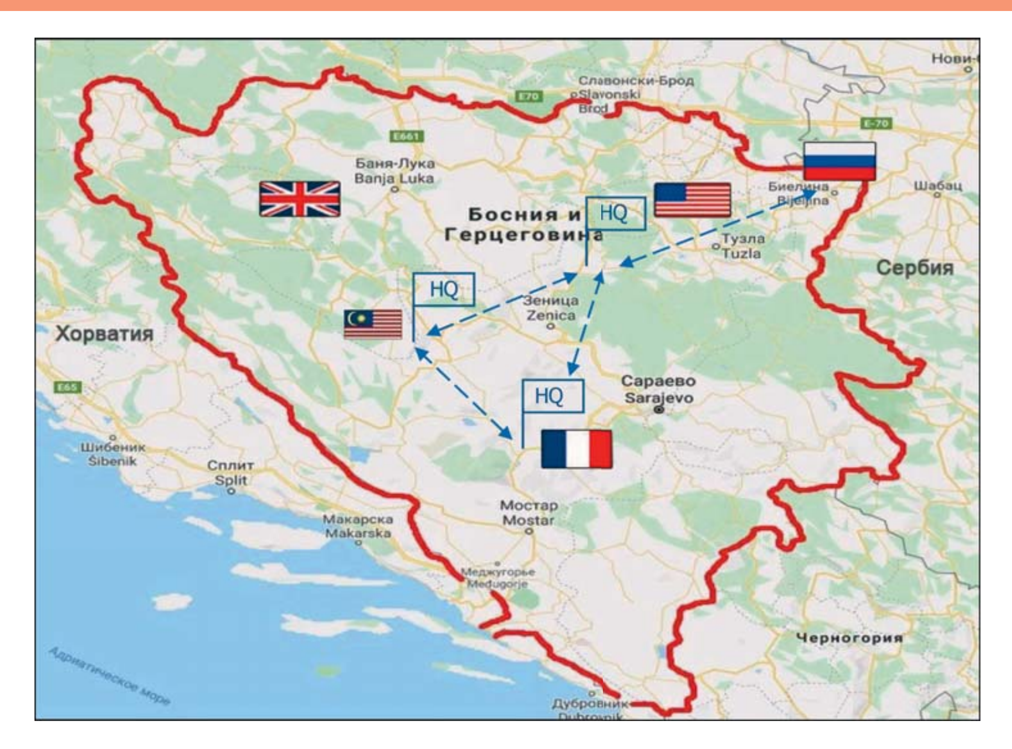
В сложившихся условиях жестко централизованная система управления войсками (силами) призвана совмещать возможности гибкого и адаптивного реагирования на изменения обстановки, обусловленные комплексным применением противником высокотехнологичных средств поражения и воздействия во всех сферах вооруженного противоборства. Гибкость и адаптивность системы управления войсками (силами) при этом могут быть достигнуты путем усиления децентрализации ее структуры с предоставлением большей самостоятельности и автономности действий войск (сил) на оперативном и тактическом уровнях против «распределенного» противника в условиях «многосферной операции»[2]. Вместе с тем достижение большей самостоятельности и автономности действий войск (сил) не принесет желаемого результата без всестороннего обеспечения этих действий и поддержки со стороны сил и средств, имеющих решающее превосходство в различных сферах. В этой связи возникает необходимость *децентрализации системы управления* с целью обеспечения автономности действий войск (сил).

В частности, функциональная децентрализация управления связана с перераспределением функций между ОВУ одного уровня, когда перед руководством ВС РФ встают вопросы, требующие оперативного реагирования и специализированного подхода.

В качестве примера можно отметить централизацию управления воинскими контингентами в Косово (KFOR) (рис. 1) и коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ делегированием полномочий формирования командования КСОР командованию ВДВ ВС РФ.

а) централизованное управление

б) децентрализованное управление

Рис. 1. Централизованное и децентрализованное управление миротворческими контингентами в Косово и Боснии и Герцеговине

Вариант развертывания национальных воинских контингентов (ВК) в самостоятельных зонах ответственности (секторах) предопределяет оставление ему только оперативного руководства, в то время как тактика применения национальных воинских формирований становится прерогативой соответствующих национальных органов управления (рис. 2)[3].

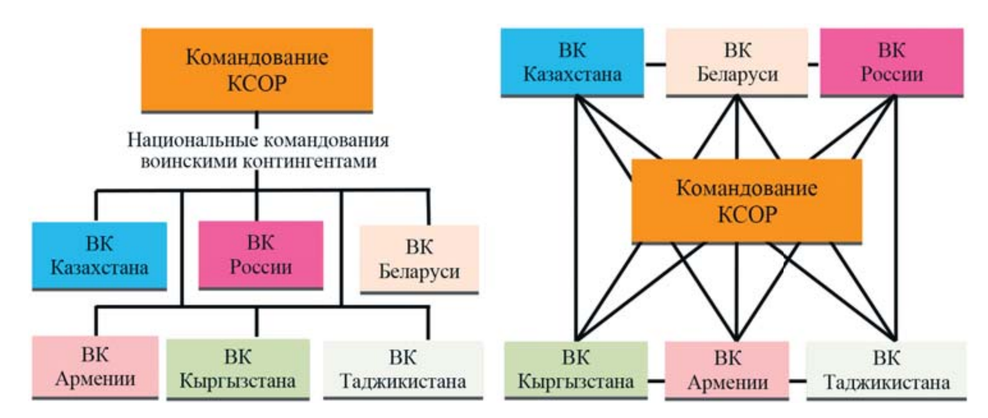

Рис. 2. Централизованное и децентрализованное управление воинскими контингентами КСОР ОДКБ по вариантам развертывания группировки войск

В то же время современная тенденция децентрализации управления войсками (силами) затрагивает не только деятельность ОВУ. В полной мере ее влияние присутствует и при развертывании пунктов и средств управления. Так, внедрение «модульного принципа» в практику формирования и развертывания пунктов предполагает, что полевые подвижные пункты управления объединений распределяются на несколько отдельных, распределенных на местности модулей, каждый из которых объединяет несколько групп (центров), в свою очередь являющихся элементами группы боевого управления. Децентрализация в организации управления при этом заключается в создании идентичных по составу модулей, обеспечивающих устойчивость и непрерывность управления при перемещении командующего, начальника штаба и оперативного состава центра боевого управления.

Между централизацией и децентрализацией функций военного управления *должно соблюдаться оптимальное соотношение*. Это связано с тем, что уровень централизации управления меняется в процессе изменения военно-политических и других условий (системная закономерность целостности, эмерджентность)[4]. Для каждых общественно-политических условий существования государства (мирное и военное время, чрезвычайное и военное положение и т. д.) должен быть свой оптимальный уровень централизации (децентрализации).

Сочетание централизации и децентрализации в управлении войсками (силами) находит свое выражение в распределении функций между органами управления различных звеньев управления, между органами управления в каждом звене управления, между пунктами и средствами управления различного уровня, а также внутри каждого пункта управления.

В связи с этим *рациональное сочетание централизации и децентрализации управления* войсками (силами) по своей сути предусматривает научно обоснованное целесообразное распределение функций, задач, прав, обязанностей и ответственности между ОВУ, их структурными подразделениями и должностными лицами различных уровней и рангов. При этом сущность рассматриваемых и реализуемых процессов заключается в разумном сочетании и единстве единоначалия и коллегиальности.

Организация управления войсками (силами и средствами) на основе этих принципов обеспечивает:

с одной стороны — жесткую централизацию прав по управлению войсками, силами, средствами и ресурсами в руках как вышестоящего органа управления, так и конкретного руководителя, возможность единоличного принятия управленческих решений, эффективного контроля их выполнения и оперативного реагирования на изменения обстановки, действия подчиненных;

с другой стороны — возможность проявления подчиненными органами управления и должностными лицами разумной творческой инициативы как в процессе выработки управленческого решения, так и при его практической реализации, в том числе путем самостоятельного определения способов и путей его наилучшего выполнения.

Кроме этого, рациональное сочетание централизованного и децентрализованного управления способствует повышению устойчивости, непрерывности и оперативности

управления войсками (силами) в случае его нарушения, выхода из строя пунктов и средств управления вышестоящих органов управления, а также при решении задач, не относящихся к их компетенции.

Таким образом, основным фактором, оказывающим определяющее влияние на эффективность применения войск (сил) в современных военных действиях является управление. Процесс управления войсками (силами) в военных действиях отличается от любого другого процесса и характеризуется «системностью», его системообразующей ролью и информационной сущностью. При этом информационная составляющая системы управления определяет уровень развития современных систем управления и основные направления их развития.

В сложившихся условиях существующая система управления войсками (силами) призвана совмещать возможности гибкого и адаптивного реагирования на изменения обстановки, обусловленные комплексным применением противником высокотехнологичных средств поражения и воздействия во всех средах вооруженного противоборства.

При этом возможность трансформации централизованного управления является необходимым условием управления войсками (силами) в современных условиях. Разница между подходами в управлении по большей части заключается лишь в степени самостоятельности принимаемых решений на разных уровнях, т. е. состоит в соответствующем делегировании полномочий и прав при необходимости органам управления на нижестоящих уровнях управления.

Уровень централизации управления меняется в процессе изменения военно-политических и других условий (системная закономерность целостности, эмерджентность). Для каждых общественно-политических условий существования государства (мирное и военное время, чрезвычайное и военное положение и т. д.) должен быть свой оптимальный уровень централизации (децентрализации).

Результаты исследований подтверждают необходимость дальнейшего развития теоретических положений по развитию управления войсками (силами) в возможных будущих военных конфликтах, что особенно актуально при создании, развертывании и ведении военных действий межвидовыми, разноведомственными, коалиционными группировками войск (сил) при развитии новых форм их применения и способов действий по нейтрализации угроз военной безопасности Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ямпольский С.М., Анисимов Е.Г., Анисимов В.Г.* Научно-методические основы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления в ходе межведомственного информационного взаимодействия. М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. С. 146.

[2] Концепция США «Многосферное сражение. Эволюция Объединенных вооруженных сил XXI века (2025—2040)».

[3] *Корабельников А.А.* Коллективные силы: история, реальность и перспективы // Вестник Сибирского отделения Академии военных наук. 2011. № 7.

[4] *Соловьев В.В.* Войны XXI века: Теоретический труд. М.: ВАГШ ВС РФ, 2000.

Оценка влияния рассогласования в применении разнородных сил и средств на эффективность дезорганизации сетецентрических информационно-управляющих систем противника

Полковник в отставке В.А. АНОХИН,
кандидат технических наук

Полковник Д.В. ХОЛУЕНКО,
кандидат военных наук

Н.М. ГРОМЫКО

АННОТАЦИЯ

Рассмотрено влияние рассогласования в действиях сил и средств РЭБ и огневого поражения на эффективность дезорганизации сетецентрической информационно-управляющий системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сетецентрическая информационно-управляющая система, адаптивная система управления, дезорганизация управления, радиоэлектронное поражение (подавление), эффективность дезорганизации управления.

ABSTRACT

The paper looks at the influence of discordance in the activity of EW and fire damage forces and assets on the efficiency of disorganizing the network-centric information-driven system.

KEYWORDS

Network-centric information-driven system, adaptive control system, disorganization of control, electronic damage (suppression), efficiency of control disorganization.

СТРЕМЛЕНИЕ противоборствующих сторон с самого начала боевых действий выполнить задачу дезорганизации системы управления противника (далее по тексту — дезорганизации управления) стало характерной особенностью и качественно новой чертой современной операции (боя).

С оперативной точки зрения существо влияния дезорганизации информационно-управляющих систем (ИУС) на степень реализации боевого потенциала войск проявляется в том, что, воздействуя на элементы ИУС противника, можно на определенный период времени затруднить ведение разведки, прием и передачу разведданных и информации управления и тем самым как бы исключить часть штабов из общего процесса управления, в результате чего определенная часть сил и средств противника не примет эффективного участия в боевых действиях. Это приведет к тому,

что часть боевого потенциала войск в течение времени, необходимого на восстановление ИУС, не реализуется.

Дезорганизация функционирования любой информационно-управляющей системы противника — это комплекс согласованных мероприятий и действий войск по разведке, огневому (ядерному) поражению, захвату и радиоэлектронному поражению (подавлению) элементов и подсистем разведки и управления, а также по дезинформации личного состава органов управления.

Ключевым в приведенном содержании дезорганизации управления следует считать требование согласованности применения привлекаемых (назначенных) сил и средств, которые, как правило, являются разнородными по характеру воздействия и разного уровня подчиненности. В общем случае состав таких сил и средств можно рассматривать как временное формирование частей, подразделений, комплексов или отдельных средств под единым командованием для выполнения задачи дезорганизации управления, которое можно определить как группу[1]. Вопросы согласованного применения сил и средств такой группы отображаются как в решениях командующих (командиров), так и в планах на операцию (бой) и в планах применения родов войск и специальных войск. Но особую актуальность и значимость проблема согласованного применения разнородных сил и средств для достижения единой цели, например, дезорганизовать управление, приобретает при оснащении войск сетецентрическими информационно-управляющими системами (СИУС)[2]. Эти системы относятся к классу организационно-технических систем управления войсками и оружием с высоким уровнем адаптации как к изменениям оперативной (тактической) обстановки, так и внешним деструктивным воздействиям на ее элементы или подсистемы. Адаптивная система управления с точки зрения рассматриваемой проблемы — это система, которая сохраняет свой управленческий потенциал при непредвиденных деструктивных воздействиях путем смены алгоритма функционирования или поиска рациональных состояний[3]. С учетом этого основная цель статьи состоит в обосновании необходимости учета влияния рассогласования в применении разнородных сил и средств при расчетах эффективности их применения в интересах достижения единой цели на примере выполнения задачи дезорганизации функционирования сетецентрической информационно-управляющей системы.

В общем случае уровень адаптации СИУС характеризуется временем восстановления ее управленческих возможностей при деструктивном воздействии на ее элементы. Например, время адаптации (восстановления) современной системы управления бригады (батальона) при уничтожении (захвате) ОКП составляет 30—50 минут, в этих условиях в СИУС время восстановления управления составляет от 1,5 до 3 минут (в зависимости от типа объекта и характера воздействия) без потери эффективности управления. В первом случае можно говорить о низком уровне адаптации, во втором — о высоком.

Как уже неоднократно отмечалось, успешное выполнение задачи дезорганизации функционирования СИУС достигается согласованным применением частей и подразделений РЭБ и сил и средств огневого поражения. Но, имея в качестве объекта воздействия высокоорганизованную систему управления с малым временем адаптации к внешним воздействиям, важное значение приобретают временные аспекты согласования применения разнородных средств

для сохранения (получения) синергетического эффекта.

Вопрос оценки влияния рассогласования в применении средств огневого поражения и радиоэлектронной борьбы на снижение эффективности дезорганизации управления к настоящему времени практически не изучен, а на специальных учениях и командно-штабных тренировках даже не рассматривался. При этом считается, что согласованные планы применения частей, подразделений и средств неукоснительно выполняются в ходе операции (боя). Не требуется каких-либо комментариев к тому, что весьма редки случаи, когда планы применения группировки разнородных сил и средств реализуются в ходе операции (боя) полностью и без корректировок с запланированным эффектом. Однако следует заметить, что развертывание в армейских корпусах, дивизиях и бригадах противника высокоадаптивных и организованных СИУС потребует обеспечения высокого уровня согласованности применения разнородных сил и средств. В противном случае следует ожидать существенных потерь синергетического эффекта от их совместного применения.

В статье впервые проведена оценка влияния на эффективность дезорганизации управления в условиях армейской оборонительной операции и боя дивизии таких факторов, как:

- рассогласование совместного боевого применения сил и средств огневого поражения и радиоэлектронной борьбы;
- рассогласование совместного применения разнородных комплексов и средств РЭБ.

При оценке влияния рассогласования в применении разнородных сил и средств на эффективность дезорганизации управления авторы исходили из того, что СИУС по своим внешним проявлениям и внутренней организации в значительной мере идентична системам автоматического регулирования процесса с большим количеством исполнительных элементов — как промежуточных, так и окончательных. Поэтому представленные ниже графики (рис. 1, 2) построены с учетом опыта анализа и синтеза систем автоматического регулирования, в которых соотношение времени адаптации и времени задержки в создании деструктивного воздействия проявляется наиболее наглядно[4].

Особую актуальность и значимость проблема согласованного применения разнородных сил и средств для достижения единой цели, например, дезорганизовать управление, приобретает при оснащении войск сетецентрическими информационно-управляющими системами. Эти системы относятся к классу организационно-технических систем управления войсками и оружием с высоким уровнем адаптации как к изменениям оперативной (тактической) обстановки, так и внешним деструктивным воздействиям на ее элементы или подсистемы.

На рисунке 1 приведены графики снижения эффективности дезорганизации управления ($\Delta Э_{ДУ}$) тактического звена для систем с различным временем адаптации при различном времени рассогласования между поражением КП (ПУ) и радиоэлектронном подавлении подсистемы связи (Δt), которая обеспечивает этот КП. Для систем со временем адаптации до 2—3 минут, что характерно для сетецентрического управления[5], при 4-минутном рассо-

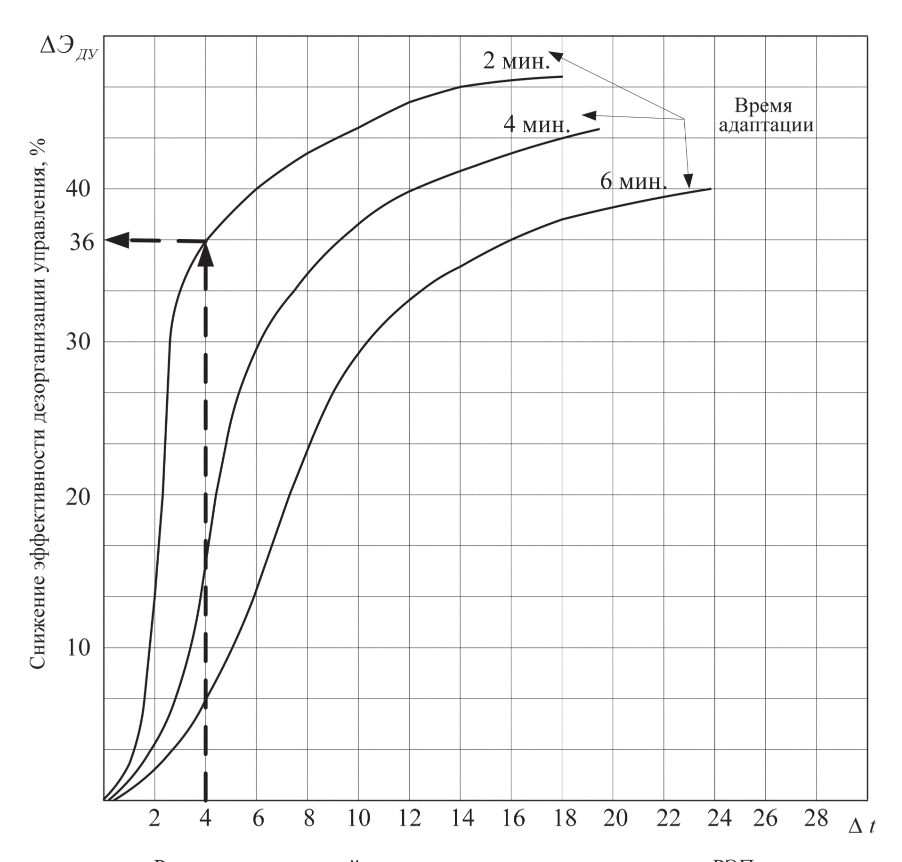

Рис. 1. Зависимости снижения эффективности дезорганизации управления от рассогласования в действиях между огневым поражением и РЭПр

гласовании в действиях сил и средств радиоэлектронной борьбы и огневого поражения потери эффективности дезорганизации управления могут составить не менее 36 %. При этом вместо запланированной цели — сорвать управление противника, оно (управление) будет только нарушено.

На рисунке 2 приведены графики снижения эффективности функционирования систем радиосвязи и передачи данных в зависимости от рассогласования в применении средств помех различных родов связи (Δt). Например, при подавлении УКВ радиосвязи противника он переходит на другой род связи — КВ, спутниковую или радиорелейную. Время адаптации — это время перехода на другой род связи (для СИУС — десятки секунд). Время рассогласования — это время разведки, оценки обстановки и принятия решения, создания помех.

Такие зависимости построены для систем связи сетецентрических информационно-управляющих, а также существующих систем. Рассогласование в применении средств РЭБ различных родов связи в 1 минуту (см. рис. 2) может привести к снижению вероятности срыва своевременной передачи информации на 30—60 %. Это, в свою очередь, может привести к существенному снижению эффективности дезорганизации функционирования сетецентрической системы управления.

Для оценки влияния рассогласования в применении средств РЭБ на эффективность дезорганизации

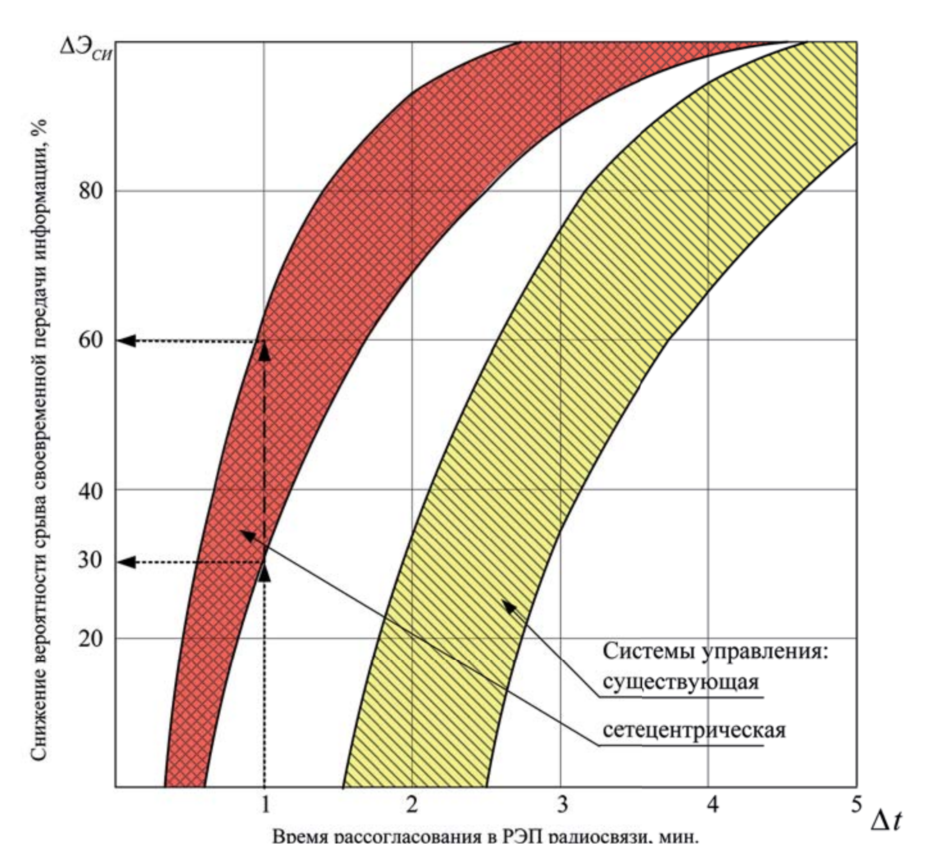

Рис. 2. Зависимость снижения вероятности срыва своевременной передачи информации от времени рассогласования для существующей и сетецентрической систем управления

управления в соответствии с рекомендациями[6] разработан график (рис. 3) зависимости эффективности дезорганизации управления при фиксированных значениях эффективности дезорганизации работы системы командных пунктов ($Э_Д^{СКП}$)и системы разведки ($Э_Д^{СР}$).

С использованием графика

$$Э_{ДУ} = f(P_{СИ})\Big|_{Э_Д^{СР} = 0{,}85}^{Э_Д^{СКП} = 0{,}5}$$

определяем, что расчетное значение эффективности дезорганизации управления противника равно $Э_{ДУ}$ = 0,72 при расчетном значении вероятности срыва доведения управляющего воздействия $Э_{СИ}$ = 0,8, т. е. управление противника будет сорвано.

Однако при потерях за счет рассогласования в применении средств РЭБ (30—60 %) следует ожидать, что реальная вероятность срыва своевременной передачи информации может быть в пределах от 0,32 до 0,56 соответственно. При этом потери в эффективности дезорганизации управления могут составить от 0,6 до 0,68, т. е. управление нарушено.

В заключение необходимо отметить, что повышение уровня информатизации и автоматизации перспективных систем управления войсками и оружием противника обусловливает необходимость формирования (обоснования) новых требований к системам управления силами и средствами, назначенным для их дезорганизации. Одним из таких требований

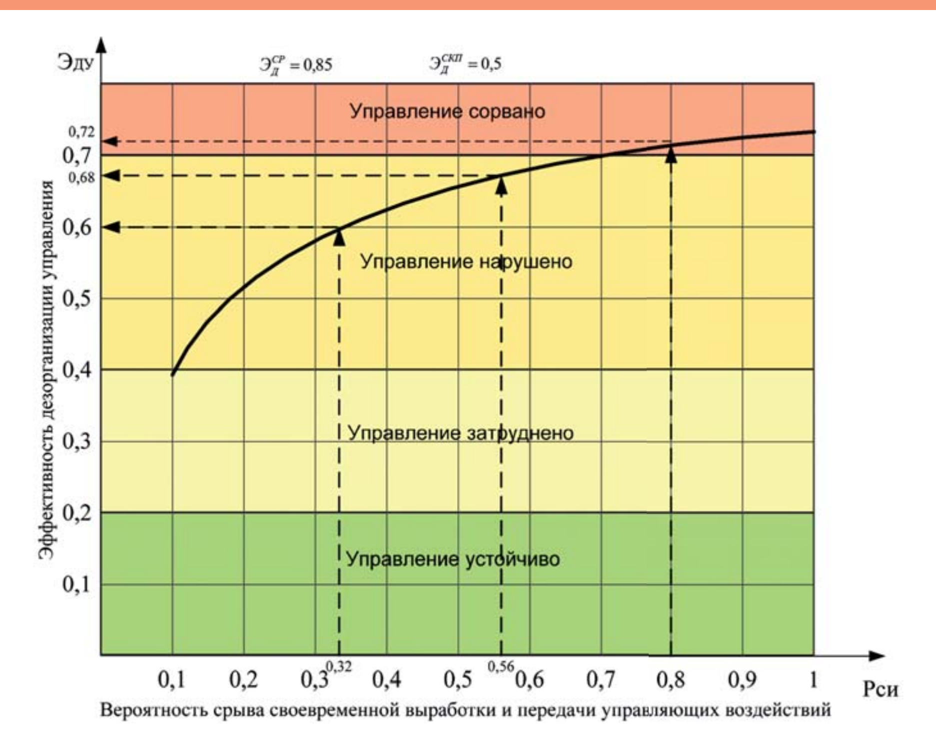

Рис. 3. Зависимость эффективности дезорганизации управления от вероятности срыва своевременной передачи информации

следует считать допустимое время рассогласования при применении разнородных средств для достижения общей цели по предназначению. Кроме этого, при проведении оперативных расчетов по оценке эффективности борьбы с высокоадаптивными системами противника необходимо учитывать влияние возможного времени рассогласования в применении разнородных средств на реальное значение полученных оценок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 215.

[2] *Макаренко С.И.* Подавление сетецентрических систем управления радиоэлектронными информационно-техническими воздействиями // Система управления, связи и безопасности. 2017. № 4. С. 15—53.

[3] Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 21.

[4] *Коченов Н.В., Иконников О.В., Карпов В.В.* Модель адаптивного управления организационно-технической системы военного назначения тактического уровня // Вестник академии военных наук. 2019. № 3 (68). С. 78—83.

[5] *Антонович П.И., Макаренко С.П., Михайлов Р.Л., Ушанов К.В.* Перспективные способы деструктивного воздействия на системы военного управления в едином информационном пространстве // Вестник Академии военных наук. 2014. № 3 (48). С. 93—101.

[6] *Анохин В.А., Холуенко Д.В., Громыко Н.М.* Оценка эффективности дезорганизации информационно-управляющих систем оперативных и тактических формирований противника (практические рекомендации) // Вестник Академии военных наук. 2019. № 3. С. 69—74.

Разведка — ключ к победе

Полковник О.Р. ЗАКИРОВ,
доктор военных наук

АННОТАЦИЯ

Приводятся результаты анализа зарубежных и отечественных взглядов на роль разведки в завоевании превосходства над противником. Рассмотрены проблемы организации и ведения разведки в военных конфликтах и направления их разрешения.

ABSTRACT

The paper cites results of analyzing foreign and domestic views on the role of reconnaissance in gaining superiority over the adversary. It goes over the problems of organizing and conducting reconnaissance in military conflicts and ways of solving the former.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военная разведка, военный конфликт, разведывательно-информационное обеспечение, организация разведки, разведывательные задачи, формы и способы ведения разведки.

KEYWORDS

Military intelligence, military conflict, reconnaissance and information support, organizing reconnaissance, reconnaissance tasks, forms and methods of conducting reconnaissance.

«КОНФЛИКТНЫЙ потенциал, к сожалению, растет. В ход идут провокации и откровенная ложь. Предпринимаются попытки сломать стратегический паритет. Расшатывается система международного права. Всем этим пользуются радикалы и террористы, которые стремятся распространить свою преступную деятельность на все новые регионы планеты»[1].

В таких условиях разведка (с ее скрытным характером деятельности) является ключевой составляющей в создании условий для недопущения перерастания имеющихся военных опасностей и военных угроз в кри-

зисы и в вооруженные конфликты. В мирное время она становится чуть ли не единственным инструментом военной политики и военной стратегии государства.

При обострении военно-политической обстановки разведка своевременно добывает и доводит до командования информацию о составе, состоянии, характере действий противника и его планах, сильных и слабых сторонах, обеспечивая упреждающий характер действий наших войск (сил) по отношению к противнику. Кроме того, она участвует в комплексном воздействии на противника имеющимися в распоряжении силами и средствами, выступая не только обеспечивающей, но и самостоятельной боевой системой.

На первый взгляд роль разведки в достижении превосходства над противником очевидна и не вызывает противоречивых оценок. Задача разведки — обеспечить командующего и штаб требуемым объемом информации о противнике. При этом добывать и обрабатывать разведывательную информацию необходимо, упреждая противника. Почему же на практике и в мирное, и в военное время не только в России, но и в других странах возникает так много проблем, связанных с разведкой?

Как показало исследование, понимание первостепенной важности военной разведки формируется, как правило, только в военные годы. С окончанием военных действий и до начала очередной военной кампании разведке перестают уделять должное внимание, что и обусловливает в последующем негативное развитие военно-политической обстановки.

Появлению такой тенденции имеются как объективные, так и субъективные причины. Дело в том, что военная разведка как система и как научная отрасль является относительно молодой, в ней еще нет однозначных трактовок законов и закономерностей, принципов построения и функционирования. Только сейчас на основе исторических уроков и зарубежных взглядов теоретически обосновываются и на практике апробируются формы и способы действий ее сил на оперативном и стратегическом уровнях.

Кроме того, проблемы военной разведки в силу специфики деятельности открыто не обсуждаются, что замедляет развитие теории, выработку единых взглядов на ее роль и место в военных конфликтах. В итоге субъективизм в деятельности органов военного управления, организующих разведку, проявляется повсеместно.

К тому же в современный век информатизации в органах управления складывается ошибочное представление о доступности любых данных. Многие считают, что достаточно войти в информационную сеть общего пользования и найти красочно оформленный ответ на любой интересующий вопрос. Поэтому нет первоочередной необходимости в организации разведывательной деятельности. На самом деле такой взгляд является ошибочным — переизбыток информации является такой же проблемой, как и ее недостаток. Можно иметь много данных и при этом не иметь ничего необходимого.

Это понимают и в зарубежных государствах. Анализ публикаций западных специалистов, посвященных опыту вооруженных конфликтов, показывает, что, несмотря на хорошо проработанные в руководящих документах положения по организации и ведению разведки, на практике количество возникающих проблем разведки не уменьшается[2,3].

Так, группа военных специалистов, возглавляемая руководителем военной разведки ВС США и НАТО в Афганистане, в 26-страничном докладе подводит итог, отмечая, что «в течение

последних восьми лет разведка в вооруженных конфликтах является «сугубо символической и неэффективной», вследствие чего командование не получает необходимой информации, что и приводит к необходимости жертвовать жизнями военных в течение длительного времени»[4].

Как подчеркивают западные аналитики, значение разведки в конфликтах должно непрерывно меняться под воздействием новых концептуальных взглядов. В настоящее время как раз и происходит концептуальная трансформация структурного содержания военных конфликтов. Если в предыдущие годы основное значение в них отводилось действиям общевойсковых группировок войск (сил), а разведка в соответствии с наставлениями осуществляла их информационное обеспечение, то на современном этапе развития военного искусства около 60 % и более задач могут решаться разведывательными и специальными формированиями.

В данной связи при подготовке к участию в любом военном конфликте командующие обязаны сосредоточивать особое внимание на приоритетном развертывании в предполагаемом регионе коалиционной группировки сил и средств разведки.

Предварительные расчеты показывают, что уже в мирное время группировка сил и средств разведки западных государств на российском направлении может достигать значительного состава и включать: примерно 200 органов агентурной разведки; до 100 органов сил специальных операций (включая 10—15 органов психологических операций и до 20 органов по связям с гражданской администрацией). Эта группировка может быть усилена: 15—20 органами кибернетических операций; 30—40 космическими аппаратами оптико-электронной, фото- и радиоэлектронной разведки; 20—30 разведывательными самолетами и 15—20 стратегическими и оперативными беспилотными летательными аппаратами; стационарными наземными и морскими системами радиоэлектронной разведки.

Формами применения такой разведывательной группировки, по всей вероятности, будут информационные, тайные и специальные операции, а также операции по дестабилизации обстановки, проводимые с целью достижения национальных стратегических и политических целей без привлечения крупных общевойсковых группировок войск (сил).

В частности, заблаговременно развернутая группировка сил и средств разведки в период обострения военно-политической обстановки и подготовки вооруженного конфликта выявляет ключевые противоречия, имеющиеся в стране-жертве. Определяет меры по усугублению вскрытых противоречий и доведению их до стадии мятежа (с проведением массовых акций гражданского неповиновения и саботажа) и проведения псевдодемократической смены власти.

На втором этапе конфликта при негативном развитии событий осуществляет вооружение и оснащение оппозиционных сил, провоцирует в стране противника внутренний вооруженный конфликт с насильственным установлением нового режима. На этом этапе обострения обстановки количество тайных силовых операций достигнет своего максимума. Физическое устранение политических лидеров и военных руководителей иностранных государств уже сейчас становится нормой для западных стран. Они и не скрывают, что за послевоенные годы их специальные службы участвовали более чем в двадцати таких операциях и осуществили убийство двенадцати глав государств.

На третьем этапе военного конфликта при задействовании общевойсковых группировок войск (сил) разведка сосредоточивает свои усилия на решении трех задач: целеуказание ударным и огневым средствам поражения; разведывательное обеспечение информационных операций; разведывательное обеспечение оценки результатов боевых действий.

Изменение роли разведки оказало влияние на порядок планирования операций. В предыдущие годы в ходе заблаговременного планирования операций ОВС НАТО планы разведывательного обеспечения разрабатывались на заключительных этапах, практически после утверждения оперативного плана. Однако такие планы, как заявляют американские военные, становились трудно реализуемыми на практике, и в ходе военных действий приходилось разрабатывать новые.

С переходом на адаптивные методы планирования операций основное участие центральных органов управления разведкой перенесено на первый и второй этапы, т. е. на этап уяснения командующим директивных указаний и этап выработки им замысла операции. В настоящее время именно на этих начальных этапах планирования разрабатываются планы разведывательного обеспечения.

Такой порядок работы позволяет в дальнейшем не перерабатывать планы и решать проблемы разведывательного обеспечения операций, возникающие в ходе военных действий.

В зарубежных странах утверждают, что сегодня разведку необходимо вести централизованно во всех сферах противоборства с привлечением всех возможных федеральных агентств, неправительственных организаций и даже местных жителей.

Эксперты подчеркивают, что эффективная борьба с афганскими мятежниками, которые применяют «гибридные» методы противоборства, предполагает не столько устранение боевиков, сколько защиту от них мирных жителей и привлечение последних на свою сторону. Военное командование должно чувствовать национальную специфику, понимать, как функционируют местные структуры власти, а также учитывать культурные особенности страны и ее экономический уклад.

«Необходимо создать систему разведки, способную снабжать руководство достоверной, хорошо обоснованной и полезной информацией из самых отдаленных уголков Афганистана. Если этого не произойдет, то Соединенные Штаты рискуют растратить силы на нанесение ударов по ложным целям и, быть может, проиграть битву с противником, которого они вполне могли перехитрить — имея в своем распоряжении адекватную информацию»[5].

Однако, по мнению западных экспертов, до сих пор многие органы управления военной разведки коалиции в Афганистане невосприимчивы к «социально-ориентированному» подходу.

Постоянно возникающие противоречия между появлением новой роли разведки и устаревшими (консервативными) представлениями о ней заставили американскую администрацию разработать Закон о реформе разведки и предупреждении терроризма, а также четыре Стратегии в области разведывательной деятельности. Последняя издана в 2019 году[6].

По мнению разработчиков, реализация данных стратегий на практике должна изменить качество ведения разведки как в мирное время, так и в ходе вооруженных конфликтов. Стратегии предусматривают:

- повышение уровня сотрудничества по вопросам разведки между

государственными, местными и частными организациями;

• создание интеллектуальной культуры, способствующей обсуждению, а также выражению разведчиками особого мнения;

• оптимизацию возможности сбора разведывательной информации (повысить качество сбора информации из открытых источников, людей и более эффективно использовать информационные технологии);

• расширение сотрудничества на всех уровнях разведывательного обеспечения с изменением подхода «необходимо знать» на подход «необходимо делиться»;

• унификацию методов разведывательной деятельности всех министерств и департаментов, участвующих в конфликте;

• усиление сотрудничества с контрразведкой для обеспечения безопасности разведывательной деятельности;

• создание системы вознаграждений, стимулирующих разведывательную деятельность.

Западные специалисты считают, что реализация на практике данных положений в значительной мере решит проблемы разведывательного обеспечения группировок войск в вооруженных конфликтах.

История демонстрирует, что неправильной оценки роли разведки в достижении победы над противником не избежало и отечественное военное искусство.

Проблемы разведывательного обеспечения действий массовых армий России особенно обострились в ходе Первой мировой войны.

С началом военных действий штабы фронтов испытали реальные проблемы, связанные с отсутствием всесторонне оцененных достоверных разведывательных данных. Поступающие от Главного управления Генерального штаба (ГУ ГШ) разведывательные сведения носили общий описательный характер, информация от подчиненных штабов не соответствовала оперативно-стратегическому масштабу действий[7].

Основная причина такого состояния разведки заключалась в том, что в мирное время на штабы приграничных военных округов возлагалась задача создания сил и средств агентурной разведки на театрах военных действий, однако с началом войны руководство военными агентами передавалось ГУ ГШ. На штабы фронтов (которые наряду со Ставкой ВГК и штабами армий создавались по мобилизационному плану) возлагались только задачи по координации разведывательной деятельности штабов армий, анализу поступающей информации и направлению ее в Ставку ВГК. У штабов фронтов непосредственно подчиненных частей разведки предусмотрено не было.

В армиях в основном велась глубокая конная разведка и тактическая разведка (рис. 1), предусматривалось «наблюдение с воздухоплавательных аппаратов». В 1914 году началось становление радиоразведки как специальной службы. Во флотах разведывательные задачи выполнялись в ходе дозорной и «разведочной» служб флота с привлечением корабельного состава. Организацией агентурной разведки флоты не занимались.

Существовавшие проблемы в организации и ведении разведки при переходе от мирного к военному времени (мобилизационный план разведки отсутствовал) привели к стратегическим и оперативным неудачам в Первой мировой войне.

В докладе по Главному управлению Генерального штаба от 1 июля 1917 года содержатся следующие принципиальные выводы: «…Только разведка, прочно и систематически налаженная в мирное время, не прерывающаяся, а усиливающаяся

Рис. 1. Конные разведчики на позиции (1915—1917)

в период мобилизации и продолжающаяся во время войны, даст возможность, выяснив, какими силами и средствами располагают противники, и учитывая их намерения и планы, повести войну, если будет неизбежно вступление в нее, в наиболее благоприятной для нас военной и политической обстановке и окончить ее в возможно короткий срок с возможно малыми потерями и с наименьшими затратами сил и средств. Неналаженность разведки мирного времени перед русско-японской и настоящей войнами и недостаточно разработанные планы мобилизации разведки привели к тому, что разведка в начале этих войн носила случайный характер и, почти заново организованная во время войны полевыми штабами, не могла дать быстрых и серьезных результатов; силы и средства противника перед войной не были правильно учтены, что привело к совершенно ошибочным выводам относительно продолжительности войны; многие операции проведены неудачно, так как не было своевременной, всесторонней и непредвзятой ориентировки начальников; неналаженность разведки приводила к тому, что ряд наступательных операций противника был нами совершенно не предугадан и приводил к катастрофам»[8].

После Октябрьской революции 1917 года Россия, как государство нового типа, за несколько лет создала на стратегическом уровне сеть агентурной разведки в 16 иностранных государствах. К 1940 году ее разведывательные сети функционировали уже в 45 странах мира. Военная академия Генерального штаба ВС РФ гордится тем, что в этот период в рядах агентурной военной разведки, действовавшей в США, состоял М.А. Мильштейн, в послевоенные годы долгое время возглавлявший кафедру разведки.

В Москву регулярно поступала ценная разведывательная информация о замыслах США, Англии, Франции, Польши и Японии по захвату советских территорий как на западе, так и на востоке страны. Примечательно, что о существовании сверхсекретной директивы № 21 о плане нападения Германии на СССР Центру стало известно уже на одиннадцатый день после ее утверждения Гитлером[9].

Вместе с тем начальный период Великой Отечественной войны вскрыл ряд нерешенных организационных проблем оперативной и тактической разведки. Представленные архивные материалы убедительно свидетельствуют, что эти проблемы обусловили неудачи на всех фронтах.

«Всесторонним изучением противника мы не занимаемся и сведения о нем добываем, обрабатываем и изучаем поверхностно. Штабы и командиры не ведут систематического изучения противника в деталях, последовательно накапливая данные и углубляя изучение положения противника перед собой. По изучению противника практикуется эпизодичность и исключительная поверхностность. Командиры, несмотря на 3-месячный период времени беспрерывных боев, до сих пор не осознали важности разведки и не уделяют должного внимания укомплектованию разведывательных органов и поднятию их авторитета на

должную высоту. Разведывательные задачи выполняются импровизированными, наспех сформированными отрядами из случайных людей. Разведывательные отряды, где таковые имеются, нередко используются не по прямому назначению. Задачи по разведке ставятся не корректно. Есть немало случаев, когда ценные данные о противнике от артиллерийских и инженерных штабов не попадают в общевойсковые штабы и, таким образом, всесторонне не используются»[10].

Вместе с тем необходимо отметить, что группировка противника, направления и сроки перехода ее в наступление были вскрыты разведкой довольно точно, что подтверждается немецкими источниками[11].

Осознание важности разведки в достижении превосходства над противником и наличия множества нерешенных проблем в этом вопросе послужило причиной издания в 1943 году приказа наркома обороны, содержащего требования к организации и ведению разведки. Необходимость издания данного приказа также объясняется и тем, что в этот период советские войска стали проводить больше наступательных операций, а наступление без тщательной разведки обречено. Приказывалось использовать разведывательные подразделения только для выполнения ответственных задач по разведке, в то время как всем остальным без исключения подразделениям, частям и соединениям вести наблюдение за противником, разведку его системы огня, проводить захват «языка». Командирам соединений и частей надлежало заботливо организовывать непрерывную и активную разведку.

Отношение к разведке как к важнейшему фактору победы над противником со стороны командующих и командиров всех уровней резко изменилось. Повысилась степень централизации разведки, особенно на этапе подготовки предстоящих боевых действий. Штабы проводили согласование действий сил и средств разведки различных родов войск и служб по задачам, месту и времени, изучали и обобщали передовой опыт, доводили его до всех командиров, штабов, разведывательных органов, подразделений и частей.

Повысился ранг начальника разведки штаба корпуса и штаба дивизии — он стал заместителем начальника штаба по разведке, что значительно расширило его полномочия в организации разведки, позволило централизовать сбор разведывательной информации[12].

Результаты не заставили себя долго ждать. В 1943 году произошел резкий рост количества проведенных всеми фронтами разведывательных операций — 117 631. В последующий год прирост результатов разведывательной деятельности составил 15 %. В 1944 году проведено уже 180 464 разведывательные операции[13].

Только в ходе Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» (23 июля — 29 августа 1944 г.) силами разведки 2-го Белорусского фронта захвачено в плен 18 951 солдат и офицер противника, уничтожено 11 271 человек (рис. 2).

Разведчики блестяще выполняли все задания командования. Символично, что Знамя Победы над поверженным рейхстагом водрузили именно разведчики — Михаил Егоров и Мелитон Кантария, а акт о капитуляции Японии, ознаменовавший окончание Второй мировой войны, подписал от имени Советского Союза также военный разведчик — генерал-лейтенант К.Н. Деревянко, в последующем начальник кафедры разведки ВАГШ ВС СССР.

В послевоенные годы разведка нашей страны преобразовалась в уникальную, единственную в мире систему, располагающую всеми из-

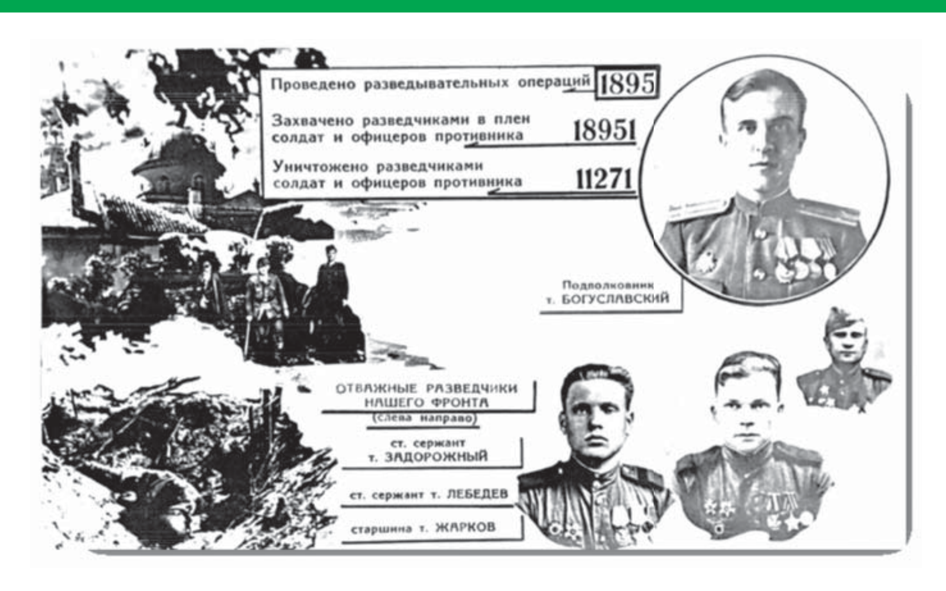

Рис. 2. Результаты ведения разведки 2-м Белорусским фронтом в ходе Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион»

вестными силами и средствами добывания сведений, необходимых для гарантированного обеспечения безопасности страны от ядерной угрозы. Появились новые виды разведки — космическая и специальная.

Возросший потенциал военной разведки позволил достичь превосходства над противником и успешно решать задачи в ходе Корейской войны, Берлинского и Карибского кризисов, во времена арабо-израильских войн.

Действия ограниченного контингента советский войск в Афганистане обеспечивались всеми видами стратегической и оперативной разведки. По заявлениям начальника ГРУ ГШ ВС СССР И.П. Ивашутина: «ГРУ удалось создать в Афганистане такую разведку, какую мир не видывал»[14].

Однако в условиях Афганской войны командование ограниченного контингента советских войск (еще задолго до действий западной коалиции в этой стране) столкнулось с проблемой вскрытия силами и средствами разведки иррегулярных группировок противника, сформированных западными инструкторами из местных жителей. Нестандартный противник и нестандартная тактика его действий потребовали применения нестандартных форм противоборства. В этой связи основной формой применения войск стали специальные действия. Разведывательные органы частей специального назначения массово применялись как для ведения специальной разведки, так и для решения специальных задач (рис. 3).

Рис. 3. Разведывательная группа специального назначения при выполнении боевой задачи в Афганистане

Тактика действий боевиков, в которой преобладали маневренные действия, выявила проблему низкой оперативности предоставления разведывательных данных командованию и огневым (ударным) средствам поражения.

При подготовке операций особое внимание уделялось организации взаимодействия средств поражения с органами разведки, исключающего утечку информации. Такой подход обеспечил успешное проведение нескольких значимых операций.

Несмотря на приобретенный богатейший опыт разведдеятельности в Афганистане, теория военного искусства в «годы перестройки и политических реформ» не смогла уделить должного внимания его обобщению. А через несколько лет выявленные в Афганистане проблемы проявились вновь, но уже в ходе борьбы против незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе.

При абсолютном превосходстве над противником по боевой мощи Объединенная группировка войск (сил) на начальной фазе конфликта не имела успеха. Без должного разведывательного обеспечения действия федеральных войск (сил) против противника, избравшего методы партизанской войны в городских условиях и в горно-лесистой местности, приводили к огромным потерям. С другой стороны, наибольшего успеха при наименьших потерях добивались командиры, уделявшие самое серьезное внимание организации и ведению разведки.

Базовой причиной низкого качества разведывательно-информационного обеспечения действий войск (сил) в контртеррористической операции, как указано в аналитических документах и научно-исследовательских работах, является отсутствие у командующих и командиров общевойсковых соединений и частей инициативы

Осознание важности разведки в достижении превосходства над противником и наличия множества нерешенных проблем в этом вопросе послужило причиной издания в 1943 году приказа наркома обороны, содержащего требования к организации и ведению разведки. Необходимость издания данного приказа также объясняется и тем, что в этот период советские войска стали проводить больше наступательных операций, а наступление без тщательной разведки обречено.

в организации разведки. Проведение военно-уставных экспертиз показывает, что командующие, организуя боевые действия, указания по организации разведки зачастую не отдавали, а начальники штабов планированием разведки не занимались, формально организовывали централизованный сбор разведывательной информации. В итоге подразделения выполняли задачу «вслепую». Внезапная встреча с противником не являлась редкостью и приводила к потерям.

«Командиры, как правило, вместо того чтобы организовать разведку своими силами и средствами, запрашивали разведывательные данные об объектах, находящихся непосредственно перед их войсками, у вышестоящих штабов. При этом в большинстве случаев разведывательные части и подразделения использовались командирами для решения боевых задач совместно с мотострелковыми и танковыми подразделениями. Разведывательные взводы придавались мотострелковым батальонам, разведывательные задачи им не определялись. Система наблюдения с применением средств радиолокационных станций разведки в подразделениях не создавалась. Разведывательная ин-

формация до средств поражения, как правило, доводилась с опозданием и в открытом режиме. Начальники разведок дивизий не имели своих средств управления подчиненными силами».

Известен случай назначения начальника разведки полка командиром резервного подразделения. При этом в ходе боевых действий его обязанности по руководству силами и средствами разведки и осуществлению сбора и обработки разведывательной информации никто не исполнял. Полк потерял только в одном бою около 100 человек.

Тем не менее офицеры и солдаты-разведчики при выполнении поставленных задач в контртеррористической операции проявили небывалое мужество и патриотизм. Иногда ценой собственной жизни.

Руководство Вооруженными Силами Российской Федерации извлекло уроки из этого конфликта. Приняты меры к разработке дорожных карт по совершенствованию систем стратегической и оперативной разведки. Однако на практике процесс «организационной оптимизации» в 2000-х годах привел к усугублению функциональных проблем разведки, особенно в деятельности разведывательно-информационных органов. Численность частей управления оперативной разведки, а также кафедр разведки в вузах сократилась. На то время не все войсковые инстанции обладали автоматизированными системами управления разведкой. Поэтому, несмотря на большое количество разведывательных органов, сведения от них своевременно не доходили до потребителей информации.

Нестандартный противник и нестандартная тактика его действий потребовали применения нестандартных форм противоборства. В этой связи основной формой применения войск стали специальные действия. Разведывательные органы частей специального назначения массово применялись как для ведения специальной разведки, так и для решения специальных задач.

Новый этап развития отечественной военной разведки непосредственно связан с приходом к руководству Министерством обороны России генерала армии С.К. Шойгу и назначением начальником Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерала армии В.В. Герасимова.

В течение короткого периода удалось осуществить централизацию системы управления разведкой Вооруженных Сил, в ее состав вошли новые специальные и информационные компоненты. Разведывательные, специальные и информационные задачи стали решаться комплексно и эффективно. Возросший потенциал системы разведки проявился в успешных практических действиях упреждающего характера.

Роль новой системы разведки России в обеспечении национальной безопасности страны стала наиболее очевидной после крымских событий. В данной связи в Военной академии Генерального штаба срочно сформировали кафедру разведки и специальных действий, выстроили единую систему подготовки кадров. В войсках развернули новые разведывательные соединения и части, на качественно новый уровень вышла автоматизация разведывательно-информационных процессов.

На современном этапе военная разведка успешно способствует выполнению задач, стоящих перед Вооруженными Силами России в различных кризисных регионах мира.

В настоящее время разведчики профессионально действуют в Сирийской Арабской Республике, помогая сирийскому народу сохранить свою государственность. По заявлению начальника Главного оперативного управления ГШ ВС РФ генерал-полковника С.Ф. Рудского: «На территории Арабской Республики развернута многоуровневая система военной разведки России, взаимодействующая с национальными органами разведки Сирии и даже с оппозиционными формированиями»[15]. В состав системы включены силы и средства разведки всех видов Вооруженных Сил РФ, разведка ведется на земле и в море, в воздушно-космическом пространстве и в информационной сфере. Силы разведки не только обеспечивают принятие оперативных решений и передачу целеуказаний высокоточным средствам поражения наземного, воздушного и морского базирования, но и самостоятельно уничтожают важные объекты противника (рис. 4).

Рис. 4. Группа Сил специальных операций ВС РФ осуществляет поражение важного объекта противника

Офицеры, получившие боевой опыт в этой республике, лично убедились в значимости разведки для достижения поставленных политических и стратегических целей.

Под руководством Генерального штаба ВС РФ и командующего группировкой войск (сил) в Сирии ежедневно проводятся разведывательные и специальные, информационные и психологические операции, мероприятия и акции, осуществляется подготовка воинских формирований национальных вооруженных сил Сирии.

Деятельность разведки оценена Верховным Главнокомандующим ВС РФ В.В. Путиным: «Высокий профессионализм и уникальные возможности, в том числе по проведению специальных операций, — вот что отличает разведку. Разведка является неотъемлемой частью воинского дела и ратной науки. Высоко ценю информацию, аналитические материалы и доклады, которые готовятся для руководства страны. Так было всегда и везде на протяжении веков. Еще до начала и в годы Великой Отечественной войны разведка создала уникальную систему своевременного сбора и передачи ценнейшей информации, которая прямо влияла на исход огромных сражений. В Сирии военная разведка также сыграла огромную роль в уничтожении глава-

рей бандитов, баз и инфраструктуры боевиков, в нанесении точечных, разящих ударов нашей авиации и флота. Ваши дерзкие операции, умение в сложнейшей обстановке ставить в тупик сильного и опытного противника — пример для новых поколений сотрудников. Военная разведка России является мощным и действенным инструментом защиты наших национальных интересов»[16].

Такие оценки в очередной раз подтверждают объективный характер влияния разведки на достижение победы в военных конфликтах, а также на их предотвращение. К настоящему времени более 750 военных разведчиков удостоены звания Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации. В процессе работы над статьей был издан Указ Президента РФ — впервые в истории военной разведки звания Героя Российской Федерации удостоен начальник разведки военного округа — полковник Назаренко Александр Владимирович.

Роль новой системы разведки России в обеспечении национальной безопасности страны стала наиболее очевидной после крымских событий. В данной связи в Военной академии Генерального штаба срочно сформировали кафедру разведки и специальных действий, выстроили единую систему подготовки кадров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Выступление Президента Российской Федерации на торжествах, посвященных 100-летию образования ГРУ ГШ ВС РФ. 02.11.2018. URL: https//www.1 tv.ru (дата обращения: 19.04.2021).

[2] Joint Publication 2-0. Joint Intelligence // Joint Chiefs of Staff, 2013. URL: https//www.fas.org/dodder/jp2_0.pdf (дата обращения: 18.04.2021).

[3] FM 2-0. Intelligence // Headquarters Department of the Army, 2008. URL: https//www.fas.org/dodder/jp2_0.pdf (дата обращения: 18.04.2021).

[4] Военная разведка — ключ к победе в Афганистане. 2020. URL: https//www.golosameriki.com (дата обращения: 17.04.2021).

[5] Там же.

[6] Мир под куполом: разведчики США получили новую стратегию. 26.01.2019 г. URL: https//www.gazeta.ru (дата обращения: 19.04.2021).

[7] *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война, часть первая. М.: Русская разведка, 2001, 511 с.

[8] Там же.

[9] Слава и гордость военной разведки России / под. ред. И.В. Коробова. М.: ГУ ГШ ВС РФ, 2018, 149 с.

[10] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны № 11. М.: Воениздат военного министерства Союза ССР, 1950, 220 с.

[11] *Хаупт* В. Восточный фронт 1941—1945. Подлинная история. С. 240—242.

[12] *Португальский Р.М.* Совершенствование разведки в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие. М.: ВАФ, 1984, 168 с.

[13] Боевая деятельность войсковых разведчиков Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны. М.: 1945, 220 с.

[14] Слава и гордость военной разведки России.

[15] Выступление начальника Главного оперативного управления ГШ ВС РФ на брифинге МО России по ситуации в Сирии. 25.12.2015. URL: https//www.Россия24.ru (дата обращения: 20.04.2021).

[16] Выступление Президента Российской Федерации на торжествах, посвященных 100-летию образования ГРУ ГШ ВС РФ.

Оценка и учет командиром соединения (воинской части) социально-политической обстановки в районе предстоящих боевых действий

Полковник запаса С.В. ГОНЧАРОВ,
кандидат педагогических наук

Подполковник В.В. ОСТРОВЕРХИЙ,
кандидат педагогических наук

АННОТАЦИЯ

Раскрывается вариант методики оценки социально-политической обстановки в районе предстоящих боевых действий в условиях современной войны. Дана краткая характеристика факторов, составляющих эту обстановку с приведением их весовых коэффициентов. Раскрыты порядок оценки социально-политической обстановки и механизм учета полученных выводов в решении командира соединения (воинской части) на бой (боевые действия).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социально-политическая обстановка, боевые действия, методика оценки, информационно-политическое и психологическое состояние военнослужащих, решение на бой (боевые действия).

ABSTRACT

The paper highlights a methodology of estimating the sociopolitical situation in the area of prospective combat actions in conditions of modern warfare. It briefly characterizes the factors that make up this situation citing their weight coefficients. It also describes the procedure of sociopolitical situation assessment and the mechanism of considering the conclusions obtained in the battle plan made by the formation/troop unit commander.

KEYWORDS

Sociopolitical situation, combat actions, assessment methodology, information-political and psychological state of servicemen, battle plan (combat actions).

В СОВРЕМЕННЫХ условиях все большее влияние на ход и исход боевых действий воинских формирований оказывает социально-политическая обстановка. Согласно концепции многосферных операций (*Multi-Domain Operations*) армии США, уже в ближайшем будущем в любом военном конфликте социокультурная сфера (среда) станет такой же ареной борьбы, как и сфера физическая[1]. Эта точка зрения подтверждается и российским опытом — всесторонняя оценка и грамотный учет социально-политической обстановки в Сирийской Арабской Республике зачастую позволяли российскому командованию добиваться решения стоящих задач на территории этой страны без применения военной силы, что, в свою очередь, приводит к повышению авторитета нашей страны на международной арене.

Как показывает анализ, под *социально-политической обстановкой* (СПО) сегодня понимается совокупность экономических, социальных, политических, демографических и экологических факторов, влияющих на морально-политическое и психологическое состояние личного состава. При ее оценке учитывается национальный и социальный состав населения, его отношение к войне и войскам (силам), наличие политических партий и общественных организаций, их военно-политические ориентации и степень возможного влияния на местное население; особенности национальной психологии, обычаи и нравы населения; степень подверженности населения пропаганде и психологическому воздействию[2]. Вместе с тем для того, чтобы включить характеристики социально-политической обстановки в оперативные и тактические расчеты, позволяющие реально учитывать ее при принятии командирами решений на боевые действия, сегодня крайне необходимо:

а) уточнить слагаемые (компоненты) СПО;

б) выразить каждый компонент СПО в конкретных количественных величинах.

Исследование всех объективных явлений нематериального характера, существенно влияющих на морально-политическое и психологическое состояние (МППС) военнослужащих и определяющих их поведение в условиях военного конфликта, позволяет выделить в структуре СПО три основных компонента:

• социально-политическую макросреду;

• социально-политическую среду района расположения воинского формирования (района боевых действий);

• социально-политическую среду, создаваемую непосредственно внутри соединения (воинской части).

Методику оценки социально-политической обстановки, таким образом, целесообразно построить на детальном анализе типичных свойств каждого слагаемого указанной обстановки, выявлении ее наиболее значимых факторов и измерении их весовых коэффициентов.

Социально-политическая макросреда характеризуется факторами (процессами), возникающими вне района непосредственного расположения противоборствующих воинских формирований, однако способными существенно влиять на МППС их личного состава. Это прежде всего факторы, которые функционируют в *идеологической сфере* и, по сути, в наибольшей степени формируют морально-психологический потенциал сторон*:

* Часть факторов социально-политического характера, действующих на макроуровне, будут определять МППС военнослужащих еще до их прибытия в район вооруженного конфликта.

• устоявшиеся взгляды сограждан и в первую очередь наиболее авторитетных для военнослужащих лиц на характер войны (справедливая/несправедливая; освободительная/захватническая);

• официальные идеологические установки, пропагандируемые на государственном уровне;

• мировое общественное мнение;

• контент и общая направленность публикаций средств массовой информации (СМИ), другой общественно-политической информации, проникающей в районы расположения соединений и воинских частей;

• нормативные положения, определяющие статусы военнослужащих

(в том числе как участников боевых действий) и других комбатантов сторон вооруженного конфликта.

Анализ исторического опыта показывает: характер действий в бою личного состава (активный — пассивный, самоотверженный — самосохраняющий и др.) во многом зависит от *отношения к войне народа*, от степени ее популярности среди граждан страны. Образ войны в сознании людей приобретает ту или иную эмоциональную окраску в зависимости от того, насколько успешно, на чьей территории ведутся боевые действия и какая часть населения физически и психологически принимает в них участие. Благодаря работе механизмов психического заражения, внушения, подражания военнослужащие усваивают господствующий в обществе настрой, формируют соответствующие установки и мотивы боевого поведения. В этой связи более столетия назад военные психологи России отмечали, что «никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в Отечестве». Анализ хода и исхода вооруженных конфликтов последнего времени убедительно подтверждает психологическую закономерность: победоносные войны имеют в своей основе идеи, понятные и близкие каждому гражданину. Психологическая готовность военнослужащих к самоотверженному выполнению поставленных задач в немалой степени определяется также *отношением народа к армии*. В современных условиях нельзя игнорировать и такой фактор социально-политической обстановки, как общественное мнение, культивируемое за пределами страны.

Социально-политические факторы, которые возникают и локализуются *непосредственно в районе расположения соединения (воинской части)*, как правило, более динамичны. В первую очередь к ним следует отнести позицию местных органов власти (самоуправления), неформальных лидеров и местного населения. Ключевым показателем названной позиции необходимо считать дихотомическую оценку статуса противоборствующих группировок по типу освободитель — оккупант, свой — чужой.

Наконец, МППС личного состава воинского формирования будет во многом определяться и социально-политическими факторами, действующими *внутри этого формирования*: качеством военно-политической работы (морально-психологического обеспечения) и социального управления**.

Предварительная систематизация и измерение весовых коэффициентов*** вышеизложенных факторов социально-политической обстановки позволили выявить наиболее значимые из них (табл.).

** Социальное управление — это управление в системах, элементами которых являются люди.
*** Измерение весовых коэффициентов факторных показателей СПО осуществлялось методом приписывания баллов.

Для определения степени выраженности каждого факторного показателя СПО была разработана 4-балльная шкала, в которой каждому конкретному баллу приписана определенная совокупность признаков. В частности, взгляды сограждан на характер вооруженного конфликта предлагается оценивать по следующей шкале:

1 балл — крайне негативное общественное мнение по отношению к участию своей стороны в вооруженном конфликте, многочисленные массовые протесты, оппозиционные заявления со стороны авторитетных политиков, открытое выражение недоверия руководству страны;

Таблица

**Значимость факторов социально-политической обстановки
в районе боевых действий**

Усл. обознач-е	Наименование факторного показателя	Весовой коэффициент (λ)
v.1	Интенсивность идеологического воздействия (степень контроля информационного пространства) на государственном уровне	0,12
v.2	Взгляды сограждан на характер вооруженного конфликта	0,13
v.3	Статус участников боевых действий, уровень социальной защиты	0,15
v.4	Отношение местного населения, наличие и активность оппозиции в районе предстоящих действий	0,11
v.5	Качество военно-политической работы (морально-психологического обеспечения) в воинском формировании	0,14
v.6	Уровень информационно-психологического воздействия со стороны противника	0,1
v.7	Уровень криминогенной, религиозной и национально-этнической напряженности в районе предстоящих действий, наличие беженцев	0,07
v.8	Качество управления воинским формированием	0,18

2 балла — наличие скрытого недовольства вооруженным конфликтом, отсутствие признаков всеобщего антагонизма к противнику, терпимое отношение к фактам уклонения от борьбы с ним, отсутствие веры в политическое и военное руководство, возможность победы;

3 балла — поддержка участия страны в вооруженном конфликте, признание его справедливости преимущественно на идеологическом уровне общественного сознания; наличие отдельных признаков недовольства войной, недоверия руководству на социально-психологическом (бытовом) уровне;

4 балла — многочисленные признаки «народной войны», полное признание населением ее справедливости (необходимости участия в вооруженном конфликте); выражение единства с армией, доверия руководству страны и, напротив, антагонизма к противнику.

Кроме оценочной шкалы для каждого фактора СПО была уточнена совокупность качественных характеристик (причины и характер основных противоречий сторон; тематика, состав сил и средств, возможности ИПВ противника; предоставляемые участникам вооруженного конфликта льготы и преимущества и др.), позволяющих сделать развернутые выводы о предмете оценки. В интересах формирования у экспертов и лиц, принимающих решения, пространственного представления о социально-политической обстановке в зоне конфликта, в методике предусмотрен перечень подлежащих анализу картографических данных (районы компактного проживания некоренного населения, в том числе этнических групп, негативно относящихся к руководству страны; районы повышенной политической и религиозной активности; районы неблагополучной криминальной обстановки; районы скопления беженцев, маршруты их перемещения).

Необходимо подчеркнуть, что при разработке шкалы и других элементов

методики оценки СПО изначально предполагалось, что она должна отвечать таким требованиям, как:

- оперативность, простота сбора и обработки первичных оценочных данных;
- валидность и объективность;
- возможность использования результатов оценки при производстве тактических расчетов в интересах подготовки обоснованного решения на тактические действия (бой);
- возможность создания на основе методики математической модели и специального программного обеспечения системы автоматизированного управления войсками.

Последнее требование авторами было частично реализовано при разработке постановки задачи «Расчеты по обоснованию и формированию выводов из оценки социально-политической обстановки» в рамках проекта автоматизированной системы управления тактического звена (АСУ ТЗ).

Вышеизложенные положения позволяют предложить следующий *порядок* оценки социально-политической обстановки в районе предстоящих боевых действий:

- выявление и систематизация исходных данных;
- экспертная оценка полученных данных и их интерпретация в балльные значения по каждому факторному показателю;
- расчет числовых значений показателей СПО с учетом их весовых коэффициентов;
- определение интегрального значения влияния СПО на МППС каждой из сторон с его использованием в дальнейших расчетах;
- анализ качественных и пространственно-временных характеристик факторов СПО, формулирование выводов.

Степень влияния факторов СПО на МППС личного состава может быть измерена с помощью формулы:

$$V(t)_{СП} = \sum_{l=1}^{8} v_l \lambda_l = v_1\lambda_1 + v_2\lambda_2 + \ldots v_8\lambda_8 , \qquad (1)$$

где: $V(t)_{СП}$ — обобщенный показатель влияния СПО на МПС личного состава в период подготовки к действиям по предназначению (восстановления боеспособности);

v_l — l-е значение фактора социально-политической обстановки;

λ_l — весовой коэффициент l-го фактора СПО.

Социально-политическая обстановка не является единственной группой факторов, оказывающей существенное влияние на морально-политическое и психологическое состояние противоборствующих сторон в районе боевых действий. Закономерно эти состояния будут определяться и материальными (как материально-техническими, так и боевыми) факторами. Уровень морально-психологической готовности к бою, например, своего соединения (воинской части) в результате этого суммарного влияния можно рассчитать по формуле:

$$\psi_с(t) = \psi_с(0)\ [(V(t)_{СП}\, r_{СП} + V(t)_{М}\, r_{М}) / \psi_с(0)]^{1/2} , \qquad (2)$$

где: $\psi_с(0)$ — исходный уровень МППС личного состава (морально-психологический потенциал) соединения (воинской части) на момент получения боевой задачи;

$V(t)_М$ — обобщенный показатель влияния на МППС личного состава в период подготовки к действиям материальных факторов;

$r_М$ — коэффициент значимости материальных факторов в районе расположения соединения (воинской части);

$r_{ИП}$ — коэффициент значимости факторов СПО.

Психологическая готовность военнослужащих к самоотверженному выполнению поставленных задач в немалой степени определяется отношением народа к армии.

При этом предварительные исследования показали, что значимость социально-политической обстановки в ряду других условий успешного выполнения боевой задачи составляет не менее 0,28 единиц (28 %). Указанное предположение подтверждается и историческим опытом. Так, если использовать приведенную выше методику, можно констатировать, что в ходе первой чеченской войны интегральный показатель СПО для российских федеральных войск составил 0,18 единиц, а во второй кампании, завершившейся, как известно, уничтожением террористической группировки в Чечне, — уже 0,46.

Важным условием востребованности любой оценочной методики является наличие в ее структуре механизма (логико-математической модели) интерпретации полученных выводов в процессе принятия управленческих решений. Обладание средством для ответа на вопрос, какие из факторов СПО будут оказывать в районе боевых действий наиболее существенное влияние (как положительное, так и отрицательное) на противоборствующие стороны, позволяет командиру:

во-первых, при определении замысла боевых действий предусмотреть меры по снижению интенсивности влияния негативных факторов на личный состав своего воинского формирования и, напротив, по активизации воздействия аналогичных факторов на войска противника;

во-вторых, при моделировании содержания военно-политической работы с личным составом (морально-психологического обеспечения) соединения (воинской части) в интересах решения боевой задачи спланировать мероприятия, позволяющие в кратчайшие сроки достичь морально-психологического превосходства над противником.

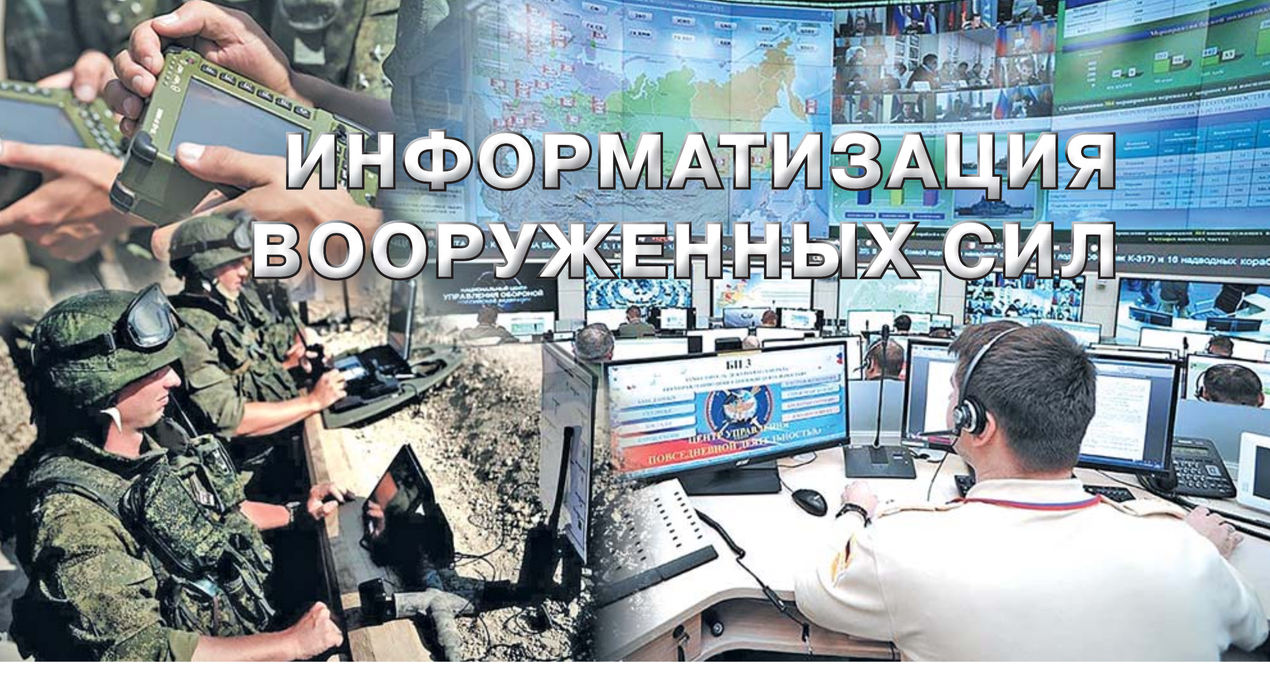
Так, знание отношения к войскам местного населения обеспечивает выбор оптимальных маршрутов выдвижения в район предстоящих действий. Оценка потенциала противника по информационному противоборству дает возможность уточнить объекты огневого поражения и радиоэлектронного подавления. Анализ сведений о направленности негативного ИПВ на наши войска способствует конкретизации тематики и форм военно-политической работы в соединении (воинской части).

Предлагаемая методика оценки социально-политической обстановки обеспечивает учет морально-психологического фактора в решении командира на боевые действия (бой), а также выбор результативных (в том числе невоенных) способов достижения морально-психологического превосходства над противником. Вместе с тем обязательной предпосылкой реализации этих возможностей является наличие соответствующих программных средств в программно-технических комплексах автоматизированных систем управления войсками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Multi-Domain Battle: Evolution of Combined Arms for the 21st Century 2025—2040, Training and Doctrine Command 2017. P. 1.

[2] См.: Основы военно-политической работы: учебник. М.: ВУ, 2019. С. 116—117; Военно-политическая работа в войсках (силах) в военное время: учебник. М.: ВУ, 2020. С. 77—78.

Общая методика обоснования требований к системе технического обеспечения связи и автоматизированных систем управления

А.В. МОРОЗОВ,
кандидат технических наук

Подполковник А.А. САМОХВАЛОВ

Полковник Н.Н. СИРКО

АННОТАЦИЯ

Проведен анализ подхода к разработке методики обоснования требований к системе технического обеспечения связи и автоматизированных систем управления.

ABSTRACT

The paper analyzes the approach to developing a methodology of justifying requirements for the system of technical support of communication and automated control systems.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Требования к системе, техника связи, техническое обеспечение связи и автоматизированные системы управления, требования к системе, методика обоснования требований.

KEYWORDS

Requirements for system, communication equipment, technical support of communication and automated control systems, methodology of justifying demands.

ПРИ РАЗВИТИИ Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ) на современном этапе система военной связи и автоматизированные системы управления являются важнейшими составными частями технической основы системы военного управления и относятся к средствам

управления войсками (силами). От их состояния зависит эффективность применения войск (сил), боевых средств и оружия в условиях ведения современной войны, решающую роль в которой играет скорость обмена информацией и передачи управляющих воздействий в реальном масштабе времени с требуемым качеством.

Обеспечение постоянной технической готовности системы военной связи и автоматизированных систем управления (АСУ) к применению по назначению является главной задачей в процессе управления войсками, силами и оружием. Техническое обеспечение связи и автоматизированных систем управления (ТОС и АСУ) выделено в отдельный вид технического обеспечения и включает комплекс мероприятий, которые направлены на:

• обеспечение войск техникой связи и АСУ;

• поддержание ее в исправном (работоспособном) состоянии и в постоянной готовности к применению по назначению;

• восстановление и возвращение в строй при повреждениях и эксплуатационных отказах[1].

Эффективность применения вооруженных сил любой страны всегда зависит от уровня их оснащенности современным вооружением. Сегодня ВС РФ оснащаются современными образцами вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), совершенствуется и модернизируется система управления Вооруженных Сил, исходя из требований обеспечения военной безопасности государства.

В настоящее время в соответствии с концепцией системного подхода и структурой жизненного цикла основными этапами создания образца ВВСТ являются исследование и обоснование разработки, разработка и производство, каждый из которых может быть представлен определенной совокупностью решаемых задач. Наиболее важными из них являются выработка требований к системе, подразумевающая формирование совокупности требований и ее научное обоснование, и, как следствие, разработка документации — методики обоснования требований к системе ТОС и АСУ. Опыт разработки современных сложных технических систем, образцов ВВСТ показывает, что это мероприятие представляет собой в техническом и организационном отношениях весьма трудоемкий и многоэтапный процесс, длительность которого (с момента возникновения идеи создания системы до ввода в эксплуатацию хотя бы одного варианта) колеблется в зависимости от типа системы и различных обстоятельств от двух до пятнадцати лет[2].

Номенклатура состоящей на снабжении ВС РФ техники связи и автоматизированных систем управления (ТС и АСУ) насчитывает очень большое количество образцов, созданных на различной элементной базе и отличающихся уровнем сложности исполнения. Поэтому достижение главной цели ТОС и АСУ — поддержание максимально возможной обеспеченности войск (сил) работоспособной (исправной) и готовой к применению по назначению техникой связи и АСУ — является весьма сложной задачей[3].

Недооценка состояния системы ТОС и АСУ ВС РФ в современных условиях может привести к снижению технической готовности средств управления войсками, силами и оружием, а также к нарушению стабильного функционирования системы управления Вооруженных Сил РФ в целом. Разработка, совершенствование и повышение характеристик современных и перспективных образцов ТС и АСУ идет по пути увеличения сложности их состава. На это оказывает большое влияние увеличение круга решаемых задач, разнообразие условий применения ТС и АСУ, ужесточе-

ние требований по эффективности, а также внедрение новых высокотехнологичных решений и технологий.

Необходимость формирования тактико-технических требований к системе ТОС и АСУ возникает еще на этапе проектирования. Определяется необходимый состав техники связи, конструктивное исполнение и технические характеристики блоков и систем. Также необходимо провести и разработку диагностического обеспечения для оценивания технического состояния ТС и АСУ. В итоге, после проведения работ по формированию и обоснованию требований, получают результаты, которые будут являться исходными данными, необходимыми разработчику для того, чтобы обоснованно приступить к разработке образца ВВСТ.

Однако в настоящее время отсутствует инструмент, позволяющий провести обоснование требований к системе ТОС и АСУ, в связи с чем должны быть предъявлены требования перед построением системы ТОС и АСУ (объекту или процессу ТОС и АСУ), а если требования не предъявить, то нет возможности построить объект ТОС и АСУ и организовать правильное функционирование процесса ТОС и АСУ.

Подход к решению возникшей задачи можно рассмотреть на примере определения требований к системе ТОС и АСУ отдельной воинской части. Будем использовать зависимость обеспеченности воинской части ТС и АСУ от коэффициентов готовности образцов ТС и АСУ[4,5]. Прямую зависимость обеспеченности воинской части ТС и АСУ от коэффициентов готовности образцов ТС и АСУ получить не представляется возможным по причине сложности и многочисленности факторов, оказывающих влияние на обеспеченность, а также совокупной степени их влияния на коэффициенты готовности образцов ТС и АСУ[6,7].

В основу разработки методики обоснования требований к системе ТОС и АСУ необходимо положить требования по назначению, по надежности, а также необходима технико-экономическая оценка применения ТОС и АСУ с характеристиками, соответствующими предъявленным требованиям.

Ранее было определено, что обоснование требований к системе заключается в определении наилучших значений характеристик с учетом тактико-технического задания (ТТЗ)[8,9]. Как правило, решение такой задачи имеет итерационный процесс, в основе которого лежит использование специфических методов оптимизации. Однако следует отметить, что в связи с особенностями многокритериальных задач обоснования требований (сложность и нелинейность критериев, многочисленность ограничений) классические методы скалярной оптимизации (вариационное исчисление, динамическое программирование, принцип максимума Портнягина и др.) не могут быть эффективно использованы для их решения. С этой точки зрения более целесообразными оказываются следующие шаговые методы оптимизации при условии их реализации на ЭВМ:

- градиентные методы обеспечивают направленный поиск оптимальных решений в пространстве варьируемых (оптимизируемых) параметров;
- методы случайного поиска (метод наилучшей пробы, метод статистического градиента) приводят к определенному случайному блужданию процесса оптимизации;
- метод линейного программирования — поиск, который заключается в зондировании допустимой области пространства характеристик на основе метода статистических испытаний.

Методы, ориентированные на решение задач безусловной оптимиза-

ции функций нескольких переменных, можно разделить на три класса в соответствии с типом используемой при реализации того или иного метода информации:

• методы прямого поиска, основанные на вычислении только значений целевой функции;

• градиентные методы, в которых используются точные значения первых производных функции;

• методы второго порядка, в которых наряду с первыми производными используются также вторые производные функции.

В нелинейном программировании пока что не разработаны универсальные методы, позволяющие решать произвольные задачи, и вряд ли можно надеяться, что в ближайшем будущем такие методы будут созданы. Это обусловлено тем, что реальные задачи минимизации обычно очень сильно отличаются друг от друга как по своей природе, так и по размерности, поэтому большинство методов нелинейного программирования ориентировано на решение определенных классов оптимизационных задач.

При минимизации функции нескольких переменных наиболее целесообразно использовать методы первого и второго порядка, имеющие более высокую скорость сходимости по сравнению с методами прямого поиска. Однако, когда целевая функция имеет сложную структуру или число независимых переменных является большим, очень трудно найти аналитические выражения для частных производных. Более того, функция может быть разрывна. Поэтому часто применяются методы прямого поиска к решению практических задач.

Будем предполагать, что целевая функция непрерывна в рассматриваемой области, а градиент функции может как существовать, так и не существовать.

Таким образом, для определения требований к системе ТОС и АСУ необходимо провести оптимизацию, т. е. постараться найти max (максимум) обеспеченности воинской части ТС и АСУ[10,11]. Учесть необходимые заданные ограничения на показатели функционирования системы ТОС и АСУ, показатели, характеризующие коэффициенты готовности образцов ТС и АСУ по типам, а также показатели надежности и граничную вероятность (погрешность) при определении максимального возможного одновременного появления количества отказов ТС и АСУ в воинской части на заданном интервале времени. Зафиксированные показатели функционирования системы ТОС и АСУ и показатели, характеризующие коэффициенты готовности образцов ТС и АСУ по типам, в том числе и показатели надежности при оптимальном (рациональном) значении обеспеченности части связи ТС и АСУ, и будут являться искомыми требованиями.

Прослеживаются три основных группы показателей, определяющих обеспеченность воинской части ТС и АСУ:

• общие показатели функционирования системы ТОС и АСУ, распространяющиеся на любой тип ТС и АСУ;

• индивидуальные показатели функционирования системы ТОС и АСУ, распространяющиеся на определенный (*i*-й) тип ТС и АСУ;

• показатели надежности *i*-х типов ТС и АСУ, определяющих их состояние.

Общие показатели функционирования системы ТОС и АСУ в основном определяются подсистемой управления и организацией функционирования подсистем снабжения, технического обслуживания и ремонта, а также организацией мониторинга технического состояния образцов ТС и АСУ.

Индивидуальные показатели функционирования системы ТОС

и АСУ определяются также организацией функционирования подсистемы управления, подсистемы снабжения и технического обслуживания и ремонта, однако появляется и технологическая составляющая в виде обеспеченности образцов ТС и АСУ воинской части комплектами запасного имущества и принадлежностями (одиночные ЗИП и групповые комплекты ЗИП).

Показатели надежности ТС и АСУ определяются схемными решениями при конструкторской разработке, технологией изготовления, достигнутыми показателями электрорадиоэлементов, стоимостью и ограничены технологическими возможностями промышленности.

Учитывая вышерассмотренный материал, можно сказать, что организационные требования распространяются на любой тип ТС и АСУ, имеют меньшую стоимость и существенно не зависят от технологии промышленности, а значит, и не ограничиваются ее технологическими возможностями. Таким образом, расчет оптимизации обеспеченности воинской части ТС и АСУ необходимо начинать с ужесточения организационных требований, затем продолжить оптимизацию при изменении организационно-технологических требований и при необходимости завершить изменением технологических требований.

Таким образом, изложенный в статье материал представляет собой общий подход к определению методики обоснования требований к системе ТОС и АСУ при фиксированном количестве и наборе критериев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 2018 г. № 22 «Об утверждении Руководства по техническому обеспечению связи и автоматизированных систем управления ВС РФ».

[2] *Дубовский В.А.* Методика обоснования требований к аппаратуре контроля и диагностирования технического состояния систем управления перспективных оперативно-тактических ракет. НПК «Проблемы технического обеспечения войск в современных условиях» / Труды конференции. СПб.: ВАС, 2016. С. 364—368.

[3] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 2018 г. № 22.

[4] ГОСТ РВ 15.201-2003. Военная техника. Тактико-техническое (техническое) задание на выполнение опытно-конструкторских работ, 2003. 42 с.

[5] Приказ МО РФ 2017 года № 605 «Об утверждении Руководства по проверке и оценке состояния вооружения, военной и специальной техники в ВС РФ».

[6] *Вишняков Н.Н.* и др. Обеспечение технической готовности техники связи и автоматизированных систем управления / Н.Н. Вишняков, А.А. Самохвалов, Н.Н. Сирко, А.В. Морозов // Известия Тульского государственного университета (технические науки). 2020. Выпуск 7 (июнь). С. 236—242.

[7] *Морозов А.В., Самохвалов А.А.* Имитационная модель готовности парка техники связи и автоматизированных систем управления частей (подразделений) связи / 5-я Международная НПК научного отделения № 10 РАРАН. М., 2020. С. 292—297.

[8] *Дубовский В.А.* Методика обоснования требований к аппаратуре контроля… С. 364—368.

[9] ГОСТ РВ 15.201-2003. Военная техника…

[10] *Вишняков Н.Н.* и др. Обеспечение технической готовности техники связи… С. 236—242.

[11] *Морозов А.В., Самохвалов А.А.* Имитационная модель готовности парка техники связи… С. 292—297.

Систематизация основ методологии синтеза критической информационной инфраструктуры Российской Федерации

Полковник О.М. ЛЕПЕШКИН,
доктор технических наук

Майор О.А. ОСТРОУМОВ,
кандидат технических наук

Полковник запаса А.Д. СИНЮК,
доктор технических наук

АННОТАЦИЯ

Введены понятия критичности систем связи и управления. Показана необходимость разработки подходов к систематизации методологии синтеза критической информационной инфраструктуры и критически важных объектов систем связи и управления.

ABSTRACT

The paper introduces the concepts of critical nature of communication and control systems. It shows the need to develop approaches to systematizing the methodology of synthesizing the critical information infrastructure and crucial facilities of communication and control systems.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Критическая информационная инфраструктура, критически важный объект, безопасность информации, функциональная устойчивость, система управления, система связи.

KEYWORDS

Critical information infrastructure, critically important facility, information security, functional stability, control system, communication system.

В СОВРЕМЕННЫХ условиях вопросу обеспечения безопасности уделяется много внимания, причем с каждым годом особенно в сфере информационных технологий он часто становится одним из главных.

Развитие общества, его информатизация, возможность доступа к информации в любых условиях нами понимается как должное. Обращаясь к информации, мы думаем, что она защищена. И если информация отдельного гражданина (если он не крупный руководитель, политик и т. д.) скорее всего заинтересует небольшой круг лиц, то информация о крупных предприятиях, ведомствах государства, их контрактах, сделках, об их руководстве и т. д. интересует многих, особенно это касается силового сектора государства и связанных с ним отраслей промышленности. Объекты интереса нарушителей при различном воздействии на них могут повести себя по-разному: от простого игнорирования их до целенаправленных действий, направленных на предприятие, ведомство,

министерство и т.д. или их части, вследствие чего может быть выведен из строя объект (нарушено его функционирование, управление). Все это может привести к финансовым, материальным и людским потерям, что, несомненно, должно учитываться в военном деле.

В Федеральном законе от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» представлено понятие «критически важный объект» (КВО) как объект, нарушение (или прекращение) функционирования которого приводит к потере управления экономикой РФ, субъекта РФ или административно-территориальной единицы субъекта РФ, ее необратимому негативному изменению (или разрушению) либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения.

В «Основных направлениях государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 03.02.2012 № 803) вводится понятие КВО АСУ.

В июле 2017 года был принят ФЗ № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», определены субъекты и объекты критической информационной инфраструктуры (КИИ). Объектами являются информационные системы (ИС), информационно-телекоммуникационные сети (ИТКС), автоматизированные системы управления (АСУ) субъектов КИИ, кроме этого к КИИ относят сети электросвязи (СЭС), используемые для организации взаимодействия таких объектов. Субъектами — государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в различных сферах жизни общества, а также российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей. Данным законом определены общие субъекты и объекты КИИ, а руководители министерств и ведомств определяют критичность своих объектов и субъектов и подают заявки на внесение их в государственный реестр объектов КИИ. Для обеспечения разделения (ранжирования) объектов МО РФ необходим соответствующий методологический подход, который в явном виде на данный момент отсутствует.

Работы по обеспечению безопасности критически важных объектов можно разделить на два этапа: до выхода Федерального закона № 187 и после его выхода. В законе четко определились с объектами КИИ, защита которых имеет первостепенное значение, и основной угрозой — компьютерными атаками (КА). Одним из элементов КИИ является сеть электросвязи, обеспечивающая взаимодействие остальных объектов КИИ, которая является составной частью системы связи.

Современная система связи (СС) — это огромный организм, состоящий из подсистем в регионах, отдельных городах и населенных пунктах. Аналогично система связи специального назначения также является сложным образованием, состоящим из различных систем, сетей, подсистем, объектов и являющимся составной частью системы управления (СУ). Выход

системы связи из строя приведет к срыву управления войсками и оружием, что может привести к людским потерям, потерям в технике, провалу операции или всей кампании. Выход из строя отдельных средств, элементов системы связи может привести к нарушению функционирования самой системы, что приведет (может привести) к нарушению управления. В этом случае можно говорить о высокой важности или критичности этих элементов для систем связи и управления, а системы связи для системы управления и процесса управления.

Рассматривая сеть электросвязи специального назначения как объект КИИ, подверженный компьютерным атакам и предназначенный для взаимодействия АСУ, ИС и ИТКС, необходимо учитывать, что через любой элемент системы можно осуществить воздействие на другой ее элемент, в частности на сеть электросвязи. Кроме этого, система связи как элемент системы управления является КВО для системы управления. В свою очередь, система управления будет критически важной для процесса управления.

Под критичностью управления понимается состояние управления быть подвергнутым воздействию дестабилизирующих факторов, вследствие которых происходит нарушение (или прекращение) устойчивого управления объектом, т. е. невозможность объектом выполнять возложенные на него задачи (выполнение своего функционала).

Под критически важной системой связи специального назначения можно понимать часть системы управления, нарушение (или прекращение) устойчивого функционирования которой приводит к нарушению (или прекращению) устойчивого функционирования системы управления, потере управления, разрушению инфраструктуры, зависящей от данной СУ, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы или существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный срок.

Под критически важной системой управления специального назначения можно понимать такую систему, нарушение (или прекращение) устойчивого функционирования которой приводит к нарушению (или прекращению) управления, разрушению инфраструктуры, зависящей от данной СУ, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы или существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный срок.

Под критической информационной инфраструктурой системы связи специального назначения можно понимать часть системы связи, воздействие на которую КА приводит (может привести) к нарушению (или

Современная система связи — это огромный организм, состоящий из подсистем в регионах, отдельных городах и населенных пунктах. Аналогично система связи специального назначения также является сложным образованием, состоящим из различных систем, сетей, подсистем, объектов и являющимся составной частью системы управления. Выход системы связи из строя приведет к срыву управления войсками и оружием.

прекращению) устойчивого функционирования системы связи, потере управления, разрушению инфраструктуры, зависящей от данной СУ, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы или существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный срок.

Под критической информационной инфраструктурой системы управления специального назначения можно понимать часть системы управления, воздействие на которую КА приводит (может привести) к нарушению (или прекращению) устойчивого функционирования системы управления, потере управления, разрушению инфраструктуры, зависящей от данной СУ, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы или существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный срок.

Под критически важным объектом критической СС — часть системы связи, нарушение (или прекращение) устойчивого функционирования которой приводит к нарушению (или прекращению) устойчивого функционирования системы связи, системы управления, потере управления, разрушению инфраструктуры, зависящей от данной СУ, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы или существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный срок.

Под критически важным объектом критической СУ — часть системы управления, нарушение (или прекращение) устойчивого функционирования которой приводит к нарушению (или прекращению) устойчивого функционирования системы управления, потере управления, разрушению инфраструктуры, зависящей от данной СУ, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы или существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный срок.

Под функциональной устойчивостью системы связи понимается способность системы связи выполнять возложенные на нее функции по предоставлению всех видов услуг должностным лицам, осуществляющим управление в условиях воздействия на нее различных дестабилизирующих факторов в установленные сроки с заданным качеством.

Развитие техники и средств передачи информации позволило пользователям получать большее количество услуг, однако стоимость такой связи возросла значительно. В современных условиях дешевле арендовать инфраструктуру различных операторов, например, Ростелекома. При этом с большой долей вероятности можно говорить об отсутствии доступа к сети и ее ресурсам только на участке, который находится под вашим контролем, а участок арендодателя является «черным ящиком». С какой долей вероятности противник получает доступ к оборудованию арендодателя, мы не знаем. Кроме того, оборудование сторонней организации становится критичным для системы связи специального назначения.

Вместе с развитием и совершенствованием техники, предназначен-

ной для передачи информации, происходит развитие средств воздействия на элементы системы связи. При этом такое воздействие может привести к сбоям в работе оборудования или его поломке, что в определенный момент, когда необходимо передать информацию, может привести к пагубным последствия, к смерти личного состава и мирного населения.

Одними из самых опасных современных угроз для сетей связи являются компьютерные атаки, которые представляют собой не единичное действие, а, как правило, сложный комплекс мероприятий, включающий подготовку, разведку, поиск уязвимостей и т. д., направленных на получение контроля над ресурсом, взлома, заражения системы, нарушения ее функционирования. Для КВО инфраструктуры системы связи вероятность возникновения подобных воздействий должна быть минимизирована. Государственные и частные организации, как правило, имеют определенный набор средств обеспечения безопасности информации, однако, как показывает практика, эти средства не всегда позволяют противодействовать воздействию сторонних лиц. Возникает необходимость построения динамичной во времени современной системы безопасности объектов КИИ, позволяющей не только обеспечивать противодействие совершаемым воздействиям, но и осуществлять поиск уязвимостей, выявлять оборудование, работающее со сбоями, прогнозировать места воздействия противника, отключать от сети без потери функциональных возможностей все системы, оборудование, на которое осуществляется воздействие. Исследованию этого вопроса необходимо уделять внимание.

Под критически важным объектом критической СУ — часть системы управления, нарушение устойчивого функционирования которой приводит к нарушению устойчивого функционирования системы управления, потере управления, разрушению инфраструктуры, зависящей от данной СУ, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы.

Анализ работ, посвященных исследованию КИИ, позволяет сделать вывод об отсутствии взаимосвязанной структурированной методологии синтеза КИИ, ее элементов, а также КВО системы управления. Авторы рассматривают отдельные объекты КИИ, при этом больше всего внимания уделяется автоматизированным системам управления[1—7]. В меньшей степени рассмотрены ИС и ИТКС[8,9]. Связующим элементом между АСУ, ИС и ИТКС является система связи, с помощью которой осуществляется их взаимодействие, которое также подвержено КА[10,11]. Вопросам оценки критичности системы связи для системы управления и системы управления для управления уделяется мало внимания.

Кроме этого, возникает противоречие в практике, обусловленное наличием требований к КИИ, вводимым ФЗ № 187, и фактически отсутствующей системой обеспечения безопасности КИИ с учетом требований к критичности.

Интерес к вопросу обеспечения безопасности, устойчивости, функциональной устойчивости КВО, КИИ большой. В рамках рассмотренных в статье вопросов решаются научные задачи обеспечения оценки состояния системы безопасности или устойчивости объектов КИИ от воздействия компьютерных атак (деструктивных информационных воздействий). Вопросы разработки

методологии или концепции обеспечения функциональной устойчивости объектов КИИ, указанных в ФЗ № 187 от 26.07.2017 года, в полной мере не рассматриваются. Кроме этого, не уделяется внимания понятию критичности важного объекта специального назначения, что определяет необходимость разработки методологического и методического подходов определения критичности объектов Министерства обороны РФ. В законе определена КИИ, которая включает объекты КИИ и сети электросвязи, предназначенные для взаимодействия объектов. В связи с этим необходимо актуализировать внимание к проблеме критичности СС специального назначения для системы управления, а СУ для процесса управления. Для обеспечения устойчивого функционирования критических объектов и своевременного реагирования при выходе из строя отдельных элементов или в целом объекта, а также принятия мер к решению таких ситуаций требуется разработка методологического подхода, методического и математического аппарата, описывающих критичность СС, СУ, а также органа (органов) контроля за состоянием СС, СУ, их объектов и элементов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Скрыпник А.В.* Методический аппарат ранжирования критически важных объектов противника в целях решения задачи силового стратегического сдерживания // Труды молодых ученых Вооружение и экономика. 2011. № 3 (15). С. 129—140.

[2] *Лепешкин О.М., Гаппоев Р.С.* Оптимизация структуры комплекса технических средств в информационно-управляющих системах государственного управления // Научно-технические ведомости СпбГПУ. 2011. № 5. С. 129—132.

[3] *Павлов А.Н., Павлов Д.А.* Подход к прогнозированию структурной устойчивости сложных объектов // Автоматизированные системы управления. 2013. № 6. С. 64—66.

[4] *Калашников А.О.* Управление информационными рисками объектов критической информационной инфраструктуры РФ // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 3. С. 35—41.

[5] *Куделькина В.А., Янникова И.М.* Структурная схема интеллектуальной интегрированной системы безопасности критически важных и потенциально опасных объектов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 6. С. 570—572

[6] *Массель Л.В., Воропай Н.И., Сендеров С.М., Массель А.Г.* Кибербезопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4. С. 2—10.

[7] *Климов С.М.* Имитационные модели испытаний критически важных информационных объектов в условиях компьютерных атак // Известия ЮФУ. Технические науки. 2016. № 8. С. 27—35.

[8] *Дурнев Р.Ф., Мещеряков Е.М.* Повышение устойчивости функционирования критически важных объектов при воздействии современных средств поражения: перспективные задачи гражданской обороны // Технологии гражданской безопасности. 2016. Т. 13. № 2 (48). С. 54—58.

[9] *Дроботун Е.Б.* Построение модели угроз безопасности информации в АСУ КВО на основе сценариев действия нарушителя // Программные продукты и системы. 2016. Т. 29. № 3. С. 42—50.

[10] *Олейник А.С.* Методы оценки эффективности защиты критически важных объектов // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 280—286.

[11] *Прохоров М.А.* Модель оценивания устойчивости автоматизированных систем управления КВО в условиях деструктивных воздействий // Известия ТулГУ. Технические науки. 2018. № 6. С. 220—228.

Основные направления развития энергетических установок надводных кораблей Военно-Морского Флота

Вице-адмирал И.Т. МУХАМЕТШИН

Капитан 1 ранга М.В. МАКСИМОВ

Капитан 1 ранга С.А. ГОРБУНОВ,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Проанализированы основные направления развития энергетических установок боевых надводных кораблей. Показана актуальность проведения исследований по определению облика газотурбинного двигателя пятого поколения, а также кораблей с электродвижением. Рассмотрены вопросы оснащения кораблей дизельными двигателями нового мощностного типоряда.

ABSTRACT

The paper analyzes the main development trends in power installations of combat surface ships. It shows the relevance of research into finding the look of the fifth-generation gas-turbine engine, and also of electricity-propelled ships. It examines issues of fitting out ships with diesel engines of the new power type range.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Энергетическая установка, главная энергетическая установка, газотурбинный двигатель, дизельный двигатель, система электродвижения корабля, надежность, экономичность.

KEYWORDS

Power installation, main power installation, gas-turbine engine, diesel engine, system of ship’s electro-movement, reliability, economic efficiency.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ документом, определяющим направления развития Военно-Морского Флота (ВМФ), является «Программа кораблестроения до 2050 года», принятая в 2014 году и утвержденная Президентом Российской Федерации. Тенденции развития отечественного и зарубежного кораблестроения, а также заданные программой требования к перспективным кораблям ВМФ определяют основные направления совершенствования их энергетики.

В настоящее время корабли оснащаются всережимными комбинированными энергетическими установками различных типов. При выборе варианта главной энергетической установки (ГЭУ), основным назначением которой является обеспечение заданной скорости хода корабля, исходят из показателей ее надежности (безотказность, ремонтопригодность, долговечность, сохраняемость) и экономичности, а также массогабаритных характеристик, уровней экологической безопасности и автоматизации.

Анализ конструктивно-компоновочных схем энергетических установок иностранных фрегатов и эсминцев показывает основную тенденцию использования ***газотурбинных двигателей*** (ГТД) в их составе. Так, серия эсминцев военно-морских сил (ВМС) США *Arleigh Burke IIA* и перспективный эсминец ВМФ КНР проекта 055 являются полностью газотурбинными. Это объясняется рядом преимуществ газотурбинных энергетических установок (ГТЭУ) перед установками других типов:

- лучшие удельные масса (1,5—3 кг/кВт) и объем (порядка 1 м^3/МВт) ГТД по сравнению с дизельными двигателями (ДД);
- большая агрегатная мощность (до 30—40 МВт) одного ГТД;
- высокие маневренные и динамические характеристики ГТЭУ;
- существенно меньшие по сравнению с дизельными энергетическими установками (ДЭУ) выбросы вредных веществ.

Недостатками ГТЭУ являются:

- низкая топливная экономичность ГТД: по удельному расходу топлива на полной (номинальной) мощности современные отечественные ГТД уступают ДД в 1,2—1,9 раза, на нагрузках до 50 % от номинальной мощности экономичность ГТД резко ухудшается (в 2—2,5 раза);
- высокая чувствительность к изменению температуры атмосферного воздуха — при ее значении более 15 °С на входе в ГТД значительно падают его мощность и коэффициент полезного действия (КПД);
- большой удельный расход воздуха (у ДД меньше в 4,5—5 раз), что требует размещения габаритных воздухоприемных шахт и дымовых труб.

Основа сегодняшних сил ВМФ океанской зоны — корабли советской постройки проектов 1155, 1155.1, 1164, 11540, а также корабли нового поколения (фрегаты проектов 11356 и 22350) оснащены ГТД. Большинство последних произведено украинским предприятием «Зоря-Машпроект». В целях выполнения требований по экономичности ГТЭУ на данных кораблях используют раздельную работу маршевых и форсажных двигателей (табл. 1). Исключение составляет фрегат проекта 22350, на котором применена *дизель-газотурбинная* энергетическая установка (ДГТЭУ) на базе ДД типа 10Д49 и ГТД типа ДА91 российского и украинского производства соответственно.

Таблица 1

Типы корабельных ГТД ВМФ

Проект корабля	Тип агрегата	Тип, мощность, кВт маршевых ГТД	Тип, мощность, кВт форсажных ГТД
1155	М9	ДО63 (ДС71), 6600	ДТ59, 16 550
1155.1	М9Б	ДО90, 10 660	ДТ59, 16 550
1164	М21	ДС71, 6000	ДТ59, 16 550
11540	М27	ДС71, 7350	ДО90, 14 700
11356	М7Н1	ДС71, 6600	ДТ59, 16 550
22350	М55Р	—	ДА91, 20 200

Проблема создания отечественных ГТД была решена ПАО «ОДК-Сатурн» в 2018 году в рамках выполнения подпрограммы «Ускоренное развитие оборонно-промышленного комплекса» государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Освоено производство двигателя типа М90ФР мощностью 20 МВт для применения в составе дизель-газотурбинного агрегата М55Р фрегата проекта 22350 (рис. 1) и ГТД типа М70ФРУ-2 мощностью 10 МВт и агрегатов на его основе для кораблей проектов 12322 «Зубр» и 12061 «Мурена». Также для замены украинских реверсивных двигателей был создан отечественный реверсивный ГТД типа М70ФРУ-Р мощностью 8 МВт, который планируется устанавливать на корабли проектов 1155, 1155.1, 1164, 11540, 11356 при модернизации их газотурбинных агрегатов.

М70ФРУ-2

М70ФРУ

М90ФР

Рис. 1. ГТД производства ПАО «ОДК-Сатурн»

В настоящее время на базе ГТД М90ФР разрабатывается главный газотурбинный агрегат МА3 для перспективных кораблей, а также в ходе модернизации фрегата проекта 22350 планируется создание ГТЭУ в составе двигателей типа М90ФР и М70ФРУ.

С инженерной точки зрения ГТД является сложнейшим изделием машиностроения как по числу технических решений и инноваций, закладываемых в его конструкции и производстве, так и по комплексу конструкторско-технологических задач, требующих решения с применением последних достижений науки и техники[1]. В то время пока Россия занималась импортозамещением украинских ГТД простого цикла *четвертого* поколения, ведущими зарубежными предприятиями были созданы образцы ГТД *пятого* поколе-

ния. В частности, США, Великобритания и Франция совместно разработали ГТД типа *WR-21* мощностью 25,9 МВт и КПД 43,7 %. Временные затраты на его создание составили порядка 15 лет, а финансовые — более 2 млрд долларов, что свидетельствует о сложности и трудоемкости проведенных работ. ГТД используется в составе энергетической установки эсминцев типа 45 *Daring* ВМС Великобритании.

Двигатель типа *WR-21* имеет ***сложный термодинамический цикл*** *с промежуточным охлаждением* рабочего тела и *регенерацией тепла* уходящих газов, что обеспечивает 30-процентную экономию топлива на корабле. За счет применения *регулируемого соплового аппарата* силовой турбины достигнуто минимальное снижение КПД на долевых режимах работы, в частности на 30-процентной нагрузке его значение составляет порядка 43 %, что сопоставимо с ДД с самой высокой термодинамической эффективностью.

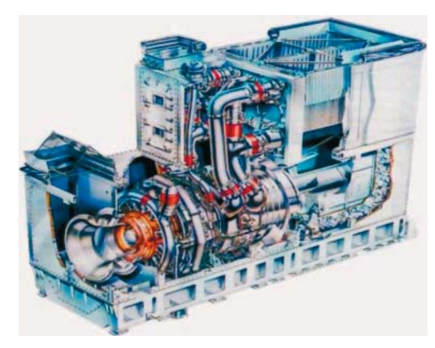
К пятому поколению относится и ГТД типа *MT-30* мощностью 36 МВт и КПД более 40 % производства холдинга *Rolls-Royce*. Он имеет простой цикл и представляет собой ***вариант авиационного двигателя Trent-800*** (также разработки *Rolls-Royce*), который в инициативном порядке был доведен до морских требований, что позволило существенно сократить финансовые и временные затраты по сравнению с ГТД *WR-21*. Достижение высоких значений КПД у двигателя простого цикла стало возможным благодаря увеличению как *температуры газов* перед турбиной высокого давления до 1350 °С и более, так и *степени сжатия* рабочего тела (свыше 28), одновременно с совершенствованием *аэродинамических характеристик* проточных частей компрессора и газовой турбины.

ГТД *MT-30* входит в состав энергетических установок эсминцев проекта *DDG-1000 Zumwalt*, кораблей прибрежной зоны *LCS-1 Freedom* ВМС США, авианосцев типа *Queen Elizabeth* и рассматривается для установки на перспективные фрегаты типа *26 Glasgow* ВМС Великобритании, строящихся по программе *Global Combat Ship*. Внешний вид зарубежных корабельных ГТД пятого поколения представлен на рисунке 2.

MT-30

WR-21

Рис. 2. Зарубежные корабельные ГТД пятого поколения

С учетом отмеченных тенденций внедрения на кораблях ВМС зарубежных стран ГТД пятого поколения научно-исследовательскими организациями Министерства обороны Российской Федерации и организациями промышленности ведутся исследования по обоснованию о б л и к а перспективного отечественного ГТД пятого поколения. Предполагается качественное

улучшение наиболее значимых параметров двигателя: ***снижение удельной массы на 20—30 % и удельного расхода топлива на 15—20 %, увеличение показателей надежности, снижение трудоемкости технического обслуживания в 2—3 раза и стоимости жизненного цикла ориентировочно в 1,3 раза***. Для этого предлагаются следующие варианты (табл. 2):

• продолжение серии морских ГТД типа М90ФР или М70ФРУ;

• разработка принципиально нового ГТД с использованием отдельных серийно изготавливаемых узлов и опробованных технологий;

• конвертация и доработка авиационного двигателя пятого поколения (по аналогии с ГТД *МТ-30*).

Первый вариант может быть реализован путем добавления базовому двигателю типа М90ФР одной или двух *ступеней* компрессора низкого давления (КНД), форсированием *параметров рабочего тела*, внедрением малоэмиссионной *камеры* сгорания и новых жаропрочных *сплавов*, обеспечивающих повышение температуры газа перед турбиной до 1230—1320 °С. В результате предполагается создать линейку двигателей мощностью 25 и 31,5 МВт.

Таблица 2

Варианты разработки перспективного корабельного ГТД пятого поколения

Характеристика	Развитие семейства ГТД типа М90ФР		Разработка принципиально нового двигателя	Конвертация из авиационного двигателя
	М90ФР-2	М90ФР-3		
Мощность, МВт	25	31,5	34–35	35
Возможная схема	10+10 / 1+1+4	11+10 / 1+1+4	5+5 / 1+1+3	4+8 / 2+6+3
КПД	0,359	0,378	~ 0,381	~ 0,40–0,41
Удельный расход топлива, кг/кВт·ч	0,234	0,223	~ 0,221	~ 0,205
Степень повышения давления	23,75	29,19	~ 32,2	~ 35
Расход воздуха, кг/с	83,8	101,1	~ 110,1	~ 120
Температура газа перед турбиной, °С	~ 1230	~ 1320	~ 1330	~ 1380

Примечания: 1. В таблице приведена предполагаемая информация на основе анализа зарубежного опыта создания корабельных ГТД.

2. В возможной схеме двигателя указано число ступеней компрессоров высокого и низкого давления, турбин высокого и низкого давления, силовой турбины: КВД+КНД / ТВД+ТНД+СТ.

Предлагаемый ПАО «ОДК-Сатурн» вариант создания перспективных двигателей на основе базовой модели носит эволюционный характер, при котором не наблюдается существенного улучшения их основных значимых параметров. В частности, максимальное снижение удельного расхода топлива по сравнению с базовыми образцами ожидается на 8 % вместо требуемых 15—20 %. Таким образом, этот путь приведет к созданию двигателя поколения 4+.

При реализации ***второго*** варианта используются отдельные опробованные и зарекомендовав-

шие себя технологии по двигателям производства ПАО «ОДК-Сатурн», авиационному двигателю для истребителя пятого поколения СУ-57 и ГТД-110М промышленного назначения. Снижение *массы* и *габаритов* разрабатываемого изделия может быть достигнуто практически в 2 раза по сравнению с двигателем М90ФР за счет *уменьшения числа ступеней* компрессоров низкого и высокого давления, а также числа ступеней силовой турбины. Повышение КПД может быть достигнуто за счет *форсирования параметров* рабочего тела по температуре. Данный вариант потребует существенно больших финансовых и временных затрат, чем разработка ГТД на основе базовых моделей.

В качестве ***третьего*** варианта за основу принимается авиационный двигатель, например, созданный АО «ОДК-Авиадвигатель» ГТД типа ПД-14 и (или) разрабатываемый ПД-35. В двигателе ПД-14 были достигнуты высокие параметры рабочего тела: температура газа перед турбиной 1700 °С и степень сжатия воздуха в компрессоре 41, что позволило сделать качественный рывок в улучшении основных параметров по сравнению с современными серийными авиационными образцами.

Использование унифицированного *газогенератора* от ПД-14 может позволить создать корабельный ГТД пятого поколения, не прибегая к дорогостоящим и длительным по времени опытно-конструкторским работам. ***Но из-за наличия в воздухе аэрозолей морской воды потребуется заменить материалы основных деталей компрессоров и турбин.*** Поэтому с целью обеспечения требуемых показателей долговечности температуру рабочего тела необходимо *понизить*, что приведет к некоторому снижению КПД относительно авиационного аналога.

Окончательный вариант будет определен Главным командованием ВМФ на этапе разработки тактико-технического задания на выполнение опытно-конструкторской работы по созданию ГТД пятого поколения для перспективных проектов кораблей океанской и дальней морской зон.

Для оснащения кораблей ближней морской зоны за рубежом повсеместно используются ДЭУ. В качестве примера можно привести фрегаты типа *Floreal* ВМС Франции, корветы *Braunschweig* ВМС Германии, египетские — *Gowind*, китайские — проектов 056 и 056А. Исключением являются корабли типа *Freedom* и *Independence* ВМС США, оснащенные ДГТЭУ. Применение ГТД существенно повысило мощность ГЭУ и позволило развивать скорость хода до 45 узлов.

В настоящее время дизельный двигатель является самой эффективной тепловой машиной. Его КПД без системы утилизации отводящегося тепла составляет 40—45 % и выше, а при ее наличии может достигать 60 %.

Преимущества ДЭУ:

• высокая топливная экономичность в широком диапазоне нагрузок: удельный расход топлива современных отечественных корабельных среднеоборотных дизельных двигателей (СОД) на полной (номинальной) мощности составляет 0,166—0,179 кг/(кВт·ч), а высокооборотных (ВОД) — 0,200—0,210 кг/(кВт·ч), на нагрузках до 50 % от номинальной мощности их экономичность практически не изменяется;

• относительно небольшой удельный расход воздуха 6,3—8,4 кг/(кВт·ч) — в 4,5—5 раз меньший, чем у ГТД позволяет снизить массогабаритные характеристики воздухоприемных шахт и дымовых труб ДЭУ, а малое количество отработавших газов по сравнению с другими ти-

пами энергетических установок способствует снижению тепловой заметности корабля;

• возможность работы ДЭУ с противодавлением на выпуске позволяет организовать забортный газоотвод ниже или в районе переменной ватерлинии, что неприемлемо для ГТЭУ;

• меньшая по сравнению с ГТД чувствительность к повышению температуры атмосферного воздуха;

• высокие маневренные качества;

• готовность к немедленному действию и простота мер поддержания установленной готовности.

Недостатки ДЭУ:

• относительно малая агрегатная мощность ДЭУ (для ВОД не превышает 7300 кВт, для СОД — 10 000 кВт) при значительно большей удельной массе (для ВОД 1,9—11,6 кг/кВт, для СОД 9—21 кг/кВт) по сравнению с ГТЭУ;

• повышенные уровни шума и вибрации;

• высокая чувствительность к перегрузкам;

• резкое снижение допустимой мощности при уменьшении частоты вращения коленчатого вала;

• неравномерность крутящего момента, наличие значительных крутильных колебаний на валу отбора мощности.

Несмотря на большую экономичность ДЭУ, ее высокие массогабаритные характеристики и недостаточная агрегатная мощность ДД не позволяют использовать эти установки на большинстве боевых надводных кораблей дальней морской зоны.

За последние 20 лет отечественными предприятиями по техническим требованиям ВМФ созданы и внедрены на кораблях современные ДД. АО «Коломенский завод» на базе дизельного двигателя серии Д49, показавшего высокую надежность, созданы *дизель-редукторные агрегаты* 1ДДА-12000 для кораблей проектов 20380, 20385 и 22160, ДРРА-3700 для кораблей проекта 11711. Кроме того, двигатель вошел в состав *дизель-газотурбинного агрегата* ДГТА-М55Р для фрегата проекта 22350.

ООО «Уральский дизель-моторный завод» на базе дизельного двигателя типа ДМ-21 создана линейка *дизель-генераторов серии* АДГ, установленных на кораблях проектов 22350, 20380, 20385, 18280 и других.

В связи с отсутствием российских двигателей необходимой мощности на некоторых кораблях и судах ВМФ в состав энергетических установок были включены ДД иностранного производства. В частности, на корабли проектов 20385 и 21631 планировалась установка двигателей фирмы *MTU* (Германия). Из-за введения санкций Евросоюзом поставка основного энергетического оборудования фирмой *MTU* была прекращена. Строительство корветов проекта 20385 продолжается с применением энергетической установки по проекту 20380. Малые ракетные корабли проекта 21631 оснащены энергетическими установками на базе ДД *CHD622V20* фирмы *HND* (КНР).

В целях исключения импортозависимости выполнены опытно-конструкторские работы по созданию базовых ДД нового поколения. В частности, ООО «Уральский дизель-моторный завод» создан модельный ряд промышленных *V*-образных ВОД типа ДМ-185 мощностью 1600—4500 кВт, на базе которых разрабатываются ДД 6ДМ-185ВС, 12ДМ-185ВС как ***составная часть дизель-генераторов для перспективных кораблей ВМФ***. Проработан вопрос создания на основе двигателей 16ДМ185 дизель-дизель-редукторного агрегата для кораблей проекта 21631. Характеристики двигателей типа ДМ-185 приведены в таблице 3.

Таблица 3

Технические характеристики дизельных двигателей типа ДМ-185

Тип двигателя	Мощность, кВт	Частота вращения, об/мин	Исполнение	Ресурс до капитального ремонта, ч
6ДМ185	800	1500	рядное	36 000
8ДМ185	1200	1500	рядное	36 000
12ДМ185	1600	1500	V-образное	30 000
16ДМ185	3000	1800	V-образное	25 000
20ДМ185	4500	1900	V-образное	20 000

АО «Коломенский завод» разработано семейство промышленных СОД типа Д500 мощностью 4411—7360 кВт, в настоящее время они дорабатываются согласно требованиям ВМФ. В результате ***будет создана линейка судовых двигателей для дизель-редукторных агрегатов и дизель-генераторов***. В частности, ДД 16СД500 и 20СД500 предусмотрены при проектировании корабля проекта 23900. Внешний вид двигателей типа Д500 приведен на рисунке 3, технические характеристики — в таблице 4.

12Д500 16Д500 20Д500

Рис. 3. Дизельные двигатели типа Д500

Таблица 4

Технические характеристики дизельных двигателей типа Д500

Тип двигателя	Размерность двигателя	Мощность, кВт	Частота вращения, об/мин	Ресурс до капитального ремонта, ч
12Д500	12ЧН26,5/31	4411	1000	60 000
16Д500	16ЧН26,5/31	5900	1000	60 000
20Д500	20ЧН26,5/31	7300	1000	60 000

Другим направлением совершенствования ГЭУ боевых надводных кораблей является внедрение *частичного электродвижения* (ЧЭД). В качестве примера можно назвать фрегат типа *Fremm* ВМС Франции и перспективный фрегат типа *Glasgow* ВМС Великобритании. В отечественном кораблестроении в целях повышения мощности энергетической установки и улучшения ее маневренных характеристик АО «ЦМКБ

«Алмаз» для корвета проекта 20386 предложена ГЭУ с ЧЭД и газотурбинным двигателем М90ФР. Система электродвижения используется на *экономических* скоростях хода и состоит из дизель-генераторов ДГАС, создаваемых на базе ДД типа ДМ185, и гребных электродвигателей АДР производства РЭК «Русэлпром».

Анализ развития зарубежного кораблестроения, в частности в США и других странах НАТО, показывает, что одной из важнейших задач в ближайшем будущем является оснащение кораблей новыми видами оружия (лазерного, электромагнитного) и высокомощными средствами обнаружения, а также внедрение на авианосцах электромагнитных разгонных и тормозных устройств. Данная задача решается путем проектирования ***«полностью электрического» корабля*** и предусматривает, в том числе, переход к системам *полного электродвижения* (ПЭД) и применение мощных источников электроэнергии, сравнимых с мощностью пропульсивного комплекса. С этой целью создается ***единая электроэнергетическая система (ЕЭЭС), объединяющая в себе электроэнергетическую систему и системы электродвижения***. ЕЭЭС обеспечивает движение корабля и электропитание всех боевых средств и корабельных механизмов.

Появление систем электродвижения в судостроении во многом было обусловлено их большей *топливной экономичностью* (10—15 % на маршевых скоростях хода) по сравнению с механическими движительными установками. Внедрение ПЭД повышает энергетическую эффективность ГЭУ за счет:

• выбора оптимального количества работающих генераторов для заданного режима движения корабля;

• возможности достижения максимального КПД генераторов путем варьирования их количества исходя из потребляемой нагрузки;

• отсутствия потерь энергии в механических передачах;

• использования высоковольтного электротехнического оборудования и питания наиболее мощных корабельных потребителей от высоковольтной электрораспределительной сети.

Положительные стороны ЕЭЭС:

• перераспределение энергии повышает эксплуатационную надежность ГЭУ, а внедрение цифрового управления ЕЭЭС — уровень автоматизации;

• регулирование оборотов и направления вращения гребных электродвигателей (ГЭД) улучшает маневренность ГЭУ;

• размещение элементов ЕЭЭС независимо друг от друга в отсеках корабля увеличивает гибкость размещения ГЭУ;

• высокий уровень автоматизации оборудования ЕЭЭС позволяет создавать необитаемые машинные отделения;

• использование однотипных модулей ГЭД, генерирования и распределения электроэнергии обеспечивает оптимальное построение ГЭУ (модульность конструкции) для разных проектов кораблей и судов;

Предлагаемый ПАО «ОДК-Сатурн» вариант создания перспективных двигателей на основе базовой модели носит эволюционный характер, при котором не наблюдается существенного улучшения их основных значимых параметров. В частности, максимальное снижение удельного расхода топлива по сравнению с базовыми образцами ожидается на 8 % вместо требуемых 15—20 %. Таким образом, этот путь приведет к созданию двигателя поколения 4+.

• применение забортных винторулевых колонок (ВРК) высвобождает дополнительное пространство в кормовой части корабля для размещения полезной нагрузки.

Основным недостатком ЕЭЭС с системами электродвижения является существенно бóльшие массогабаритные характеристики энергетической установки. Она в среднем на 30 % тяжелее и на 20 % объемнее, чем традиционная энергетическая установка с механической передачей мощности через редукторную передачу и линию вала. Проблема размещения оборудования ЕЭЭС решается включением в ее состав *высоковольтного* электрооборудования и *выноса ГЭД* за пределы корпуса корабля (применение ВРК).

Ведущими странами НАТО достигнут качественный прорыв в области создания боевых кораблей с ПЭД. Первым в ВМС США «полностью электрическим» кораблем стал эсминец типа *Zumwalt* (мощность ГЭУ — 106 МВт). В Великобритании строятся эсминцы типа *Daring* (мощность ГЭУ — 54 МВт) и авианосцы типа *Queen Elizabeth* (мощность ГЭУ — 109 МВт) с полным электродвижением. На десантных кораблях *Mistral* ВМС Франции и *Juan Karlos I* ВМС Испании также применено ПЭД с ВРК. Тем не менее масса и габариты оборудования ПЭД оказались столь значительны, что не позволили использовать ГЭУ достаточной мощности, в результате чего корабли развивают максимальные скорости хода только 19 и 21 узел соответственно.

АО «Коломенский завод» на базе дизельного двигателя серии Д49, показавшего высокую надежность, созданы дизель-редукторные агрегаты 1ДДА-12000 для кораблей проектов 20380, 20385 и 22160, ДРРА-3700 для кораблей проекта 11711. Кроме того, двигатель вошел в состав дизель-газотурбинного агрегата ДГТА-М55Р для фрегата проекта 22350.

В отечественном надводном кораблестроении ЕЭЭС с системой электродвижения установлена на проектах судов 21300, 20180, 22030, 19910, 745мбс, 21180, 23470 вспомогательного флота. На каждом из этих судов суммарная мощность всех источников электроэнергии не превышает 8 МВт, что позволило применить основную силовую сеть с напряжением тока до 1000 В, а также серийно выпускаемое электрооборудование. Такие ЕЭЭС (с напряжением до 1000 В) не годятся для перспективных боевых кораблей, где для обеспечения полной скорости хода необходимы мощности от 20 МВт и более, что, в свою очередь, требует напряжения тока 6300 или 10 500 В. Поэтому создание боевого надводного корабля дальней морской зоны с ПЭД пока только прорабатывается.

Первым российским кораблем с применением ПЭД и высокого напряжения электросети станет строящийся в настоящее время на АО «Адмиралтейские верфи» универсальный патрульный корабль проекта 23550. ЕЭЭС позволит повысить маневренные и экономические характеристики его ГЭУ, а также освоить технологии создания корабельного высоковольтного оборудования для его дальнейшей установки на перспективные корабли. При этом необходимо учесть научно-технический задел, полученный в ходе разработки ЕЭЭС для серии атомных ледоколов проекта 22220 «Арктика». Данная система построена на напряжении

10 500 В, имеет мощность на валах 60 МВт[2,3] и может рассматриваться в качестве базовой при создании ЕЭЭС для кораблей ВМФ.

В настоящее время в интересах отечественного флота ведутся работы по определению облика систем электродвижения перспективных кораблей. В общем случае для оценки целесообразности установки этих систем, а также выбора предпочтительного варианта (ПЭД или ЧЭД), необходимо определить ***валовые мощности*** (построить буксировочные кривые) для обеспечения заданных скоростей хода. На начальном этапе исследований целесообразно воспользоваться методом *адмиралтейских коэффициентов* с использованием формулы:

$$WPS = \frac{D^{2/3}V^3}{C},$$

где: *WPC* — валовая мощность или мощность, подводимая к гребному винту, л. с.;

D — водоизмещение корабля, т;

V — скорость хода корабля, уз;

C — адмиралтейский коэффициент, определяемый по диаграмме Пампеля.

Значения последнего колеблются в широких пределах в зависимости от скорости хода, а также от класса и типа корабля и могут составлять:

на полном ходу:

180—220 для авианесущих кораблей и тяжелых крейсеров;

Анализ развития зарубежного кораблестроения, в частности в США и других странах НАТО, показывает, что одной из важнейших задач в ближайшем будущем является оснащение кораблей новыми видами оружия (лазерного, электромагнитного) и высокомощными средствами обнаружения, а также внедрение на авианосцах электромагнитных разгонных и тормозных устройств.

160—190 для легких крейсеров и эсминцев;

140—160 для сторожевых кораблей (фрегатов);

для экономического хода значения адмиралтейских коэффициентов составляют 240—280.

Анализ формулы показывает, что увеличение скорости хода более 20 узлов приводит к *резкому росту мощности*, а следовательно, и к такому же возрастанию массогабаритных характеристик ЕЭЭС даже с учетом применения высоковольтного энергетического оборудования. Можно сделать вывод, что ***перспективные корабли целесообразно оснащать системами ПЭД, когда заданная скорость полного хода не превышает 20 узлов***. В остальных случаях для реализации преимуществ систем электродвижения стоит рассматривать варианты ***комбинированных*** ГЭУ с ЧЭД.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Половинкин В.Н., Барановский В.В., Колодяжный Д.Ю.* Оценка целесообразности и способов разработки и создания корабельного газотурбинного двигателя 5-го поколения // Судостроение. 2019. № 1. С. 11—31.

[2] Универсальный атомный ледокол проекта 22220. URL:http://www.rosatomflot.ru/flot/universalnyy-atomnyy-ledokol-proekta-22220/ (дата обращения: 06.05.2021).

[3] *Рыжков А.* ЦКБ «Айсберг»: На основе опыта создания атомных ледоколов приступаем к плавучему энергоблоку на СПГ. URL:https://sudostroenie.info/novosti/25935.html (дата обращения: 06.05.2021).

О важности разработки научно-методического аппарата обоснования комплектов вооружения Сухопутных войск

Полковник запаса А.И. АНДРЕЕВ,
кандидат технических наук

Полковник запаса И.В. ЖИДКОВ,
кандидат технических наук

Полковник в отставке М.И. ЧЕРНОВ

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются необходимость и проблемные вопросы разработки научно-методического обоснования комплектов вооружения войсковых формирований Сухопутных войск и предлагается расчетно-моделирующий комплекс для проведения таких исследований.

ABSTRACT

The paper explores the need and problem issues of developing scientific and methodological justification of weapon sets for Ground Forces army formations, and suggests a calculation and modeling complex for this kind for research.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Комплект вооружения войскового формирования, научно-методический аппарат, Сухопутные войска, расчетно-моделирующий комплекс.

KEYWORDS

Weapon set for army formation, scientific and methodological apparatus, Ground Forces, calculation and modeling complex.

ОСНОВНЫЕ задачи определения направлений развития системы вооружения Сухопутных войск (СВ) состоят в обосновании перспектив развития образцов, комплексов и комплектов вооружения войсковых формирований СВ и определяются следующим принципиальным положением: совершенствование вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) должно рассматриваться не как создание совокупности отдельных новых образцов ВВСТ, а как развитие системы вооружения СВ в целом, имеющей целевое предназначение, определяемое возложенными на Сухопутные войска задачами. Главным аспектом развития системы вооружения выступает требование обеспечения войсковых формирований такими образцами ВВСТ, при использовании которых эти формирования способны успешно выполнять поставленные задачи по своему прямому предназначению.

При проведении исследований в области развития системы вооружения одной из самых значимых проблем является обоснование комплектов вооружения формирований тактического звена Сухопутных войск.

Под комплектом вооружения (рис. 1) понимается количественно-качественная совокупность функционально связанных между собой средств поражения, разведки, управления, обеспечения и обслуживания в составе войскового формирования, комплексное применение которых позволит с заданной эффективностью с минимальными временными и материальными затратами решить возложенные на них задачи. В этом определении установлено как основное функциональное предназначение комплектов вооружения — эффективное решение задач, так и требование к ним — минимальные временные и материальные затраты на их решение при минимизации потерь личного состава.

Рис. 1. Определение комплекта вооружения общевойсковых формирований тактического звена

Проблема обоснования комплектов вооружения общевойсковых формирований СВ состоит в том, что:

- имеется значительное количество разнотипных образцов вооружения, способных решать одни и те же задачи;
- все элементы комплекта вооружения функционально связаны, так как в целом комплект вооружения формирований тактического звена направлен на решение основной задачи — уничтожение (поражение) противника, отражение его ударов;
- принятие решения по составу комплектов осуществляется в условиях целого ряда неопределенностей, основными из которых являются окончательные сроки разработки образцов вооружения и стоимости образца на каждом этапе жизненного цикла;
- комплекты вооружения имеют широкую географию и разнообразные условия боевого применения, характеризующиеся значительным интервалом температур и влажности атмосферного воздуха, различными грунтовыми условиями, высотой над уровнем моря и т. п.;
- комплект вооружения должен обеспечивать решение задач на заданный период времени с требуемой эффективностью и приемлемыми затратами на его содержание.

Оснащение войск беспилотными (безэкипажными) системами вооружения и отдельными образцами не-

традиционных ВВСТ, включая лазерные и СВЧ-комплексы подавления и защиты от беспилотных комплексов, гиперзвуковыми средствами поражения, выводит задачу обоснования комплектов вооружения общевойсковых формирований на новый уровень.

В таких условиях оптимальное решение вопроса о качественно-количественном составе комплекта вооружения и входящих в него образцов различных подсистем вооружения возможно лишь на основе проведения тщательных исследований по обоснованию качественных характеристик комплекта в целом.

Общевойсковое формирование создается с целью выполнения определенного ряда боевых задач, и его комплект вооружения является сложной многоуровневой системой, состоящей из отдельных образцов, входящих в свои комплекты (комплекты РВиА, войсковой ПВО, разведки, инженерных войск и др.), которые, в свою очередь, формируют общий комплект вооружения воинского формирования[1].

Рассмотрению подлежит как комплект вооружения общевойскового соединения (дивизии — как высшего общевойскового формирования тактического звена) в целом, так и комплекты вооружения общевойсковых частей и подразделений, формирований родов войск и специальных войск, входящих в состав соединения. Структура комплектов вооружения формирований тактического звена показана на рисунке 2.

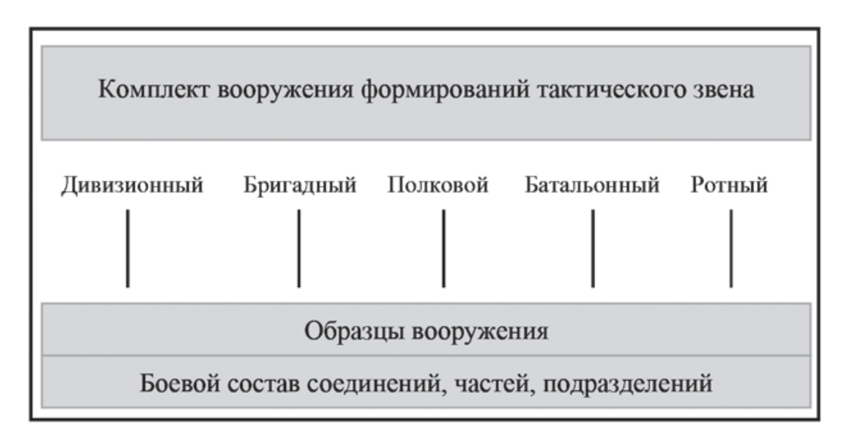

Рис. 2. Структура комплектов вооружения, классифицированных по организационно-штатной принадлежности

Общий алгоритм обоснования комплектов вооружения включает несколько взаимосвязанных этапов (рис. 3). Следует отметить, что каждый из рассматриваемых на данном рисунке этапов представляет достаточно сложную и трудоемкую задачу.

Основным содержанием этапа определения боевых задач общевойсковых формирований является оперативно-тактическое прогнозирование в виде стратегических и оперативно-тактических взглядов на возможный характер войны, операций и боев рассматриваемого периода на заданном театре военных действий.

Основными исходными данными для формирования этих взглядов являются: современные положения стратегии, оперативного искусства и тактики; данные технического прогноза развития вооружения на соответствующий период; прогнозируемый качественно-количественный состав вооружения, находящегося

Рис. 3. Общий алгоритм обоснования комплектов вооружения

в войсках на начало такого периода (относительное количество старого, нового и новейшего вооружения); данные прогноза развития вооружения вероятного противника и характера его боевых действий; взгляды экспертов на характер будущей войны, приемы и способы ведения операций (боев) войсками, оснащенными перспективным вооружением. При этом данные о перспективном вооружении сторон могут быть весьма общего характера и только по некоторым видам вооружения представляется возможным прогнозировать конкретные характеристики отдельных образцов.

Под комплектом вооружения понимается количественно-качественная совокупность функционально связанных между собой средств поражения, разведки, управления, обеспечения и обслуживания в составе войскового формирования, комплексное применение которых позволит с заданной эффективностью с минимальными временными и материальными затратами решить возложенные на них задачи.

На основе стратегических и оперативно-тактических взглядов на возможный характер будущей войны, ее операций (боев) разрабатываются предварительные общевойсковые стратегические и оперативно-тактические материалы в виде описаний стратегических, фронтовых, армейских операций, боев дивизий, бригад, полков, батальонов или иных прогнозируемых общевойсковых формирований. В описаниях операций (боев), несмотря на то что они могут носить весьма общий характер, должны быть определены задачи войск и способы их решения, объем задач по огневому поражению противника при решении различных оперативных, тактических задач и распределение его между различными средствами поражения. Замыслы операций (боев), задачи войск, их оперативное (боевое) построение, порядок выполнения задач по возможности должны быть отражены на картах для проведения моделирования. В таком виде они являются теми общими отправными данными, на основе которых начинается работа по определению

боевых задач, возлагаемых на общевойсковые формирования.

Исходя из результатов технического прогнозирования, предварительных общевойсковых стратегических и оперативно-тактических материалов, учитывая современное состояние вооружения и основные направления его развития, определенные в предыдущих исследованиях, а также его место и роль в системе вооружения Сухопутных войск и развивая способы боевого применения, на основе частных методик определяются (обосновываются) предварительные тактико-технические требования к перспективным комплексам и образцам вооружения[2]. И каждое требование, предъявленное к той или иной характеристике комплекта вооружения общевойскового формирования, будет трансформироваться в требования к соответствующему образцу или повлияет на требования к ряду характеристик сразу нескольких образцов.

Формируемые требования должны отвечать следующим принципам:

- общность требований;
- перспективность и увязка требований с программами развития вооружения;
- соответствие содержания и формулировок требований способам применения нормативно-технической документации системы общих технических требований;
- контролируемость требований;
- обоснованность и реализуемость требований.

На основе оценки результатов технического прогнозирования и возможностей промышленности на этом и последующих этапах исследования формируются ограничения, через которые осуществляется принцип реализуемости. Однако тактико-технические требования, являясь отражением объективной необходимости, диктуемой потребностями

Общевойсковое формирование создается с целью выполнения определенного ряда боевых задач, и его комплект вооружения является сложной многоуровневой системой, состоящей из отдельных образцов, входящих в свои комплекты (комплекты РВиА, войсковой ПВО, разведки, инженерных войск и др.), которые, в свою очередь, формируют общий комплект вооружения воинского формирования.

операции (боя), могут в разумных пределах превосходить прогнозируемые технические возможности и тем самым стимулировать и активизировать поиск инженерных решений при разработке перспективных образцов вооружения в направлениях, вытекающих из условий ведения боевых действий[3].

Определение требований к образцам (комплексам) вооружения осуществляется в соответствии с алгоритмом, представленным на рисунке 4. Результатом выполнения данного этапа является формирование тактико-технического задания на опытно-конструкторскую работу (ОКР) конкретного образца, комплекса и системы.

Разработка требований к комплектам вооружения в целом и их согласование проводятся как внутри отдельных комплектов, так и внутри каждой подсистемы. В целях качественного обоснования указанных требований целесообразно использовать системы моделирования.

Имея результаты оценки моделирования боевых действий с участием планируемого к разработке образца, надлежит оценить прирост показа-

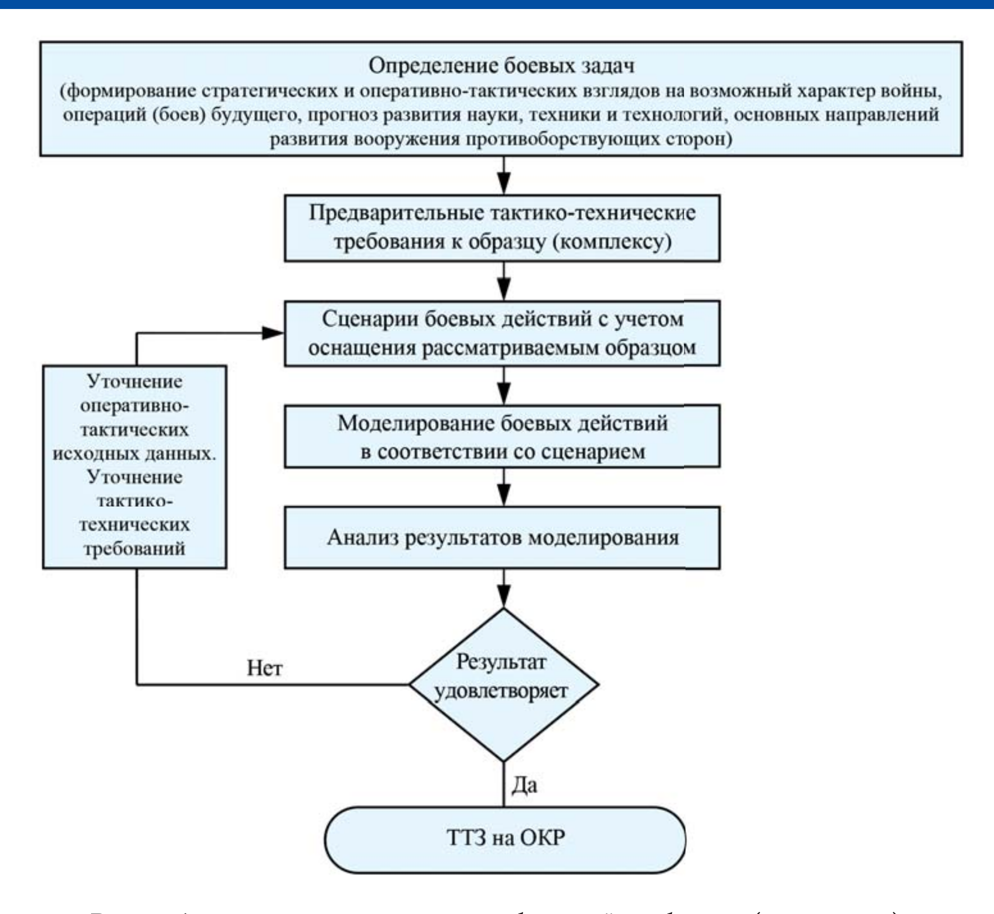

Рис. 4. Алгоритм определения требований к образцу (комплексу)

теля эффективность/стоимость. Если облик образца удовлетворяет перечисленным условиям, то задача считается решенной. Если же условия не выполняются, требуется провести корректировку тактико-технических требований (ТТТ) и, следовательно, тактико-технического задания (ТТЗ), и описанный ранее алгоритм необходимо повторить. Если же и на этот раз задача не решается, целесообразно рассмотреть другие возможные решения (по разработке другого образца, по модернизации существующего и т. д., включая изменение форм и способов боевых действий формирований). При удовлетворительных результатах оценки на основе моделирования формируется тактико-техническое задание на разработку образца.

Для проведения оценки при обосновании комплектов вооружения необходимо рационально ограничить количество рассматриваемых характеристик, включив в их число только те, которые определяют основные качественные стороны комплекта вооружения, степень соответствия комплектов ВВСТ решаемым войсковым формированием боевым задачам.

Выполнение боевой задачи, как правило, обусловливается достижением нескольких целей: нанесение противнику потерь не менее заданного уровня, овладение назначенным рубежом к определенному времени, при этом собственные потери не должны превысить определенного уровня с целью возможности выполнения дальнейшей задачи.

Научно-методические основы обоснования комплектов вооружения войсковых формирований должны обеспечить согласование практических потребностей войск в результатах боевых действий, например огневого поражения противника, с научно-техническими и экономическими возможностями разработки, производства и оснащения войск соответствующим вооружением. На основе таких данных формируются варианты комплектов вооружения. При обосновании комплекта вооружения необходимо перевести оперативные задачи общевойскового формирования на язык технических характеристик комплекта вооружения, получение которых обеспечивается сочетанием определенных элементов из состава комплекта и правильным их использованием. Общая схема выбора варианта комплекта вооружения представлена на рисунке 5.

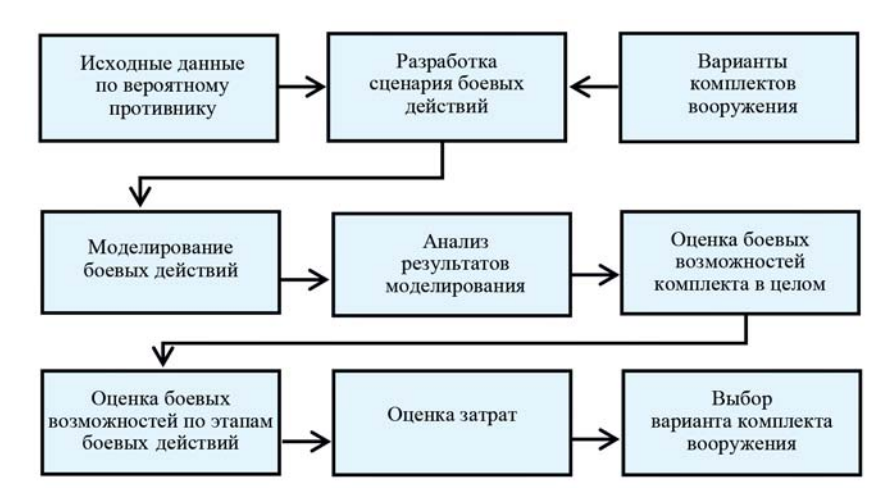

Рис. 5. Общая схема выбора варианта комплекта вооружения

В обеспечение решения этих задач в ФГБУ «3 ЦНИИ» Минобороны России разработано и применяется соответствующее научно-методическое обеспечение, базирующееся на использовании моделей боевых действий сил и средств родов войск и специальных войск. Это прежде всего детальные математические модели боевых действий и боевого функционирования формирований и образцов (комплексов) ракетных войск и артиллерии, бронетанковых войск, войсковой ПВО, различных средств (комплексов) разведки и маскировки, автомобильной техники и других.

Центральное место в совокупности математических моделей и методик института занимает комплексная имитационная модель общевойскового боя войсковых формирований тактического звена СВ и воздушно-десантных войск до соединения включительно. Этот комплекс математических моделей замыкает иерархию большинства частных моделей боевых действий в интересах обеспечения системной оценки эффективности комплектов (образцов, комплексов) войсковых формирований, их боевых возможностей.

Комплексная имитационная двусторонняя модель общевойскового боя формирований тактического звена СВ реализована в макете Расчетно-моделирующего комплекса Сухопутных войск (РМК СВ)[4].

Возможности РМК СВ позволяют оценить вклад существующего и перспективного вооружения в ходе вы-

полнения формированием конкретных боевых задач, проанализировать влияние проводимых мероприятий и характеристик сил и средств боевого и технического обеспечения на реализацию боевых возможностей войсковых формирований и тем самым обосновать рациональный комплект вооружения соединений, частей и подразделений Сухопутных войск.

В заключение следует отметить, что обоснование качественно-количественного состава комплектов вооружения общевойсковых формирований тактического звена в современных условиях должно занимать определяющее место в системе исследований по обоснованию основных направлений и программ развития вооружения, так как такое обоснование определяет конкретный облик системы вооружения и ее образцов. Никаким другим способом, как только на основе всесторонних исследований целесообразности создания вооружения в том или ином конкретном воплощении, в первую очередь на основе имитационного моделирования, нельзя в современных условиях решить вопрос об определенном составе системы вооружения и избежать создания множества альтернативных и малоэффективных образцов. Проведение оперативно-тактических исследований по обоснованию комплектов вооружения — это тот фундамент, на основе которого должны как строиться инженерные решения по созданию конкретных образцов вооружения, так и разрабатываться предложения в программы и планы развития Сухопутных войск. В основу рассмотренного подхода может быть положен разработанный в 3 ЦНИИ Минобороны России макет РМК СВ[5], применение которого на этапе таких оперативно-тактических исследований дает возможность оценить боевую эффективность войскового формирования, оснащенного перспективными образцами вооружения и обосновать в конечном итоге качественно-количественный состав комплектов вооружения общевойсковых формирований.

В ФГБУ «3 ЦНИИ» Минобороны России разработано соответствующее научно-методическое обеспечение, базирующееся на использовании моделей боевых действий сил и средств родов войск и специальных войск.

ПРИМЕЧАНИЯ

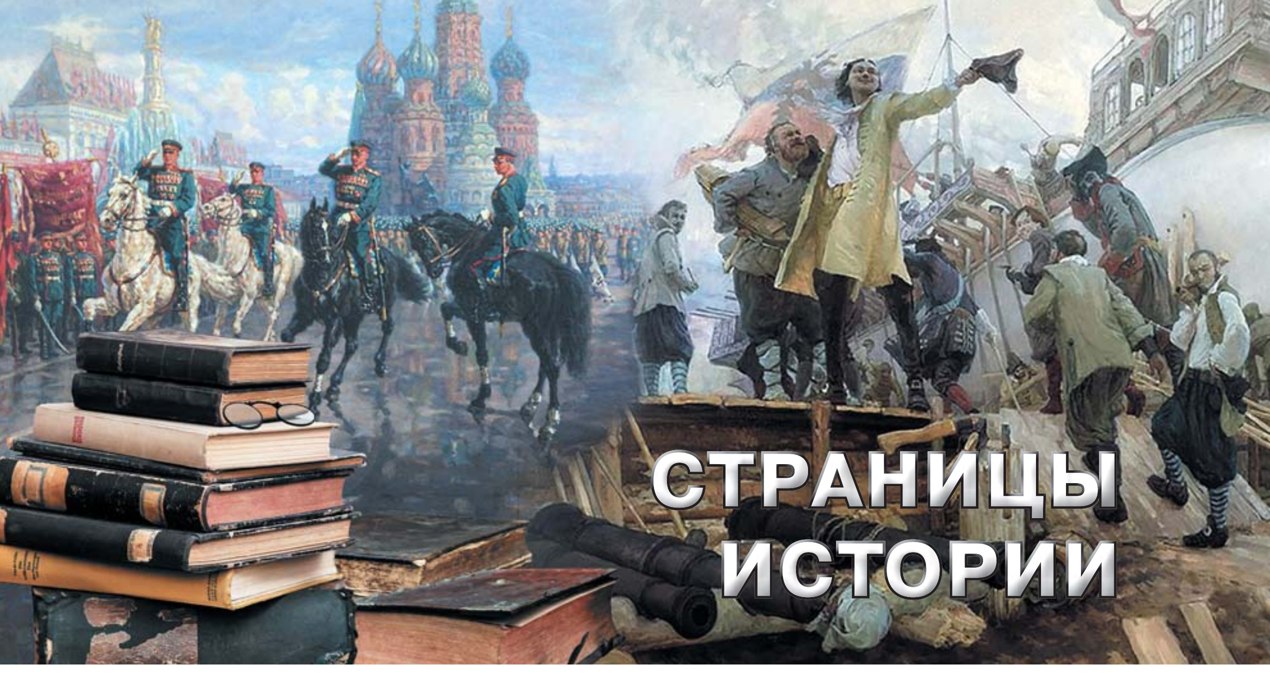
[1] Теория и практика планирования и управления развитием вооружения / В.М. Буренок [и др.]. М.: Вооружение. Политика. Конверсия. 2004. С. 419.

[2] *Бобриков А.А.* Методология выработки оперативно-тактических требований к ракетному и артиллерийскому вооружению РВиА Сухопутных войск. М.: Военное издательство, 1990. С. 116.

[3] Методы теории развития ВМФ / С.К. Свирин [и др.]. М.: Военное издательство, 1988. С. 298.

[4] *Ищук В.А., Андреев А.И., Чернов М.И.* Расчетно-моделирующий комплекс Сухопутных войск — надежный инструмент обоснования комплектов ракетно-артиллерийского вооружения // Ракетно-техническое и артиллерийско-техническое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации. Тематический сборник. 2018. С. 63—66.

[5] Расчетно-моделирующий комплекс Сухопутных войск системной оценки боевой эффективности комплектов (комплексов, образцов) вооружения войсковых формирований тактического звена на основе моделирования общевойскового боя (методология оценки и краткое описание методик и моделей) / И.С. Терехов [и др.]. М.: ГШ ВС РФ, 2006. С. 56.

Военная полиция русской армии: зарождение, становление и основные этапы развития (XVII — начало XX в.)

Генерал-полковник С.В. КУРАЛЕНКО

О.Е. АЛПЕЕВ

Капитан А.А. КУЛЮКИН

АННОТАЦИЯ

Рассматривается история органов и частей охраны правопорядка в русской армии в XVII — начале XX века, раскрываются основные этапы их развития. Делается вывод о важности военной полиции для развития русской армии. Проводятся исторические аналогии с деятельностью военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в настоящее время.

ABSTRACT

The paper looks at the history of the bodies and units of law-and-order maintenance in the Russian Army, 17th century through 20th century, disclosing the main stages in their development. The authors conclude that the military police were important for progress in the Russian Army. The paper draws historical analogies with the work of the military police in the Armed Forces of the Russian Federation at present.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военная полиция, Российская империя, полевые жандармские эскадроны.

KEYWORDS

Military police, Russian Empire, field squadrons of gendarmes.

В ДЕКАБРЕ 2021 года исполняется десять лет со дня образования новой правоохранительной структуры — военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации[1].

В соответствии со статьей 25.1 Федерального закона «Об обороне» (в ред. Федерального закона от 03.02.2014 г. № 7-ФЗ) военная полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих в Вооруженных Силах Российской Федерации, лиц гражданского персонала и граждан, проходящих военные сборы в Вооруженных Силах Российской Федерации, обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации законности, правопорядка, воинской дисциплины, безопасности дорожного движения и охраны объектов Вооруженных Сил Российской Федерации[2].

В настоящее время военная полиция состоит из органов, воинских частей и подразделений военной полиции. К органам военной полиции относятся: центральный орган — Главное управление военной полиции Министерства обороны Российской Федерации, региональные органы — региональные управления военной полиции и военные автомобильные инспекции в военных округах и Северном флоте, а также территориальные органы военной полиции — военные комендатуры, территориальные военные автомобильные инспекции и Управление коменданта охраны (Министерства обороны Российской Федерации).

Необходимо заметить, что Главное управление военной полиции Министерства обороны Российской Федерации, региональные управления военной полиции и военные автомобильные инспекции имеют относительно непродолжительную историю своего развития — с декабря 2011 года, когда в соответствии с директивой Министра обороны Российской Федерации они были сформированы. В отличие от Главного управления военной полиции и региональных органов военные комендатуры, как и вся система органов и частей обеспечения законности, правопорядка, воинской дисциплины и охраны объектов военного значения в Российском государстве, имеют более давнюю историю, насчитывающую около трех столетий. За это время они прошли в своем развитии несколько этапов, причем этот процесс протекал в тесной взаимосвязи с развитием Вооруженных Сил России в XVII — начале XX века. Обращение к историческому опыту деятельности этих структур позволяет говорить о том, что многие задачи, решаемые современной военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации, входили в функциональное предназначение ее предшественников.

Развитие органов и частей охраны правопорядка в русской армии является одной из малоизученных страниц истории Вооруженных Сил России[3].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть содержание основных этапов развития военно-полицейских органов русской армии, раскрыть исторические закономерности процесса их эволюции.

До недавнего времени в научной литературе выделялись не более трех основных этапов в развитии органов охраны правопорядка русской армии периода централизованного Московского государства и Российской империи (XVII — начало XX в.). Так, С.А. Минтягов пишет о двух этапах: 1) начало XVII — начало XIX века; 2) начало XIX — начало XX века[4]. В.М. Корякин выделяет три этапа: 1) начало XVIII — начало XIX века; 2) начало XIX — 70-е годы XIX века; 3) 70-е годы XIX века — февраль 1917 года[5].

По результатам проведенного исследования авторы настоящей статьи предлагают выделить четыре этапа: 1) начало XVII — начало XVIII века; 2) начало XVIII — начало XIX века; 3) 1815—1876 годы; 4) 1876—1918 годы. Их границы в целом коррелируют

с общепризнанной периодизацией истории русской армии, что показывает взаимозависимость развития военных органов правопорядка и Вооруженных Сил дореволюционной России. Так, согласно изданию «Военной энциклопедии» 2003 года, история русской армии в рассматриваемый период включает три этапа: 1) армия Московского государства (XV—XVII вв.); 2) армия в период абсолютизма (XVIII — первая половина XIX в.); 3) армия в период капитализма (вторая половина XIX — начало XX в.)[6]. По мнению авторов статьи, несовпадения периодизаций истории русской армии и военных органов охраны правопорядка связаны, во-первых, с появлением только в начале XVII века должностных лиц, ответственных за поддержание правопорядка в войсках, и, во-вторых, с серьезными изменениями в системе этих органов, произошедшими в начале XIX века, что приводит к необходимости выделить отдельный этап — с 1815 до 1876 года.

Первый этап становления и развития правоохранительных органов связан с введением первых должностных лиц, ответственных за поддержание правопорядка в войсках. До начала XVII века в войске Московского государства специальных чинов, частей и подразделений, предназначенных для поддержания правопорядка в войсках, предусмотрено не было. Обеспечение правопорядка в войсках, расквартированных в городах и крепостях в качестве гарнизонов, возлагалось на воевод, назначавшихся на «годованье», как в те времена называли командование гарнизонными войсками, и на находившихся в их подчинении голов (командиров) так называемых городовых стрелецких полков. Организация в России регулярной армии и введение так называемых полков нового (или иноземного) строя в первой половине XVII века диктовали необходимость формирования военных правоохранительных структур. Впервые попытка законодательно выделить функции охраны правопорядка в войске Московского государства была предпринята в 1607 году в связи с переводом на русский язык «Воинской книги» Л. Фронспергера. В 1621 году этот труд был дополнен переводами воинских книг Германии, Франции, Италии, на основе которых с учетом опыта войн Московского государства конца XVI — начала XVII века был издан «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»[7]. В 1647 году его дополнило «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», также представлявшее собой переработанный на базе отечественного опыта перевод книги голландского военного деятеля И. фон Вальхаузена[8].

В «Уставе ратных, пушечных и других дел» говорится о чине воинского маршалка как о товарище (заместителе) главного воеводы, который заведовал административной частью и организовывал общий надзор за правопорядком. В каждом полку назначался большой воинский пристав, который подчинялся воинскому маршалку. Большой воинский пристав был обязан следить за правопорядком «чтоб тем везде всякие люди были в тишине и покое, и всякую б он злобу наказанием смирял»[9]. Часть седьмая «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» была посвящена вопросу устранения беспорядков при походе войск и предписывала особо назначаемому должностному лицу, ответственному за соблюдение порядка в войсках, профосу, не допускать мародерство и грабежи[10]. Необходимо отметить, что на этом этапе развития военных правоохранительных структур указанные должности не являлись постоянными в силу несовершенства организационно-штатной структуры русской армии.

В 1699 году Петр I приступил к масштабной военной реформе и созданию полноценной регулярной армии — «настоящего войска», как он ее сам называл. Это потребовало дальнейшего развития системы охраны правопорядка в русской армии.

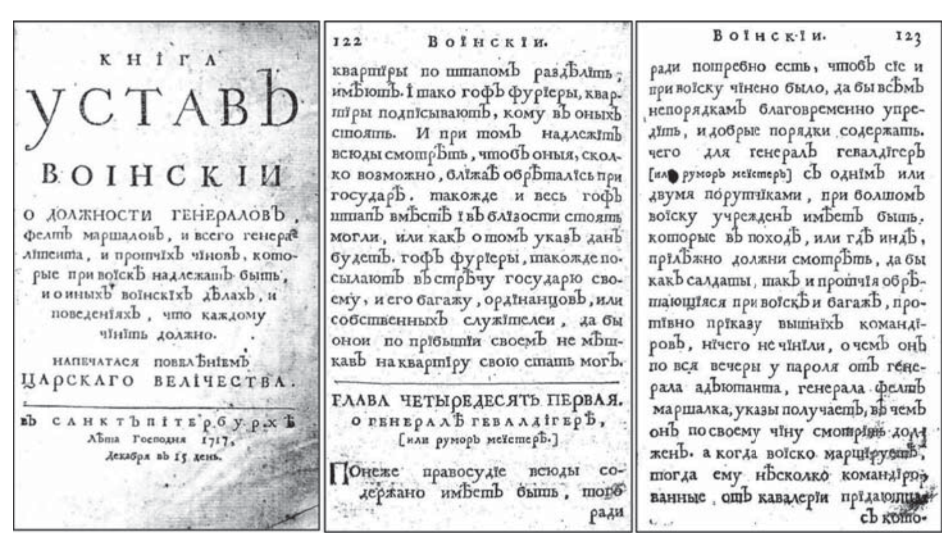
Второй этап в истории военных правоохранительных органов дореволюционной России характеризовался введением новых должностных лиц, ответственных за правоохранительную деятельность в войсках — комендантов гарнизонов и крепостей, а также генерал-гевальдигеров (от нем. *Gewaldherr*), особых военно-полицейских чинов при войсках. Также на этом этапе они занимают постоянное место в организационно-штатной структуре русской армии.

Формирование регулярной армии Петром I и прежде всего рост численности войск, размещение их в многочисленных гарнизонах на территории страны вызвало необходимость ввести в ней комендантскую службу. Функции комендантов сводились к контролю за соблюдением дисциплины в войсках, расположенных в данном населенном пункте. Они же отвечали за организацию гарнизонной и караульной службы, содержание арестованных нижних чинов и офицеров. Первым известным комендантом стал комендант только что заложенного Санкт-Петербурга драгунский полковник К.Э. Ренн (Ренне), назначенный на эту должность в конце октября 1703 года. В течение зимы—весны 1703—1704 годов он руководил охраной, укреплением и обустройством крепости и прилегающих к ней территорий. Также он отвечал и за поддержание правопорядка во вверенном ему гарнизоне[11]. Позднее была введена более высокая должность обер-коменданта, которому одновременно подчинялись гарнизоны нескольких городов или крепостей. До 1715 года коменданты и обер-коменданты объединяли в своих руках как военную, так и гражданскую власть, являясь уездными правителями, позднее же остались только воинскими начальниками. Введение должностей комендантов и обер-комендантов было тесно связано с губернской реформой Петра I, по которой в 1708 году территория России была разделена на 8 губерний, во главе которых стояли губернаторы или генерал-губернаторы, объединявшие в своих руках всю полноту военной и гражданской власти[12]. Коменданты и обер-коменданты поступали в их подчинение.

С 1719 года при комендантах городов и крепостей стали формироваться рабочие органы — комендантские управления, ставшие прообразами современных военных комендатур. В их состав входили плац-майоры и плац-адъютанты. Тогда же началось возведение специальных комендантских помещений, некоторые из которых функционируют в этом качестве по сей день. Например, в построенном в начале XIX века здании Петербургского комендантского управления («ордонансгаузе»), где в 1840 году содержался под арестом М.Ю. Лермонтов, и сегодня располагается военная комендатура Санкт-Петербурга.

Реформирование коснулось и органов, предназначенных для поддержания правопорядка и воинской дисциплины в войсках во время военных действий. В целях обеспечения охраны правопорядка в армии вводились должности генерал-гевальдигеров, подтверждались полномочия профосов, существовавших с XVII века. Их функции и обязанности определялись «Уставом прежних лет» 1706 года, и впоследствии они уточнялись. Например, в 1711 году во время движения войск после Прутского похода генерал-гевальдигеру была дана особая инструкция, направленная на прекращение побегов солдат из армии и поддержание правопорядка в тылу

походных колонн. Во время похода русской армии в Финляндии Петр I в 1713 году дал генерал-гевальдигеру новую инструкцию, согласно которой тому предписывалось задерживать и наказывать тех чинов, которые «ходят по деревням и прочим местам, для всякой здобычи и бездельной своей корысти»[13]. В 1716 году Петр I подписал «Устав воинский» (рис. 1). Глава 41 Устава уточняла функции генерал-гевальдигера (также названного здесь румормейстером)[14]. По утвержденному 9 февраля 1720 года штатному расписанию должностных лиц действующей армии («Генералитету или табели о полевой армии») в ней полагалось двое генерал-гевальдигеров в чине подполковника[15]. Таким образом, должностные лица, ответственные за поддержание правопорядка в войсках, утвердились в организационно-штатной структуре русской армии на постоянной основе.

КНІГА
УСТАВЪ
ВОІНСКІИ
О ДОЛЖНОСТИ ГЕНЕРАЛОВЪ, фелтъ маршаловъ, и всего генералитета, и протчіхъ чиновъ, которые при воіскѣ надлежатъ быть, и о иныхъ воінскіхъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чініть должно.
НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ ЦАРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА.
ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРХѢ
Лѣта Господня 1717, Декабря въ 15 день.

122 Воінскіи.

квартіры по штапомъ раздѣліть; имѣютъ. І тако гофъ фуріеры, квартіры подпісываютъ, кому въ оныхъ стоять. И при томъ надлежітъ всюды смотрѣть, чтобъ оныя, сколко возможно, блізъ обрѣталісь при государѣ. такожде и весь гофъ штапъ вмѣстѣ і въ блізости стоять могли, или какъ о томъ указъ данъ будетъ. гофъ фуріеры, такожде посылаютъ встрѣчу государю своему, и его багажу, ордінанцовъ, или собственныхъ служітелеи, да бы онои по прібытіи своемъ не мѣшкавъ на квартіру свою стать могъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.
О ГЕНЕРАЛѢ ГЕВАЛДІГЕРѢ,
[или руморъ меістерѣ.]

Понеже правосудіе всюды содержано имѣетъ быть, того ради

Воінскіи. 123

ради потребно есть, чтобъ сіе и при воіску чінено было, да бы всѣмъ непорядкамъ благовременно упредіть, и добрые порядки содержать. чего для генералъ гевалдігеръ [или руморъ меістеръ] съ однімъ или двумя порутчіками, при болшомъ воіску учрежденъ имѣетъ быть. которые въ походѣ, или гдѣ индѣ, прілѣжно должни смотрѣть, да бы какъ салдаты, такъ и протчія обрѣтающіяся при воіскѣ и багажѣ, противно пріказу вышніхъ командіровъ, нічего не чініли, о чемъ онъ по вся вечеры у пароля отъ генерала адъютанта, генерала фелтъ маршалка, указы получаетъ, въ чемъ онъ по своему чіну смотріть долженъ. а когда воіско маршируетъ, тогда ему нѣсколко командірованные отъ кавалеріи прідаются съ кото-

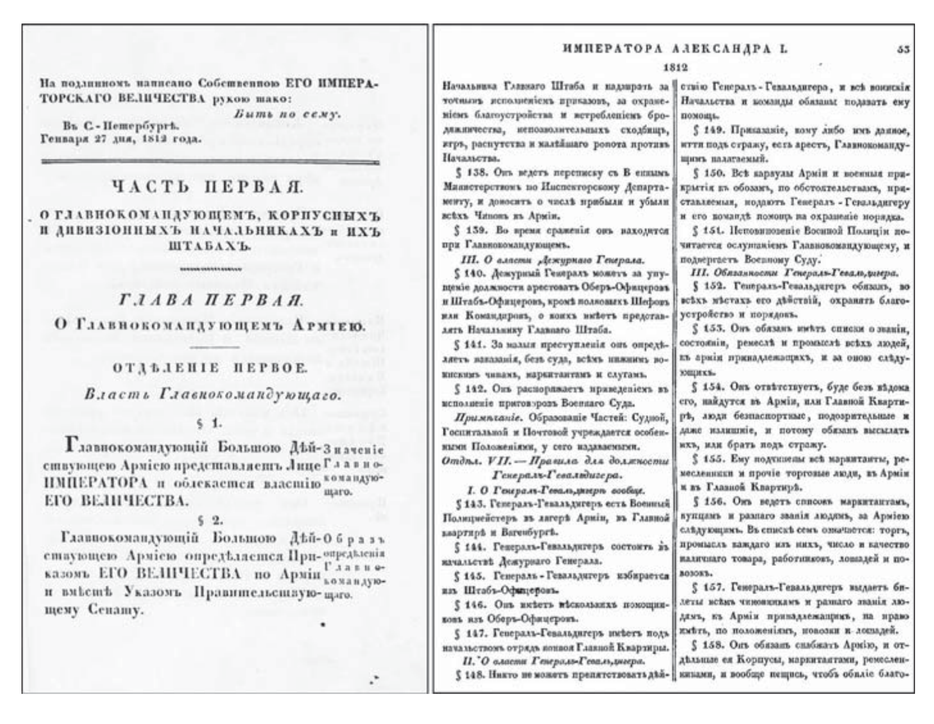
Рис. 1. «Устав воинский» (1716)

Генерал-гевальдигеры и профосы выполняли полицейские функции в полках русской армии и после Петра I. В период Русско-турецкой войны (1736—1739) в штате армии под командованием генерал-фельдмаршала Б. фон Миниха так же, как и ранее, состояли генерал-гевальдигеры и профосы[16]. Во время Ставучанского похода в его приказе от 11 июля 1739 года генерал-гевальдигеру было указано следить, чтобы солдаты не покидали расположение лагеря под угрозой смертной казни[17]. Служебную деятельность генерал-гевальдигера определял и выдающийся полководец генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский. В его «Мыслях по устройству воинской части» основными функциями генерал-гевальдигера были полицейские (предотвращение мародерства, побегов и других преступлений) и тыловые (руководство деятельностью маркитантов и установление цен на их товары, организация поддержания чистоты и гигиены)[18].

Великий полководец А.В. Суворов лично определял место генерал-гевальдигера в походном порядке армии. Например, в диспозиции от 1 июня 1799 года, отданной во время Итальянского похода, будущий генералиссимус указывал: «гевальдигер находится в арьергарде и имеет при себе 5 драгун и казаков»[19]. Таким образом, уже в XVIII веке военачаль-

ники при планировании военных действий уделяли большое внимание участию военно-полицейских подразделений в их обеспечении.

27 января (8 февраля по новому стилю) 1812 года императором Александром I было подписано «Учреждение для управления большой действующей армии»[20] (рис. 2). В нем впервые в официальной документации Российской империи появляется понятие «военная (воинская) полиция». Также на базе трех секретных и неопубликованных дополнений «Учреждения», подписанных Александром I 27 января 1812 года, была создана и получила организационную структуру так называемая высшая воинская полиция, которая являлась органом контрразведки.

На подлинномъ написано Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Быть по сему.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 27 дня, 1812 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ, КОРПУСНЫХЪ И ДИВИЗІОННЫХЪ НАЧАЛЬНИКАХЪ и ИХЪ ШТАБАХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Главнокомандующемъ Арміею.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Власть Главнокомандующаго.

§ 1.

Главнокомандующій Большою Дѣйствующею Арміею представляетъ Лице ИМПЕРАТОРА и облекается властію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. — Значеніе Главнокомандующаго.

§ 2.

Главнокомандующій Большою Дѣйствующею Арміею опредѣляется Приказомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА по Арміи и вмѣстѣ Указомъ Правительствующему Сенату. — Образъ опредѣленія Главнокомандующаго.

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. 53

1812

Начальника Главнаго Штаба и надзирать за точнымъ исполненіемъ приказовъ, за охраненіемъ благоустройства и истребленіемъ бродяжничества, непозволительныхъ сходбищъ, игръ, распутства и малѣйшаго ропота противъ Начальства.

§ 138. Онъ ведетъ переписку съ Военнымъ Министерствомъ по Инспекторскому Департаменту, и доноситъ о числѣ прибыли и убыли всѣхъ Чиновъ въ Арміи.

§ 139. Во время сраженія онъ находится при Главнокомандующемъ.

III. О власти Дежурнаго Генерала.

§ 140. Дежурный Генералъ можетъ за упущеніе должности арестовать Оберъ-Офицеровъ и Штабъ-Офицеровъ, кромѣ полковыхъ Шефовъ или Командировъ, о коихъ имѣетъ представлять Начальнику Главнаго Штаба.

§ 141. За малыя преступленія онъ опредѣляетъ наказанія, безъ суда, всѣмъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, маркитантамъ и слугамъ.

§ 142. Онъ распоряжаетъ приведеніемъ въ исполненіе приговоровъ Военнаго Суда.

Примѣчаніе. Образованіе Частей: Судной, Госпитальной и Почтовой учреждается особенными Положеніями, у сего издаваемыми.

Отдѣл. VII. — Правила для должности Генералъ-Гевальдигера.

I. О Генералъ-Гевальдигерѣ вообще.

§ 143. Генералъ-Гевальдигеръ есть Военный Полицмейстеръ въ лагерѣ Арміи, въ Главной квартирѣ и Вагенбургѣ.

§ 144. Генералъ-Гевальдигеръ состоитъ въ начальствѣ Дежурнаго Генерала.

§ 145. Генералъ-Гевальдигеръ избирается изъ Штабъ-Офицеровъ.

§ 146. Онъ имѣетъ нѣсколькихъ помощниковъ изъ Оберъ-Офицеровъ.

§ 147. Генералъ-Гевальдигеръ имѣетъ подъ начальствомъ отрядъ конвоя Главной Квартиры.

II. О власти Генералъ-Гевальдигера.

§ 148. Никто не можетъ препятствовать дѣйствію Генералъ-Гевальдигера, и всѣ воинскія Начальства и команды обязаны подавать ему помощь.

§ 149. Приказаніе, кому либо имъ данное, итти подъ стражу, есть арестъ, Главнокомандующимъ налагаемый.

§ 150. Всѣ караулы Арміи и военныя прикрытія въ обозахъ, по обстоятельствамъ, приставляемыя, подаютъ Генералъ-Гевальдигеру и его командѣ помощь на охраненіе порядка.

§ 151. Неповиновеніе Военной Полиціи почитается ослушаніемъ Главнокомандующему, и подвергаетъ Военному Суду.

III. Обязанности Генералъ-Гевальдигера.

§ 152. Генералъ-Гевальдигеръ обязанъ, во всѣхъ мѣстахъ его дѣйствій, охранять благоустройство и порядокъ.

§ 153. Онъ обязанъ имѣть списки о званіи, состояніи, ремеслѣ и промыслѣ всѣхъ людей, къ арміи принадлежащихъ, и за оною слѣдующихъ.

§ 154. Онъ отвѣтствуетъ, буде безъ вѣдома его, найдутся въ Арміи, или Главной Квартирѣ, люди безпаспортные, подозрительные и даже излишніе, и потому обязанъ высылать ихъ, или брать подъ стражу.

§ 155. Ему подчинены всѣ маркитанты, ремесленники и прочіе торговые люди, въ Арміи и въ Главной Квартирѣ.

§ 156. Онъ ведетъ списокъ маркитантамъ, купцамъ и разнаго званія людямъ, за Арміею слѣдующимъ. Въ спискѣ семъ означается: торгъ, промыслъ каждаго изъ нихъ, число и качество наличнаго товара, работниковъ, лошадей и повозокъ.

§ 157. Генералъ-Гевальдигеръ выдаетъ билеты всѣмъ чиновникамъ и разнаго званія людямъ, къ Арміи принадлежащимъ, на право имѣть, по положеніямъ, повозки и лошадей.

§ 158. Онъ обязанъ снабжать Армію, и отдѣльные ея Корпусы, маркитантами, ремесленниками, и вообще пещись, чтобъ обиліе благо-

Рис. 2. «Учреждение для управления большой действующей армии» (1812)

Здесь необходимо обратить внимание, что в различных исследованиях смешиваются функции этих двух структур. Это происходит из-за схожести их названий и недостаточно четкого разграничения возлагаемых на них задач в нормативных и руководящих документах[21]. Причиной этого стало особое положение «высшей воинской полиции» в структуре государственного управления Российской империи, подчинявшейся только военному министру и императору, в связи с чем она и получила наименование «высшей», а также важность и многочисленность решаемых ей задач. Во время Отечественной войны 1812 года она осуществляла функции разведки и контрразведки на сопредельных территориях, вела контрразведывательную работу в действующей армии и в местах ее дислокации, координировала действия партизанских отрядов, а также решала политические задачи — осуществляла контроль за местными чиновниками в целях выявления должностных преступлений интендантов и поставщиков товаров для армии. Для обеспечения ее деятельности в распоряжение сотрудников контрразведки поступали

чины гражданской полиции и, по всей видимости, военно-полицейские чины из состава действующей армии[22].

Должностными лицами, непосредственно выполнявшими полицейские функции в армии, были генерал-гевальдигер (при Главном штабе армии), обер-гевальдигер (при штабе корпуса) и гевальдигер (при штабе дивизии). По вопросу поддержания правопорядка генерал-гевальдигер как начальник военной полиции[23] или военный полицмейстер[24] подчинялся дежурному генералу. Необходимо отметить, что функции и полномочия генерал-гевальдигера во многом совпадали с функциями и полномочиями военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (обеспечение правопорядка и воинской дисциплины, проверка документов, удостоверяющих личность военнослужащих и т. п.), но также включали и хозяйственные, не свойственные современному предназначению военных правоохранительных органов.

В частности, он осуществлял контроль за деятельностью гражданских маркитантов в армии. Кроме этого, в соответствии с «Учреждением для управления большой действующей армии» генерал-гевальдигер должен был: 1) охранять благоустройство и порядок в армии; 2) вести списки военнослужащих и всех лиц, принадлежащих к армии; 3) выявлять людей подозрительных, беспаспортных, которых нужно высылать с территории армии или брать под стражу; 4) осматривать лагерь, посылать разъезды для наблюдения, чтобы нигде не было шума, пьянства, карточных игр, нарушителей брать под арест или наказывать; 5) проверять документы всех прибывающих в лагерь[25].

После завершения Отечественной войны должность генерал-гевальдигера была оставлена только на время военных действий[26], а в 1868 году упразднена[27].

Формирование регулярной армии Петром I и прежде всего рост численности войск, размещение их в многочисленных гарнизонах на территории страны вызвало необходимость ввести в ней комендантскую службу. Функции комендантов сводились к контролю за соблюдением дисциплины в войсках, расположенных в данном населенном пункте. Они же отвечали за организацию гарнизонной и караульной службы, содержание арестованных нижних чинов и офицеров.

Также «Учреждением» вводились в действие «Общие правила полевой воинской полиции», составившие вторую главу второй части этого документа. Они подробно регламентировали правоохранительную деятельность в войсках в мирное и военное время, в том числе непосредственно в ходе боевых действий[28]. Обязанности военно-полицейской части в действующей армии в 1812 году исполнял Ингерманландский драгунский полк[29]. Примером важности выполняемых военной полицией задач в Отечественной войне служит приказ от 18 августа 1812 г. № 2 главнокомандующего всеми действующими армиями генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, в котором отмечалось, что в этот день пойманы «в самое короткое время разбродившиеся до 2000 нижних чинов. Сие сделано не старанием начальников, но помощью воинской полиции»[30].

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что в 1812 году в самом конце второго этапа развития органов и частей охраны правопорядка в русской армии военная полиция впервые оформилась как правоохранительный орган и получила необходимую нормативно-правовую базу.

Третий этап развития правоохранительных органов в армии Российской империи был связан с созданием постоянных частей, выполнявших военно-полицейские функции, что вызывалось усложнением организационно-штатной структуры сухопутных войск (введение постоянных корпусов и дивизий) и их количественным ростом. Так, если в 1801 году русская армия насчитывала 446 тыс. человек, то в 1812 году — уже 597 тыс.[31] Временная военно-полицейская деятельность Ингерманландского драгунского полка в Отечественную войну 1812 года показала необходимость наличия в войсках кадровых частей охраны правопорядка. В 1815 году были сформированы две такие части, получившие название «жандармских» — Жандармский полк и Гвардейский жандармский полуэскадрон[32]. Жандармами (от французского *gens d'armes*, букв. — люди при оружии) с XV века в Европе называли тяжеловооруженных всадников, а впоследствии военнослужащих военно-полицейских частей (рис. 3).

Рис. 3. Нижние чины и обер-офицер Гвардейского жандармского полуэскадрона (1840)

Жандармерия как орган охраны правопорядка была впервые создана в революционной Франции в 1791 году, заменив королевскую военную полицию «Марешоссе». Выбор этого термина для обозначения военного полицейского в России определялся, во-первых, французским влиянием на строительство вооруженных сил в Российской империи начала XIX века, не исчезнувшим даже после падения Наполеона I, и, во-вторых, вероятно, необходимостью отличать его от сотрудника выполнявшей контрразведывательные функции «высшей воинской полиции», продолжавшей существовать и ликвидированной только в 1831 году.

В результате исследования установлено, что в Российской империи XIX — начала XX века название «военная полиция», по отношению к частям и подразделениям охраны правопорядка, в армии стало употребляться как собирательное понятие для обозначения всей совокупности этих войск. Так, в «Энциклопедии военных и морских наук», изданной в конце XIX века под редакцией выдающегося русского военного теоретика Г.А. Леера, содержалась короткая статья «Военная полиция», в которой она (полиция) определялась как совокупность жандармских эскадронов и крепостных жандармских команд, существовавших «для поддержания порядка в тылу войск»[33].

Базой для создания жандармских частей послужил Борисоглебский драгунский полк, который был переименован в жандармский 27 августа 1815 года[34]. Позднее, 27 декабря того же года был сформирован Гвардейский жандармский полуэскадрон. Подразделения жандармских частей распределялись для несения военно-полицейской службы при главных квартирах армий, штабах корпусов, в полках. Таким образом, 27 августа (8 сентября по новому стилю) 1815 года можно считать датой появления первой части военной

полиции в истории нашего государства и началом нового этапа в развитии органов охраны правопорядка в русской императорской армии.

Следует отметить, что организация и задачи этих частей отличались от задач Отдельного корпуса жандармов, который был сформирован 28 апреля 1827 года указом императора Николая I в качестве «высшей полиции» Российской империи. Его формирование произошло в ходе реорганизации органов государственного управления, последовавшей вслед за восстанием декабристов (1825), и предназначался он для борьбы с государственными преступлениями[35].

В научной литературе встречается отождествление полевых жандармских частей, выполнявших правоохранительные функции в войсках, со структурными подразделениями Отдельного корпуса жандармов, осуществлявших политический сыск или контрразведку[36], потому вопрос подчиненности военно-полицейских частей в XIX — начале XX века требует уточнения.

Обращение к историческим документам этого периода показывает, что Отдельный корпус жандармов находился в оперативном подчинении III Отделению Собственной Е.И.В. канцелярии и лично императору, а с 1880 года — Департаменту полиции Министерства внутренних дел и шефу жандармов. Последним являлся министр внутренних дел, но в инспекторском, строевом и хозяйственном отношении корпус подчинялся Военному министерству и финансировался по его же сметам[37]. Полевые же жандармские части вели исключительно военно-полицейскую деятельность и подчинялись руководству Отдельного корпуса жандармов чисто номинально, только «в отношении общего заведывания личным составом, штатным устройством и удостоения к наградам»[38]. С 1887 года они были полностью исключены из подчинения шефу жандармов[39].

После переформирования Жандармского полка из Борисоглебского драгунского его эскадроны были распределены для несения военно-полицейской службы в главные квартиры 1-й и 2-й армии, а также в корпуса и пехотные дивизии обеих армий. В 1861 году Жандармский полк был упразднен, а взамен него в мирное время содержались 1-й жандармский эскадрон при главной квартире 1-й армии, 2-й жандармский полуэскадрон при штабе Сводного кавалерийского корпуса и семь жандармских команд при Гренадерском корпусе и 1-м армейском корпусе[40].

18 сентября 1876 года высочайшим приказом Гвардейский жандармский полуэскадрон также был расформирован, а вместо него была сформирована Гвардейская жандармская кадровая команда в составе 1 штаб-офицера, 4 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров, 2 трубачей, 10 пеших рядовых, 15 нестроевых нижних чинов, 40 лошадей. В Русско-турецкую войну (1877—1878) команда, переформированная по мобилизации в эскадрон, находилась на балканском театре военных действий, где принимала участие в бою при Горном Дубняке 6 октября и в занятии Телиша 16 октября 1877 года. 17 апреля 1878 года эскадрону были пожалованы знаки на головные уборы с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов» (рис. 4.). 12 августа 1887 года команда была переименована в Гвардейский полевой жандармский эскадрон.

Рис. 4. Знак на головные уборы Гвардейского полевого жандармского эскадрона

В период Первой мировой войны (1914—1918) вплоть до расформирования в начале 1918 года эскадрон нес военно-полицейскую службу при Ставке Верховного главнокомандующего. Многие чины эскадрона были награждены боевыми наградами.

Четвертый этап в развитии органов охраны правопорядка русской армии ознаменовался созданием новых военно-полицейских частей и был тесно связан с реформированием русской армии при военном министре Д.А. Милютине в 60—70-х годах XIX века, а также с общей реорганизацией Отдельного корпуса жандармов. К этому времени корпус потерял значение «высшей полиции» и перестал подчиняться исключительно императору, перейдя с 1880 года в подчинение Департаменту полиции Министерства внутренних дел[41]. В этот период структура военно-полицейских органов приобрела завершенный вид. Военные реформы, приведшие к созданию массовой армии, основанной на всеобщей воинской повинности вместо рекрутских наборов, потребовали уделять больше внимания поддержанию правопорядка и дисциплины в войсках: в 1876 году численность сухопутных войск достигла 1037 тыс. человек[42]. Бурный рост численности Вооруженных Сил привел к увеличению количества кадровых жандармских частей в русской армии. 27 августа 1876 года, согласно именному приказу императора Александра II, объявленному в приказе по военному ведомству от 18 сентября, были сформированы новые кадровые жандармские команды в дополнение к гвардейской[43]. В военное время они переименовывались в жандармские полевые эскадроны. К началу XX века в русской армии таких частей насчитывалось 6, помимо Гвардейского эскадрона (рис. 5).

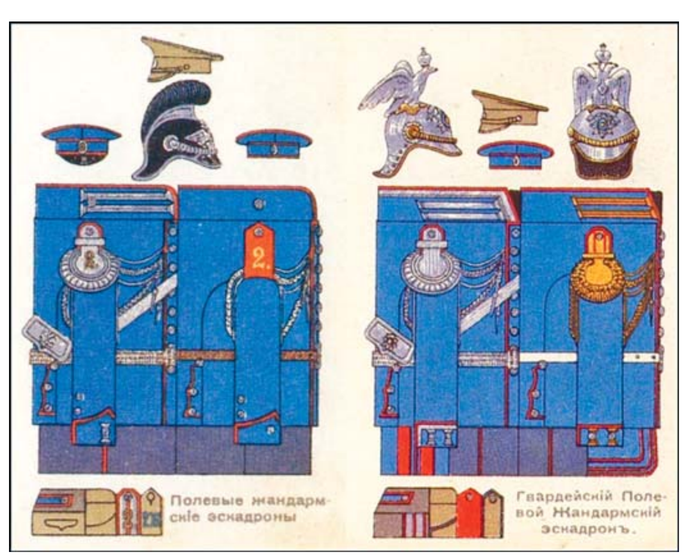

Рис. 5. Таблица форм обмундирования Гвардейского и армейских полевых жандармских эскадронов (Шенк В.К. Таблицы форм обмундирования русской армии. СПб., 1910–1911)

17 декабря 1876 года было подписано «Положение о состоящих при войсках жандармских частях», которое определяло порядок формирования, состав, подчиненность, условия службы, функции и полномочия кадровых жандармских команд[44]. Приказом по военному ведомству № 202

за 1887 год было введено новое «Положение о состоящих при войсках полевых жандармских эскадронах», утвержденное 10 июля[45]. Анализ этих документов показывает, что во многом жандармские команды исполняли обязанности, идентичные обязанностям патруля военной полиции, предусмотренным действующим сегодня «Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации», утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161. Так, в их полномочия входило следить за «формой одежды нижних чинов на гуляньях и других подобных собраниях», производить задержание «самовольно отлучившихся нижних чинов» и т. д.[46]

Помимо поддержания правопорядка в русской императорской армии в 1898—1909 годах чинам армейских полевых жандармских эскадронов пришлось выполнять роль миротворцев на острове Крит. Это более чем на 100 лет предвосхитило миротворческую миссию частей и подразделений военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, решающих аналогичные задачи в Сирийской Арабской Республике. После восстания православных греков на Крите (1895—1896) сводной полевой жандармской команде в составе русского экспедиционного отряда приходилось решать самые разнообразные задачи — помимо умиротворения противоборствующих сторон жандармы участвовали в подготовке местных служителей правопорядка, производили изъятие оружия у населения и т. д.[47]

Важность решаемых полевыми жандармами задач вынуждала проводить тщательный кадровый отбор в их ряды — кандидаты из числа офицеров должны были иметь безупречную репутацию, не допускались к переводу в жандармские эскадроны привлекавшиеся к суду или следствию, а также имевшие казенные или частные долги[48]. В качестве нижних чинов в эскадронах служили исключительно сверхсрочнослужащие унтер-офицеры.

Кроме полевых жандармских эскадронов, являвшихся «становым хребтом» правоохранительной деятельности в войсках, в военную полицию входили крепостные жандармские команды, несшие службу по поддержанию правопорядка на территории укрепленных пунктов, положение о которых был утверждено 15 июня 1887 года[49]. Согласно штатному расписанию на 1910 год в русской армии существовала 21 крепостная жандармская команда.

За поддержание правопорядка в войсках, помимо полевых и крепостных жандармских частей, продолжали отвечать коменданты и функционировавшие при них комендантские управления. Согласно «Уставу гарнизонной службы» 1890 года комендант назначался из частей, находящихся в прямом подчинении начальнику гарнизона, и в своей деятельности подчинялся ему. Комендант был обязан наблюдать за сохранением дисциплины и наружного порядка в войсках, расположенных в данном пункте; за исправным содержанием караулов и точным исполнением гарнизонной службы; за исправным содержанием казенных зданий и т. д.[50]

Кроме штатных частей, охрана правопорядка организовывалась и силами самих войск. Так, приложение 34 к статье 747 «Устава внутренней службы» 1910 года называлось «Наставление для военно-полицейской службы в отдельных частях войск»[51] и определяло несение службы не штатными военно-полицейскими подразделениями, а назначенными приказами командирами полков командами. Старшим должностным лицом для руководства этой деятельностью в полку был «заведывающий военно-полицейской

службой» (или полковой комендант). Во время Первой мировой войны к концу 1915 года, в связи с увеличением преступлений в войсках, неудовлетворительным состоянием воинской дисциплины, вызванным прежде всего количественным ростом Вооруженных Сил и неудачами на фронте, у командования русской армии возникла необходимость увеличения численности частей и подразделений военной полиции. При штабах армий, армейских корпусах, дивизиях и пехотных полках были сформированы дополнительные военно-полицейские органы со своими штатами, которые предусматривали: при штабах корпусов — тылового корпусного коменданта и военно-полицейскую роту с конно-полицейской командой; при штабах дивизий — управления дивизионных комендантов и военно-полицейскую роту; при пехотных полках — полковые полицейские команды[52].

Для несения военно-полицейской службы районы размещения армий, корпусов, дивизий и полков разбивались на участки для распределения зон ответственности за военно-полицейскими командами, патрулями, разъездами, постами, для чего составлялись схемы военно-полицейской службы[53] с пояснительными записками[54]. Например, тыловой район 25-го армейского корпуса был разделен на 5 участков, в каждом участке старшим назначался унтер-офицер. В тыловом районе были выставлены 10 военно-полицейских постов и 4 конных. Ежедневно в смену назначалось 20 человек пеших и 8 конных, что позволяло охватить весь район расположения тыла корпуса[55].

Таким образом, на основании рассмотрения исторического опыта деятельности органов и частей охраны правопорядка можно утверждать, что правоохранительная деятельность в Вооруженных Силах России имеет богатую историю. Как показывает анализ исторических документов и литературы, задачи, выполнявшиеся военной полицией русской армии, во многом соответствуют функциям военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, благодаря чему между военными правоохранительными органами Московского государства, Российской империи и современной России существует историческая сопоставимость и преемственность. С начала XVII по начало XX века органы и части охраны порядка в Вооруженных Силах России, по мнению авторов, прошли четыре этапа развития, на протяжении которых совершенствовались формы и способы выполнения задач военной полицией.

Первый этап (начало XVII — начало XVIII в.) обусловлен появлением первых должностных лиц, ответственных за поддержание правопорядка в войсках — «маршалков» и «профосов», что было вызвано первой попыткой создания в России

Важность решаемых полевыми жандармами задач вынуждала проводить тщательный кадровый отбор в их ряды — кандидаты из числа офицеров должны были иметь безупречную репутацию, не допускались к переводу в жандармские эскадроны привлекавшиеся к суду или следствию, а также имевшие казенные или частные долги. В качестве нижних чинов в эскадронах служили исключительно сверхсрочнослужащие унтер-офицеры. Согласно штатному расписанию на 1910 год в русской армии существовала 21 крепостная жандармская команда.

регулярной армии. Нормативно-правовой базой их деятельности послужили первые уставы русской армии — «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1621) и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647).

Второй этап характеризовался введением должностей комендантов гарнизонов и новых должностных лиц охраны правопорядка в войсках — генерал-гевальдигеров (начало XVIII — начало XIX в.) в связи с военной реформой Петра I. Также они заняли постоянное место в организационно-штатной структуре русской армии. Одновременно происходило совершенствование правовых основ их деятельности, завершившееся принятием «Учреждения для управления большой действующей армии» 1812 года, согласно которому военная полиция получила законченное правовое и организационное оформление.

В ходе **третьего этапа** (1815—1876) формировались первые военно-полицейские (жандармские) части в силу потребностей растущей армии. Развитие частей охраны порядка в войсках в этот период происходило параллельно с реорганизацией общеимперских правоохранительных органов, вызванной необходимостью укрепления основ поддержания правопорядка в государстве и приведшей к созданию Отдельного корпуса жандармов как «высшей полиции».

Четвертый этап характеризовался увеличением численности военно-полицейских частей и созданием завершенной устойчивой структуры органов и частей охраны правопорядка армии (1876—1918). Это было следствием военных реформ в русской армии в 1860—1870-х годах, а также реорганизации органов охраны правопорядка в общем и Отдельного корпуса жандармов в частности, в результате лишившегося статуса «высшей полиции». В 1876 году было

На основании рассмотрения исторического опыта деятельности органов и частей охраны правопорядка можно утверждать, что правоохранительная деятельность в Вооруженных Силах России имеет богатую историю. Как показывает анализ исторических документов и литературы, задачи, выполнявшиеся военной полицией русской армии, во многом соответствуют функциям военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, благодаря чему между военными правоохранительными органами Московского государства, Российской империи и современной России существует историческая сопоставимость и преемственность.

введено «Положение о состоящих при войсках жандармских частях», которое стало прочной нормативно-правовой базой для их деятельности.

Проведенное исследование показывает необходимость военных правоохранительных органов и частей для Вооруженных Сил России и позволяет выявить две исторические закономерности в их развитии. Во-первых, количественный рост органов и частей охраны правопорядка в войсках происходил под влиянием численного увеличения сухопутных войск и усложнения их организационно-штатной структуры. Так, например, увеличение числа полевых жандармских команд в 1876 году продиктовано военными реформами 60—70-х годов XIX века, приведшими к созданию массовой армии. В военное время по мере выполнения мобилизационного развертывания Вооруженных Сил возникала необходимость поддержания порядка в войсках, что приводило к увеличению количества частей и подразделений военной полиции. Их количество еще больше увеличивалось, в том числе за счет временных формирований, в случае обострения обстановки в походе или непосред-

ственно во время боевых действий, что диктовалось необходимостью освободить командующих от задач, не связанных с управлением войсками.

Вторая закономерность заключается в том, что эффективная деятельность военной полиции, сопровождавшей войска во время всех войн, которые вела Россия в описываемый период, оказывала положительное влияние на уровень их боеспособности, например, за счет возвращения в строй дезертиров или отставших военнослужащих, как это происходило, в частности, во время Отечественной войны 1812 года.

Дальнейшее изучение истории развития системы органов и частей обеспечения законности, правопорядка, воинской дисциплины и охраны военных объектов в России, несомненно, имеет прикладное значение для совершенствования форм и способов применения военной полиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Корякин В.М., Минтягов С.А., Подшибякин А.Н.* Военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации: теоретико-правовые и практические аспекты деятельности: научно-практическое пособие. М., 2018. С. 7.

[2] Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (в ред. от 3 февраля 2014 г.). Ст. 25.1.

[3] *Киреев И.В.* Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: дис. ... канд. ист. н. М., 1994; *Минтягов С.А.* Историко-правовые основы формирования и деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 18—34.

[4] *Минтягов С.А.* Указ. соч. С. 19—20.

[5] *Корякин В.М.* Настольная книга военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации: науч.-практ. пособие. М., 2015. С. 11.

[6] Русская армия // Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 7. Прод–Таджикистан. М., 2003. С. 297—304.

[7] Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. Ч. 1–2. СПб., 1777—1781.

[8] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.

[9] Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. Ч. 1. С. 60.

[10] *Бобровский И.О.* Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. С. 136.

[11] *Славнитский Н.Р.* Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в гг. Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 51.

[12] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 88—89.

[13] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Петра Великого. С портретами, иллюстрациями и картой. СПб., 1910. С. 199.

[14] Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. СПб., 1717. С. 122—129.

[15] Генерал-гевальдигер // Военная энциклопедия. Т. 7. Воинская честь — гимнастика военная. СПб., 1912. С. 227.

[16] *Байов А.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736—1739 гг. Кампания 1739 г. СПб., 1906. С. 53, 72.

[17] *Масловский Д.Ф.* Ставучанский поход. Документы 1739 г. // Сборник военно-исторических материалов. Вып. II. СПб., 1893. С. 53—54.

[18] *Масловский Д.Ф.* Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России. Царствование Екатерины Великой. Выпуск II. СПб., 1894. С. 38—40.

[19] *Фукс Е.* История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя Италийского,

графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Ч. II. Подлинные акты и официальные бумаги. Печатано по высочайшему повелению. СПб.,1826. С. 296—297.

[20] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXXII. 1812—1814 гг. СПб., 1830. № 24975. С. 43—164.

[21] См., например: *Кубышко В.* Восстанавливая историческую справедливость. URL: http://www.ormvd.ru/interview/restoring-historical-justice/ (дата обращения: 16.03.2021).

[22] Там же.

[23] Отечественная война 1812 г. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. 18. Боевые действия в 1812 г. СПб., 1911. С. 124—125.

[24] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXXII. С. 53.

[25] Там же. С. 53—54.

[26] *Квадри В.В., Корево А.Э.* Краткий исторический обзор императорской главной квартиры в царствование императора Александра I 1801—1825 / под ред. Д.А. Скалона СПб., 1902. С. 57—58.

[27] Положение о полевом управлении войск в военное время (введено приказом военного министра от 17 апреля 1868 г. № 109). СПб., 1868. С. 101—110.

[28] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXXII. С. 62—75.

[29] *Никольский В.П., Поликарпов Н.П.* Труды московского отдела императорского русского военно-исторического общества. Том II. Материалы по Отечественной войне. Подробный журнал исходящих бумаг Собственной канцелярии Главнокомандующего Соединенными Армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 г. М., 1912. С. 339—340.

[30] Отечественная война 1812 г. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. 16. Боевые действия в 1812 г. (август месяц). СПб., 1911. С. 6—7.

[31] *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 12, 15.

[32] *Мартынов В.Ф.* Роль военной прокуратуры, военной полиции и военно-исправительных учреждений в укреплении дисциплины в российской армии в XVIII — начале XX веков // Право и образование. 2012. № 12. С. 139.

[33] Энциклопедия военных и морских наук. Т. 6. СПб., 1893. С. 67.

[34] Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению. Ч. 7. СПб., 1852. С. 321—326.

[35] *Киреев И.В.* Указ. соч. С. 31—32.

[36] См., например: *Корякин В.М.* Указ. соч. С. 12—15.

[37] *Реент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1900—1917 гг.). Рязань, 2001. С. 32.

[38] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LI. Отд. 2. 1876 г. СПб., 1878. № 56331. С. 160.

[39] Там же. Собр. 3-е. Т. IX. 1889 г. СПб., 1891. № 4650 а.

[40] Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 16079. Оп. 1. Д. 233. Л. 177.

[41] *Киреев И.В.* Указ. соч. С. 54—55.

[42] *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 41.

[43] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LI. Отд. 2. 1876 г. СПб., 1878. № 56331.

[44] Там же. № 56699. С. 515—519.

[45] РГВИА. Ф. 2214. Оп.1. Д. 607. Л. 138; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. IX. 1889 г. СПб., 1891. № 4650 а.

[46] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LI. Отд. 2. 1876 г. СПб., 1878. № 56699. С. 516.

[47] *Отфиновский К.К.* Русские полевые жандармы на острове Крите // Военная быль. 1967. № 84. С. 21—26.

[48] *Киреев И.В.* Указ. соч. С. 76.

[49] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. VII. 1887 г. СПб., 1889. № 4595.

[50] Устав гарнизонной службы. СПб., 1890. С. 6.

[51] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXX. Отд. 1. 1910 г. СПб., 1912. № 33247.

[52] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 2. Д. 8. Л. 1—3.

[53] РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 508. Л. 3.

[54] Там же. Д. 486. Л. 90.

[55] Там же. Д. 508. Л. 1, 4.

Состояние и перспективы развития Североатлантического союза

Адмирал И.О. КОСТЮКОВ,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Раскрывается направленность процесса совершенствования военной организации НАТО, основанного на коалиционных и национальных планах по поддержанию и наращиванию военного потенциала альянса в целом и стран — членов блока.

ABSTRACT

The paper discloses the improvement vector of the NATO military organization based on coalition and national plans of maintaining and increasing the military potential of the alliance as a whole and of the bloc member states.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ведение военных действий, гибридная война, группировка войск, информационное противоборство, коалиция, крупномасштабные военные действия, передовое присутствие, кибервойна, методы и способы подготовки и ведения войн.

KEYWORDS

Conduct of hostilities, hybrid warfare, troop grouping, information confrontation, coalition, large-scale combat actions, forward presence, cyber warfare, methods and techniques of preparing and conducting wars.

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ союз сохраняет при ведущей роли Соединенных Штатов Америки статус крупнейшей и наиболее влиятельной военно-политической организации стран Запада. В настоящее время блок объединяет 30 государств. Еще более 40 стран являются партнерами альянса (рис. 1). Ближайшим кандидатом на вступление в блок считается Босния и Герцеговина. Перспективы членства обозначены для Грузии и Украины.

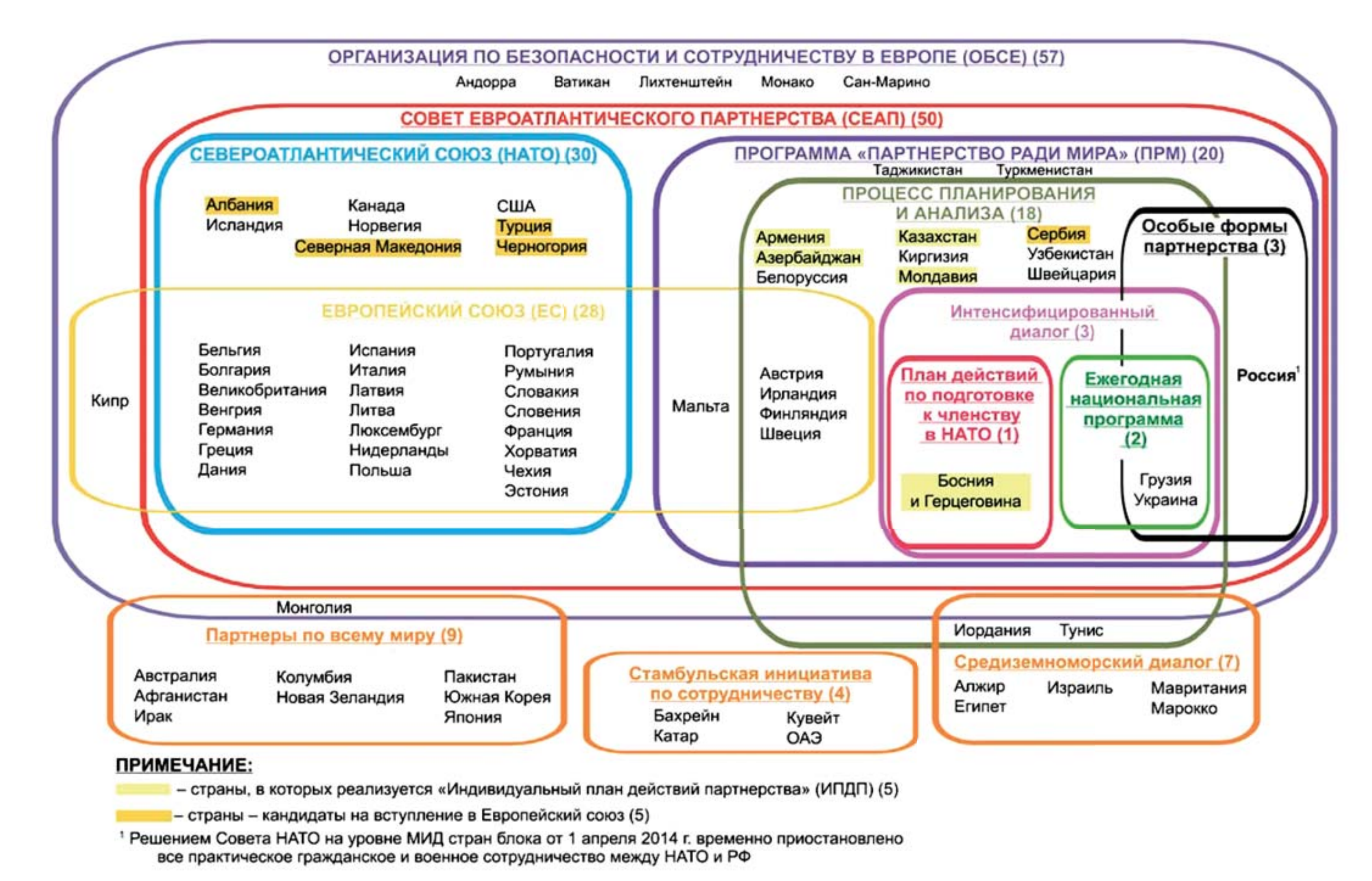

Рис. 1. Североатлантический союз и его партнеры

С распадом СССР альянс переориентировал свою деятельность на силовое продвижение интересов блока за пределы зоны ответственности НАТО. В 1999 году Североатлантический союз развязал агрессию против Югославии, в 2002 — вторгся в Афганистан, в 2004 — содействовал разрушению государственности Ирака, в 2011 году — поддержал переворот в Ливии, после чего направил основные усилия на поддержку вооруженной оппозиции в Сирии и отстранение от власти президента Башара Асада.

Североатлантический союз занял деструктивную позицию в отношении конфликта на юго-востоке Украины. Оказываемое Киеву дипломатическое, экономическое и военное содействие со стороны ведущих государств НАТО провоцирует украинские власти на продолжение боевых действий на Донбассе. В период белорусского кризиса блок в целях оказания силового давления на президента А.Г. Лукашенко активизировал военную деятельность у границ республики.

Данные факты новейшей истории НАТО и биография альянса в целом свидетельствуют о том, что содержащиеся в вашингтонском договоре слова о вере в цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций и желании жить в мире со всеми народами и всеми правительствами — не более чем пустой звук.

Как и в 1949 году, в настоящее время НАТО является карманным инструментом Вашингтона, главная задача которого — сохранение своего глобального лидерства. Взамен на покровительство со стороны США остальным членам альянса отведена роль стран, обеспечивающих легитимность американских авантюр.

Укрепление России в качестве влиятельной мировой державы и активное отстаивание Москвой национальных интересов, в том числе путем урегулирования глобальных и региональных проблем в совокупности с наращиванием военной мощи, были восприняты на Западе как угроза коалиционной безопасности.

«Холодным душем» для НАТО стали возвращение Крыма в состав России, успешная операция российских Вооруженных Сил в Сирии, опережающее создание в нашей стране гиперзвуковых и других перспективных систем оружия. Это послужило причиной пересмотра подходов альянса к отношениям с Российской Федерацией, а также перехода к реализации стратегии «Сдерживания и диалога». При этом НАТО планирует вести диалог только по тем вопросам, которые отвечают интересам Запада.

Главной задачей альянса определено геополитическое и военное сдерживание России в различных географических зонах, а также подготовка к возможной крупномасштабной войне с нашей страной. Данные положения закреплены в большинстве принятых за последние пять лет документов НАТО[1,2,3]. Начиная с 2014 года Североатлантическим союзом:

• пересмотрены ключевые документы оперативного планирования и разработаны новые, в том числе по оказанию военной помощи государствам блока в случае внезапного нападения России;

• развернуты дополнительные органы управления оперативно-стратегического уровня — объединенные командования «Норфолк» (США) и тыла (Германия), штабы корпусного уровня в Польше и Румынии, штабы многонациональных дивизий в Венгрии, Дании, Польше и Румынии;

• скорректировано «Наставление по кризисному реагированию». В частности, признано возможным применение статьи 5 Вашингтонского договора в ответ на кибернападение.

Одновременно альянс активизировал освоение новых сфер военных действий, в частности космического и киберпространств. Для действий в киберпространстве создана разветвленная система соответствующих сил и средств от стратегического до тактического уровня. Особая роль в системе киберобороны альянса отводится центру передового опыта в области кибербезопасности (г. Таллин), сформированному в 2008 году. Лидирующее место по разведывательным, оборонительным и наступательным возможностям в так называемой виртуальной сфере занимают Соединенные Штаты.

В рамках информационного противоборства (ИПб) с Россией задействуются:

• управление общественной дипломатии Международного секретариата НАТО;

• органы стратегической пропаганды штабов ОВС блока всех уровней;

• центр передового опыта в области стратегической пропаганды (г. Рига);

• значительная часть подразделений киберзащиты ВС стран альянса.

Кроме того, к участию в мероприятиях ИПБ привлекаются силы и средства связи, разведки, радиоэлектронной борьбы, специальных операций, а также органы военно-гражданского взаимодействия.

Странами НАТО реализуется множество крупных антироссийских проектов в целях подрыва устойчивости государства и смены власти в нашей стране в 2024 году.

В рамках политического давления на Россию Североатлантический союз активно использует не только двусторонние отношения стран — членов НАТО с РФ, но и международные организации, в частности ООН, ОБСЕ и Организацию по запрещению химического оружия.

Введением антироссийских санкций страны НАТО рассчитывают нанести ущерб ведущим отраслям российской экономики, сделав их неконкурентоспособными. В отношении нашей страны действуют финансовые, имущественные, торговые, технологические и визовые ограничения.

Для оказания военного давления на Российскую Федерацию в Польше, странах Балтии, Румынии и Болгарии в рамках передового присутствия развернуты четыре многонациональные батальонные тактические группы под руководством США, Великобритании, Германии и Канады[4,5,6].

В целях эффективного реагирования на угрозы с восточного (Россия) и южного флангов (Ближний Восток и Северная Африка) в НАТО реализуется американская инициатива «Четыре тридцатки» (рис. 2). Проект предусматривает содержание в повышенной боевой готовности дополнительно 30 боевых батальонов, 30 авиационных эскадрилий и 30 боевых кораблей, способных через 30 суток приступить к решению задач в составе ОВС НАТО.

«Холодным душем» для НАТО стали возвращение Крыма в состав России, успешная операция российских Вооруженных Сил в Сирии, опережающее создание в нашей стране гиперзвуковых и других перспективных систем оружия. Это послужило причиной пересмотра подходов альянса к отношениям с Российской Федерацией, а также перехода к реализации стратегии «Сдерживания и диалога». При этом НАТО планирует вести диалог только по тем вопросам, которые отвечают интересам Запада.

Рис. 2. Суть американской инициативы по повышению боевой готовности ОВС НАТО «Четыре тридцатки»

Ускоренными темпами ведется подготовка инфраструктуры к приему и развертыванию коалиционных войск усиления, а также бесперебойному снабжению группировок в государствах Восточной Европы. Данные меры включают модернизацию аэродромов, портов, железнодорожных узлов, расширение автодорог и тоннелей, увеличение грузоподъемности мостов.

Одновременно альянс значительно увеличил интенсивность разведывательной деятельности против России. С 2014 по 2020 год активность задействования авиационных средств разведки возросла более чем в 60 раз.

Командование объединенных вооруженных сил альянса в 2015 году перенацелило обучение ОВС блока с задач кризисного реагирования на подготовку к ведению крупномасштабных военных действий высокой интенсивности. В данной связи в настоящее время половина войсковых и большая часть командно-штабных учений направлены на отработку вопросов противодействия сопоставимому по мощи противнику.

В практику внедрена новая форма оперативной и боевой подготовки — серии разнесенных по времени (до нескольких месяцев) и месту (в пределах Европейского ТВД) учений, проводимых по единому замыслу. Кроме того, перенимается российский опыт внезапных проверок боеготовности войск.

Корабли НАТО, включая носители противоракет и высокоточного оружия большой дальности, активизировали деятельность в Балтийском, Баренцевом, Норвежском и Черном морях в непосредственной близости от территориальных вод Российской Федерации.

В Арктике страны Североатлантического союза пытаются навязать России геополитическое противоборство с целью не допустить лидерства России в Заполярье, обеспечить беспрепятственный доступ к ресурсам и транспортным маршрутам региона. При этом альянс сфокусировал свое внимание на обеспечении контроля за деятельностью Северного Флота и ходом модернизации российской военной инфраструктуры в Арктике.

Возобновлено развертывание в Баренцевом море отрядов боевых кораблей ОВМС блока (май, сентябрь 2020 года), включающих эсминцы УРО морского компонента европей-

ского сегмента глобальной системы ПРО США (Рота, Испания) с противоракетами «Стандарт-3». Основные цели — отработка учебных задач по перехвату российских баллистических ракет, а также поражению важных объектов в северо-западной и центральной частях РФ крылатыми ракетами морского базирования.

Планирование дальнейшего развития блока осуществляется в рамках инициативы «НАТО-2030». Предложения по практическому наполнению проекта готовит экспертный совет высокого уровня (так называемая группа мудрецов).

В качестве приоритетного направления развития НАТО выделено укрепление внутриблокового единства. Наиболее эффективным способом объединения союзников считается искусственное нагнетание военно-политической напряженности с культивированием негативного образа России в качестве противника и главного источника угрозы коллективной безопасности.

Объединенные вооруженные силы блока не имеют опыта ведения военных действий против сопоставимого по силе противника. Используемая НАТО практика массированных ракетно-бомбовых ударов для принуждения противника к капитуляции в отношении России неприменима, учитывая ее значительный военный потенциал.

Создание крупной наступательной группировки ОВС НАТО возможно под видом учений или в рамках подготовки операции кризисного урегулирования в приграничном с РФ государстве. По оценке командования ОВС НАТО, на начальном этапе успех военных действий против России будет определяться преодолением российских зон ограничения (воспрещения) доступа. С этой целью ожидается комплексное применение крылатых ракет морского и воздушного базирования, оперативно-тактических ракет сухопутных войск, ударных беспилотных летательных аппаратов, сил специальных и киберопераций, а также средств радиоэлектронной борьбы.

В этих условиях целесообразно:

• обеспечить реализацию масштабного комплекса мер по стратегическому сдерживанию Североатлантического союза;

• наращивать потенциал ВС РФ, обеспечив готовность к отражению агрессии во всех сферах вооруженной борьбы, включая информационную;

• расширять взаимодействие со странами ОДКБ, БРИКС и ШОС, системно работать над реализацией оборонных, транспортных и инфраструктурных проектов на пространстве Евразийского экономического союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] AJP-01(E) Allied Joint Doctrine, 2017.

[2] AJP-3 (C) Allied Joint Doctrine for the Conduct of Operations, 2019.

[3] Годовой отчет генерального секретаря НАТО 2020. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_182236.htm (дата обращения: 20.05.2021).

[4] Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization / NATO, 2010.

[5] План действий по повышению боевой готовности ОВС НАТО // NATO's Readiness Action Plan. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_119353.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 20.05.2021).

[6] Учения и другие учебные мероприятия // Exercises & Training. URL: https://www.shape.nato.int/exercises (дата обращения: 20.05.2021).

Россия в кольце «серых зон»

Генерал-полковник Л.П. ШЕВЦОВ

ТЕМА «серых зон» в последние годы пользуется повышенным вниманием отечественных и зарубежных военно-аналитических центров. Своеобразным камертоном для настройки ведущихся на Западе многочисленных исследований данной стратегической проблемы стало выступление президента США Д. Байдена, который в документе «Временные указания по стратегии национальной безопасности» от 3 марта 2021 года пообещал «поддерживать квалификацию сил специальных операций, чтобы сосредоточиться на кризисном реагировании и приоритетном противодействии терроризму и нетрадиционной войне и развивать возможности для лучшей конкуренции и сдерживания действий «серой зоны»[1].

Ему вторит Дж. Болтон, который ранее занимал должность советника президента США по нацбезопасности. Экс-советник, изгнанный президентом Д. Трампом из Белого дома в связи с профнепригодностью, на страницах майского номера американского консервативного издания «*National Review*» выстраивает специфическую стратегию «серых зон», охватывающих Россию своеобразным удушающим «кольцом Анаконды»[2]. Составными звеньями кольца являются постсоветские республики, переманивание которых на сторону НАТО позволит США укрепить свои позиции и «потрясти Кремль».

Среди стратегических находок Дж. Болтона — стремление лишить Россию «серой зоны» между ней и НАТО, найти новые и раздуть старые «тлеющие конфликты», столкнуть РФ и Украину в кровавой схватке, принять в НАТО против России всех желающих, на системной основе использовать для ее удушения уязвимые и «аномальные» места за пределами страны: Украину, Молдавию, Абхазию и Южную Осетию, которые призывает вернуть Грузии, а также район

армяно-азербайджанского конфликта. В список «аномальных зон» Дж. Болтон включает и Белоруссию, которую он тоже хотел бы втянуть в зону влияния Запада, учитывая ее размер и географическое положение[3].

В данном контексте не случайно проблематика «серых зон» привлекла внимание А.А. Бартоша — постоянного автора журнала «Военная Мысль», опубликовавшего на страницах старейшего военно-научного издания России немало статей по проблемам гибридной войны (ГВ), в том числе и по вопросам использования так называемых серых зон в конфликтах современности.

Актуальность темы «серых зон» и значимость этого феномена для национальной безопасности России определяются активным использованием нашими геополитическими противниками разработанных на Западе и внедряемых в практику США и НАТО стратегий, построенных на доктринах сдерживания и принуждения. Данные стратегии предоставляют политикам, дипломатам и военным широкое пространство для размышлений о том, как перехитрить соперника, а не просто подчинить его с помощью военной силы.

Применительно к России обе доктрины предусматривают проведение последовательной и агрессивной линии, направленной на то, чтобы сорвать наше развитие, создать проблемы по внешнему периметру, спровоцировать внутреннюю нестабильность, подорвать ценности, которые объединяют российское общество. И в конечном итоге ослабить Россию и поставить ее под внешний контроль.

Единый план использования «серых зон», искусственно созданных из сопредельных с Россией государств, предусматривает проведение кампании по реализации силовых и несиловых операций в целях навязывания РФ своей воли, ее ослабления и удушения. В то же время в соответствии с планом проводимые подрывные операции не должны приводить к прямому военному конфликту. Подобная тактика позволяет странеагрессору продвигать свои интересы с выходом за пределы общепринятых методов дипломатии, избегая при этом проведения военно-силовых операций, подпадающих под определение «агрессия» в Уставе ООН.

Перечисленные и некоторые другие факторы обусловили актуальность предпринятой А.А. Бартошем попытки раскрыть в недавно изданной им монографии ***«Серая зона: театр гибридной войны»*** роль и место «серой зоны» в стратегиях военных конфликтов XXI века, показать угрозы и риски таких стратегий для России[4].

В книге впервые на научном уровне сделана попытка осмысления нового фактора операционной среды — «серой зоны» как политического стратегического пространства, в пределах которого международная система, балансируя на грани войны и мира, переформатируется под правила нового миропорядка, в котором лидирующая роль отводится Вашингтону.

Автор исследовал перспективы развития военных конфликтов в «серой зоне» на основе военно-политического анализа процессов трансформации межгосударственного противоборства с учетом изменений инструментов сдерживания и принуждения, вызовов, рисков и угроз современности, совершенствования военной техносферы, что связано с применением технологий искусственного интеллекта, проведением кибероперменций, использованием беспилотных летательных аппаратов, развитием глобальных процессов цифровизации. Важное место уделено анализу информационного противоборства в «серых зонах» с акцентом на технологии воздействия на сознание населения в целях навя-

зывания нужных агрессору стереотипов поведения в культурно-мировоззренческой сфере.

Получило развитие понятие «современная операционная среда» как общее операционное пространство, диапазон угроз в котором простирается от мелких, менее технологичных противников, использующих адаптивные, асимметричные методы, до более крупных, модернизированных сил, способных атаковать с применением традиционных и асимметричных способов борьбы. Подробно эта тема раскрыта в статьях А.А. Бартоша ***«"Серые зоны" как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны»***, опубликованных в журнале «Военная Мысль»[5].

В монографии сделан важный вывод о снижении прогнозируемости процессов в «серой зоне», на которые оказывает растущее влияние усиление соперничества между ослабевающими и возвышающимися державами. Обоснованы роль и место стратегии как интеграционного фактора, объединяющего совокупность операций ГВ, рассмотрены особенности организации разведки и управления на театре ГВ.

Угрозы «серых зон» предопределили важность выводов автора по спектру вопросов противоборства в них, где противостоять американским стратегиям сдерживания и принуждения России будет крайне сложно, если не удастся ликвидировать собственные внутренние уязвимости, главными из которых являются отсутствие устойчивого экономического роста и сохраняющиеся разрывы геоэкономической и социальной связности, недостаточная притягательность страны и модели ее развития, неразвитость «мягкой силы» и отсутствие объединяющей государственной идеи.

Россия должна быть нацелена на решение задач внутренней социально-экономической и социально-политической модернизации, обеспечения информационной безопасности, минимизации способности США вмешиваться в наши внутренние политические процессы с использованием возникающих проблем для дестабилизации ситуации и манипуляций настроениями общества.

Наряду с другими работами А.А. Бартоша по вопросам конфликтов XXI века, которые неизменно пользуются широким спросом в России, а некоторые книги издаются в Китае и странах Европы, новая монография безусловно представляет интерес для специалистов, работающих в сфере обеспечения национальной безопасности, для научных работников, студентов и широкого круга читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Interim National Security Strategic Guidance. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/ (дата обращения: 25.04.2021).

[2] Убрать «серую зону» между НАТО и Россией: Болтон объяснил, как защитить интересы США в Восточной Европе // National Review. May 2021. URL: https://russian.rt.com/inotv/2021-05-14/Ubrat-seruyu-zonu-mezhdu-NATO (дата обращения: 25.05.2021).

[3] Там же.

[4] *Бартош А.А.* «Серая зона»: театр гибридной войны. Монография. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 305 с.

[5] *Бартош А.А.* «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная Мысль. 2021. № 2. С. 6—19; № 3. С. 25—37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИЛЬНИЦКИЙ Андрей Михайлович, действительный государственный советник 3-го класса, кандидат технических наук, советник Министра обороны РФ, член Совета по внешней и оборонной политике (Москва) / Andrei ILNITSKY, Councilor of State 3rd Class, Cand. Sc. (Tech.), Adviser to the RF Minister of Defense, Member of the Foreign and Defense Policy Council (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 498-04-76.

E-mail: ilnitskiyam@mil.ru

ЗАРУДНИЦКИЙ Владимир Борисович, генерал-полковник, начальник Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Vladimir B. ZARUDNITSKY, Colonel General, Head of the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-74-12.

МАРИЧЕВ Максим Олегович, полковник, начальник центра НИИ (информационной безопасности) Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Maksim MARICHEV, Colonel, Chief of research center at the Research Institute for Information Security of the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-75-32.

ЛОБАНОВ Игорь Геннадьевич, полковник запаса, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ (информационной безопасности) Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Igor LOBANOV, Colonel (res.), D. Sc. (Pol.), Associate Professor, Leading Researcher, Research Center at the Research Institute for Information Security of the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).

Телефон /Phone: 8 (495) 693-75-32.

ТАРАСОВ Евгений Александрович, полковник запаса, научный сотрудник НИИ (информационной безопасности) Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Yevgeny TARASOV, Colonel (res.), Researcher, Research Center at the Research Institute for Information Security of the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-75-32.

ПЕТРЕНКО Игорь Яковлевич, контр-адмирал, доктор военных наук, доцент, доцент кафедры строительства и применения ВМФ Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Igor PETRENKO, Rear Admiral, D. Sc. (Mil.), Associate Professor, the Navy Construction and Employment Department at the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-79-64.

КОРЯКОВЦЕВ Алексей Анатольевич, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры строительства и применения ВМФ Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Alexei KORYAKOVTSEV, Captain 1st Rank, Cand. Sc. (Hist.), Associate Professor, Associate Professor of the Navy Construction and Employment Department at the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-78-22.

ДОНСКОВ Юрий Ефимович, полковник в отставке, доктор военных наук, профессор, главный научный сотрудник НИИИ (РЭБ) ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж) / Yuri DONSKOV, Colonel (ret.), D. Sc. (Mil.), Professor, Chief Researcher at the EW Research Engineering Center of the Air Force MESC “Air Force Academy” (city of Voronezh).

Телефон / Phone: 8-952-549-30-64.

БОГОСЛОВСКИЙ Андрей Вячеславович, полковник, кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры радиоэлектроники ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж) / Andrei BOGOSLOVSKY, Colonel, Cand. Sc. (Tech.), Deputy Head of the Radioelectronics Department at the Air Force MESC “Air Force Academy” (city of Voronezh).

Телефон / Phone: 8-920-444-55-45.

МАТВЕЕВ Денис Сергеевич, полковник, кандидат военных наук, доцент кафедры радиоэлектроники ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж) / Denis MATVEYEV, Colonel, Cand. Sc. (Mil.), Associate Professor of the Radioelectronics Department at the Air Force MESC “Air Force Academy” (city of Voronezh).

Телефон / Phone: 8-951-866-88-48.

СЕВРУК Василий Евгеньевич, генерал-майор запаса, доктор военных наук, доцент, старший научный сотрудник отдела НИЦ Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Vasily SEVRUK, Major General (res.), D. Sc. (Mil.), Associate Professor, Senior Researcher at Research Center Section of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-79-26.

ВДОВИН Александр Владимирович, полковник запаса, кандидат военных наук, доцент, научный сотрудник отдела НИЦ Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Alexander VDOVIN, Colonel (res.), Cand. Sc. (Mil.), Associate Professor, Researcher at Research Center Section of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

КАРПОВИЧ Вадим Владимирович, полковник запаса, научный сотрудник отдела НИЦ Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Vadim KARPOVICH, Colonel (res.), Researcher at Research Center Section of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

АНОХИН Виктор Афанасьевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, процессор АВН, ведущий научный сотрудник ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж) / Viktor ANOKHIN, Cand. Sc. (Tech.), Senior Researcher, Associate Professor of the Academy of Military Sciences, Leading Researcher at the Air Force MESC «Air Force Academy» (the city of Voronezh).

Телефон / Phone: 8-951-556-73-29.

ХОЛУЕНКО Дмитрий Владимирович, полковник, кандидат военных наук, доцент, профессор АВН, начальник отдела ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж) / Dmitry KHOLUYENKO, Colonel, Cand. Sc. (Mil.), Associate Professor, Professor of the Academy of Military Sciences, Head of Section at the Air Force MESC «Air Force Academy» (the city of Voronezh).

Телефон / Phone: 8-906-671-54-68.

ГРОМЫКО Наталья Михайловна, научный сотрудник ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж) / Natalia GROMYKO, Researcher at the Air Force MESC «Air Force Academy» (the city of Voronezh).

Телефон / Phone: 8-903-853-78-95.

ЗАКИРОВ Олег Раизович, полковник, доктор военных наук, доцент, профессор кафедры разведки Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Oleg ZAKIROV, Colonel, D. Sc. (Mil.), Associate Professor, Professor of the Intelligence Department at the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-74-54.

ГОНЧАРОВ Сергей Владимирович, полковник запаса, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ СВ «Общевойсковая академия ВС РФ» (Москва) / Sergei GONCHAROV, Colonel (res.), Cand. Sc. (Educ.), Associate Professor, Professor of the Humanities and Socioeconomics Department at the Ground Force MESC “Combined-Arms Academy of the RF AF” (Moscow).

Телефон / Phone: 8-926-074-27-49.

E-mail: svaga1962@mail.ru

ОСТРОВЕРХИЙ Валентин Васильевич, подполковник, кандидат педагогических наук, доцент кафедры тактики ДВОКУ (Амурская область, г. Благовещенск) / Valentin OSTROVERKHY, Lieutenant Colonel, Cand. Sc. (Educ.), Associate Professor of the Tactics Department at the Far Eastern Higher Combined-Arms Commander School (Amur Region, the city of Blagoveshchensk).

Телефон / Phone: 8-965-671-10-40.

E-mail: valentino7799@mail.ru

МОРОЗОВ Александр Викторович, кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель кафедры технического обеспечения связи и автоматизации Военной академии связи (Санкт-Петербург) / Alexander MOROZOV, Cand. Sc. (Tech.), Associate Professor, Senior Lecturer at the Technical Support of Communication and Automation Department of the Military Academy of Communications (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8 (812) 247-98-42.

E-mail: moroz19558@yandex.ru

САМОХВАЛОВ Александр Аркадьевич, подполковник, адъюнкт кафедры технического обеспечения связи и автоматизации Военной академии связи (Санкт-Петербург) / Alexander SAMOKHVALOV, Lieutenant Colonel, postgraduate at the Technical Support of Communications and Automation Department of the Military Academy of Communications (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8-903-190-47-45.

E-mail: samokhvalov-83@inbox.ru

СИРКО Николай Николаевич, полковник, адъюнкт кафедры технического обеспечения связи и автоматизации Военной академии связи (Санкт-Петербург) / Nikolai SIRKO, Colonel, postgraduate at the Technical Support of Communications and Automation Department of the Military Academy of Communications (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8-928-154-88-55.

E-mail: radistgraviy@inbox.ru

ЛЕПЕШКИН Олег Михайлович, полковник, доктор технических наук, доцент, доцент кафедры Военной академии связи (Санкт-Петербург) / Oleg LEPESHKIN, Colonel, D. Sc. (Tech.), Associate Professor, the Military Academy of Communications (St. Petersburg).

E-mail: lepechkinl@yandex.ru

ОСТРОУМОВ Олег Александрович, майор, кандидат технических наук, докторант, Военной академии связи (Санкт-Петербург) / Oleg OSTROUMOV, Major, Cand. Sc. (Tech.), Doctoral Candidate at the Military Academy of Communications (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8-981-801-62-10.

E-mail: oleg-26stav@mail.ru

СИНЮК Александр Демьянович, полковник запаса, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры Военной академии связи (Санкт-Петербург) / Alexander SINYUK, Colonel (res.), D. Sc. (Tech.), Associate Professor, Professor of department at the Military Academy of Communications (St. Petersburg).

E-mail: eentrop@rambler.ru

МУХАМЕТШИН Игорь Тимербулатович, вице-адмирал, начальник кораблестроения, вооружения и эксплуатации вооружения — заместитель главнокомандующего Военно-Морским Флотом по вооружению (Санкт-Петербург) / Igor MUKHAMETSHIN, Rear Admiral, Chief of Shipbuilding, Armaments and Arms Exploitation, Deputy Commander-in-Chief for Armaments of the Navy (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8 (812) 449-01-06.

МАКСИМОВ Максим Владимирович, капитан 1 ранга, заместитель начальника технического управления ВМФ — начальник отдела эксплуатации (надводных кораблей) технического управления ВМФ (Санкт-Петербург) / Maksim MAKSIMOV, Captain 1st Rank, Deputy Chief of the Navy Technical Directorate, Head of the Surface Ships Exploitation Section at the Navy Technical Directorate (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8-981-978-88-83, (812) 494-01-28.

ГОРБУНОВ Сергей Александрович, капитан 1 ранга, кандидат технических наук, начальник управления научно-исследовательского института кораблестроения и вооружения ВМФ ВУНЦ ВМФ «ВМА» (Санкт-Петербург) / Sergei GORBUNOV, Captain 1st Rank, Cand. Sc. (Tech.), Chief of Directorate at the Shipbuilding and Navy Armaments Research Institute of the Navy MESC “Naval Academy” (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8-931-978-10-24, 8 (812) 405-07-47.

E-mail: gess1306@gmail.com

АНДРЕЕВ Александр Ильич, полковник запаса, кандидат технических наук, главный научный сотрудник управления 3 ЦНИИ МО РФ (Москва) / Alexander ANDREYEV, Colonel (res.), Cand. Sc. (Tech.), Chief Researcher of Directorate at RF MoD Central Research Institute 3 (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (499) 169-71-80.

ЖИДКОВ Игорь Васильевич, полковник запаса, кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник 3 ЦНИИ МО РФ (Москва) / Igor ZHIDKOV, Colonel (res.), Cand. Sc. (Tech.), Associate Professor, Senior Researcher at RF MoD Central Research Institute 3 (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (499) 169-71-80.

ЧЕРНОВ Михаил Иванович, полковник в отставке, старший научный сотрудник 3 ЦНИИ МО РФ (Москва) / Mikhail CHERNOV, Colonel (ret.), Senior Researcher at RF MoD Central Research Institute 3 (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (499) 169-71-80.

КУРАЛЕНКО Сергей Васильевич, генерал-полковник, начальник Главного управления военной полиции МО РФ (Москва) / Sergei KURALENKO, Colonel General, Chief of the Main Directorate of the Military Police at the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (495) 696-73-83.
E-mail: guvp inform@mil.ru

АЛПЕЕВ Олег Евгеньевич, старший научный сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Oleg ALPEYEV, Ph. D. (Hist.), Senior Researcher at the Military History Research Institute of the Military Academy of the RF AF General Staff (Moscow).
Телефон / Phone: 8-916-808-30-52.
E-mail: oalpeev@yandex.ru

КУЛЮКИН Андрей Андреевич, капитан, оперативный дежурный отделения оперативных дежурных регионального управления военной полиции (по Северному флоту) (Мурманская область, г. Североморск) / Andrei KULYUKIN, Captain, Operational Duty Officer of the Department of Operational Duty Officers at the Regional Military Police Directorate for the Northern Fleet (Murmansk Region, the city of Severomorsk).
Телефон / Phone: 8-911-328-26-42.
E-mail: Kulykin87@mail.ru

КОСТЮКОВ Игорь Олегович, адмирал, кандидат военных наук, начальник Главного управления ГШ ВС РФ — заместитель начальника ГШ ВС РФ (Москва) / Igor KOSTYUKOV, Admiral, Cand. Sc. (Mil.), Chief of the Main Directorate of the RF AF General Staff, Deputy Chief of the RF AF General Staff (Moscow).

ШЕВЦОВ Леонтий Павлович, генерал-полковник, вице-президент Клуба военачальников России (Москва) / Leonty SHEVTSOV, Colonel General, Vice President of the Russia Army Leaders Club (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (495) 640-51-50.

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

Главный редактор С.В. Родиков.
В подготовке номера принимали участие:
А.Ю. Голубев, М.В. Васильев, В.Н. Каранкевич, П.В. Карпов,
А.Ю. Крупский, А.Н. Солдатов, Ю.А. Чирков, А.И. Яценко,
Л.В. Зубарева, Е.Я. Крюкова, Г.Ю. Лысенко, Л.Г. Позднякова,
Н.В. Филиппова, О.Н. Чупшева.
Компьютерная верстка: Е.О. Никифорова, И.И. Болинайц.

Сдано в набор 20.06.2021 Подписано к печати 19.07.2021
Формат 70х108 1/16 Бумага офсетная 10 п.л.
Печать офсетная Тираж 1651 экз. Заказ 3883-2021

Журнал издается ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
Адрес: 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел: 8 (495) 941-23-80, e-mail: ricmorf@yandex.ru
Отдел рекламы — 8 (495) 941-28-46, e-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
Адрес: 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел: 8 (499) 762-63-02.
Отдел распространения периодической печати — 8 (495) 941-39-52.
Цена: «Свободная».

ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ, СЕРЖАНТЫ, ПРАПОРЩИКИ И ОФИЦЕРЫ!
ДОРОГИЕ ВЕТЕРАНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВОЙСК!

6 АВГУСТА 2021 года мы отмечаем 170-ю годовщину со дня образования Железнодорожных войск.

Много славных страниц вписано Железнодорожными войсками в военную летопись нашей Родины. История их становления и развития хранит много ярких героических страниц, свидетельствующих о беззаветной преданности военных железнодорожников своей Отчизне, верности воинскому долгу.

В судьбоносные моменты отечественной истории военные железнодорожники всегда проявляли мужество, стойкость и высочайший профессионализм, вносили достойный вклад в укрепление обороноспособности и экономического могущества страны.

Мы с искренним восхищением вглядываемся в героическое прошлое родных Железнодорожных войск, отдаем дань уважения и признательности ветеранам, отдавшим войскам свой опыт, энергию и знания.

Сегодня в системе материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации личный состав Железнодорожных войск совершенствует свое профессиональное мастерство, осваивает современные образцы военной и специальной техники, поступающие на вооружение Железнодорожных войск, успешно выполняет задачи, поставленные руководством страны и Минобороны России.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить личный состав войск за добросовестное выполнение воинского долга, организованность и порядок в повседневной жизни, высокий профессионализм и творческий подход к делу при проведении мероприятий боевой подготовки.

Хочу сказать спасибо ветеранам за их неоценимый вклад в патриотическое воспитание подрастающего поколения, неустанную работу по пропаганде боевых и трудовых традиций Железнодорожных войск.

С праздником вас, дорогие друзья! Счастья, благополучия, успехов в службе и труде на благо Отечества!

Начальник Главного управления Железнодорожных войск
генерал-лейтенант **О.Косенков**

Внимание!

Полная и сокращенная версии журнала размещаются на официальном сайте редакции — http://vm.ric.mil.ru; научные материалы — на сайте Научной электронной библиотеки — http://www.elibrary.ru; e-mail: ric_vm_4@mil.ru

Подписка на журнал на 2-е полугодие 2021 года осуществляется через ОАО «АРЗИ» «Объединенный каталог Пресса России» (www.pressa-rf.ru), подписной индекс — 39891, по интернет-каталогу www.akc.ru («Агентство «Книга-Сервис»), а также по телефону 8 (495) 941 39 52 (отдел распространения периодических изданий АО «Красная Звезда») или написав письмо по e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда» г. Москва или с доставкой бандеролью по РФ.

ISSN 0236-2058 Военная Мысль. 2021. № 8. 1—160